ХРЕСТОМАТИЯ ШКОЛЬНИКА

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ
ВАЛЕНТИНА АЛЕКСЕЕВА

ЛЕБЕДИНЫЙ КРИК

Лебединый крик (сборник)

Валентина Алексеевна Алексеева, Сергей Петрович Алексеев

Аннотация
Сергей Алексеев, Валентина Алексеева. Лебединый крик. Авторский сборник
Дорогие ребята!
Лебединый крик
  Часть первая. Нашествие
    Знак с неба
    Пыль степная поднялась облаком
    Калка
    Обойдет стороной беда?
    «Когда никого не останется...»
    Евпатий Коловрат и его дружина
    Княгиня Евпраксия и княжич Иван
    Кушак
    Молодые князья
    Василько
    Шуба
    Нянька
    Торжок
    Ишка
    Бату

Злой город
Карась
Веселое молоко
Встретились
Плакал
Крест
Спорили в Ладыжине
Каменец и Кременец
Первый и все остальные
Силу в Руси оставили
Часть вторая. Куликово поле
Звонкое слово
Река Вожа
Фома Неверующий
Речка Пьяна
«Доброе дело. Правое дело»
Движется
Левый берег? Правый берег?
«Руби мосты!»
Бой Пересвета и Челубея
Крик
Страх
Новый кафтан
Славились на Руси
Великокняжеский стяг
Матвеев щит

Святая вода
Ратай
Шесть дней
Федул и Авдул
«Что же медлишь, Засадный полк!»
Слепой
«Где ты, княже?!»
Гусиный брод
Набег на Москву Тохтамыша
Стояние на Угре
Цари и самозванцы. (Рассказы о Смутном времени)
Глава первая. Царевич Дмитрий
Накололся
Три дочери, пять сыновей
Борис Годунов
Клейкой резиной тянется
Есть хочется
Монах Чудова монастыря
Объявился
Великие планы
«На Москву!»
Вторжение
Добрыничи
Бродяга Леонид
Кромы

Хороводы водят
Измена под Кромами
Бежит средь полей дорога
Глава вторая. Конец Отрепьева
Москва. Красная площадь
Трагическое
Горькая сладость
Люди от злобы слепнут
Хоть жмурься
Как квашня
Тьфу!
Едет!
Казнить? Не казнить?
«Мать» и «сын»
На двух дудках
Приглашает
Лабиринт
Не добил
Чмок!
Куда идешь? Что несешь?
Все спокойно
Измена
Конец Отрепьева
Глава третья. Лютость по русской земле ходила
Царь Василий
Чудеса

«Царевич Петр»
До слез обидно
Молчанов
Кто прав? Кто не прав?
Иван Болотников
Калкей и Савелий
Берегись, берегись, Игнат
Измена Ляпунова
Коломенское
Ишута
Крест поцеловал
Вода кругами
Глава четвертая. Лжедмитрий II
В глазах рябит
Дождались!
«Резвые люди»
«Из грязи в князи»
Тушинский лагерь
Снова Марина Мнишек
Плохи дела у Шуйского
Знаменит
Кострома и Галич
Стой! Не шевелись!
Королевич Владислав и король Сигизмунд
Бежал
Еще раз о Марине Мнишек

«Уходи»
Ошиблась
Последняя охота
Глава пятая. Семь бояр и три начальника
Семибоярщина
Четыре Москвы в Москве
Первое народное ополчение
Взметнулась Москва огнем
Снова туча луну закрыла
Глава шестая. Время к рассвету движется
Нижний Новгород
Мугреево
Ополчение и умение
Мастерица
Кто вы? Откуда?
Сидорка
Карл-Филипп
Семь сыновей
Максимилиан
Первый московский бой
Пожимает Матвей плечами
Второй день
Пятнадцать часов
Ворота открылись
Романовы
Иван Сусанин

Последний раз о Марине Мнишек
Новое время

Аннотация

Эта книга состоит из двух частей. Первая часть «Лебединый крик» повествует об ужасной поре татаро-монгольского ига. А вторая называется «Цари и самозванцы» и рассказывает о Смутном времени в России.

Сергей Алексеев, Валентина Алексеева

Лебединый крик

Авторский сборник

Дорогие ребята!

В этой книге — две книги.

Первая из них называется «Лебединый крик». В ней рассказывается о грозных восточных завоевателях, напавших на Русь почти 800 лет назад. Трудные времена настали для нашей Родины. Далеко на востоке в это время образовалось обширное и сильное монголо-татарское государство. Во главе его стал сильный предводитель и выдающийся полководец Чингисхан. Воины Чингисхана в 1223 году подошли к границе русских земель. На реке Калке они разбили дружины русских князей. Через 17 лет, уже после смерти Чингисхана, другой восточный хан Батый прошел по русской земле огнем и мечом. Запылали наши села и города. Долгой и кровавой была борьба с врагами. Наконец в 1380 году московский князь Дмитрий, названный затем Донским, в верховьях Дона на Куликовом поле нанес решительное поражение непрошенным пришельцам. Однако прошло еще целых сто лет, прежде чем окончательно была сброшена власть восточных завоевателей. Русь вздохнула свободно и быстро

пошла вперед.

Через двести лет новое испытание выпало на долю нашей Родины. На сей раз враги пришли с запада. Это были поляки и литовцы. Соединив свои земли, они создали новое сильное государство. Воспользовавшись трудностями в России, западные соседи быстро достигли Москвы и захватили московский Кремль. О тех грозных событиях вы прочитаете во второй части этой книги, которая называется «Цари и самозванцы» (Рассказы о Смутном времени). Вы узнаете о великих русских патриотах Кузьме Минине и Дмитрии Пожарском, о той борьбе, которую вели русский народ и другие народы России с западными завоевателями.

Обе книги написали одни и те же авторы. Известный детский писатель, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР Сергей Алексеев и член Союза писателей, кандидат наук Валентина Алексеева. Это их третья совместная работа. В этой книге мы еще раз с благодарностью и гордостью вспоминаем мужество наших великих предков и их всенародный подвиг.

Лебединый крик

Часть первая
Нашествие
Знак с неба

Мальчишки Кукша Осина и Мина Кольцо валялись в крестьянском поле. В небо смотрели. Звезды считали.

День приближался к концу. Серело, темнело небо. Загорались над головами первые звезды.

— Одна, вторая, третья, — считает Кукша Осина.

— Одна, вторая, третья, четвертая, — считает Мина Кольцо.

— Вижу еще одну, — кричит Кукша.

— Вижу еще одну, и еще одну, — голосит Мина.

Хорошо им валяться в душистых травах. В небо смотреть. Звезды считать. Тишина. Теплота. Красота. Благодать.

И вдруг… Ослепило мальчишек небо. Вспыхнула прямо над ними огонь-звезда. Яркая-яркая, словно осколок солнца.

Зажмурился Кукша, зажмурился Мина. Открыли снова они глаза. Оставляя огненный след, в небе неслась комета.

Бросились от страха мальчишки лицом на землю:

— Боженька, помоги.

Потом вскочили на ноги, помчались к дому. А над головами все светила, светила огонь-звезда. И яркий луч тянулся, как хвост, по небу.

Прибежали друзья в деревню. Отродясь не бывало у них такого. Метались люди, собаки лаяли, кони ржали, коровы мычали. Козы и овцы блеяли. Не к месту, не к сроку вдруг истошно заголосил какой-то шальной петух.

Страх охватил зверей. Страх охватил людей. Семь дней подряд с наступлением темноты появлялась комета на небе.

И снова метались люди, лаяли собаки, ржали кони, мычали коровы, козы и овцы блеяли. И снова до хрипоты голосил петух.

Потом с неба ушла комета.

Не кончились этим беды. Лето вдруг стало страшно сухим. Загорелись леса в округе. Тлели болота. Смрад стоял над землей. Густые облака закрывали солнце. Задыхались от жары и дыма звери и люди.

Но и это еще не все. В колодце у деда Путилы вдруг исчезла вода.

— У деда Путилы в колодце исчезла вода, —

шептались в испуге люди.

Коза Марефа у тетки Варвары вдруг перестала доиться.

— У тетки Варвары коза Марефа перестала доиться, — ахали в страхе.

Шальной петух вдруг лишился голоса. Все у того же деда Путилы выпала борода.

В тот год над всей русской землей пронеслась комета. Долго еще замирали в ужасе люди:

— Знак с неба. Недобрый знак.

Пыль степная поднялась облаком

Поле. Огромное поле. Степное раздолье. Дорога уходит вдаль.

Выскочил суслик из норки. Выбрал пригорок. Привстал. Замер. Глянул направо. Глянул налево. Зорко вперед всмотрелся — туда, где видна дорога.

Что там заклубилось вдали? Пыль степная поднялась облаком. Ближе, все ближе облако. Слышится стук копыт. Это движется конница. Ближе все кони. Ближе.

Покинул поспешно пригорок суслик. Шмыгнул к себе в норку. Затих.

Прошли тем местом конные. Снова суслик из

норки выглянул. Видит — новый идет отряд.

Вид у всадников необычный: скулы широкие, глаза маленькие, приплюснутый нос, редкие волосы на подбородках. Лук у каждого, колчан, наполненный стрелами, боевой топор, веревка к седлу приторочена. Лошади низкорослые, но ладные, крепкие на ноги.

Снова спрятался в горку суслик. Выждал время. Вновь, как солдатик, на взгорке замер.

Конные шли с востока. С той стороны, откуда восходит солнце. Шли отряды один за другим, как волны в просторном море. Двигались тысячи всадников.

Засмотрелся на конных суслик. Потерял осторожность. Не спрятался вовремя в норку. Оказался в кругу верховых. Заметался он между конских копыт. Туда-сюда, туда-сюда. Ищет норку. Нет норки. Затоптали домик суслика лошадиные ноги. Затоптали и суслика.

С востока, из азиатских степей к русским землям приближались грозные завоеватели. В истории они получили название монголо-татары.

Калка

Монголо-татары жили далеко на восток от России. Они создали там свое могучее государство. Во главе него стоял сильный правитель и опытный полководец Чингисхан. 1123 год. Южная даль России. Соседние с Русью половецкие степи. Река Калка. Здесь у берегов Калки и произошла первая схватка русских людей с отрядами, посланными на Русь Чингизханом.

Против монголо-татар сразу выступило несколько русских князей. Трое из них — Мстиславы: Мстислав Галицкий, Мстислав Черниговский, Мстислав Киевский.

Не стали князья ждать подхода врагов к границам России. Выступили к ним навстречу.

Идут дружины Мстислава Галицкого.

Идут дружины Мстислава Черниговского.

Идут дружины Мстислава Киевского.

Идут дружины других князей.

Дошли они до реки Днепр, переправились через Днепр, вступили в половецкие земли. Половцы были нашими соседями. Нередко они вместе с русскими объединялись против общих врагов. Так было и на этот раз.

Улыбнулась поначалу князьям удача. Разбили они передовой монголо-татарский отряд. Пошли смело вперед. Шли восемь дней. Достигли реки Калки, где находились главные ханские войска.

Однако переоценили князья свои силы. К тому же не было в их рядах единства. Не хотели они иметь ни общего командира, ни общего плана, как лучше действовать, чтобы победить грозных пришельцев. В главной битве половцы и русские князья были разбиты. Князь Мстислав Киевский и еще два русских князя оказались в плену у врагов. Смерть их была ужасной.

Князей связали веревками. Бросили на землю. Сбили из досок настил. Положили его на пленников. Уселись монголо-татары на деревянный настил. Устроили победный пир.

— Смерть урусам! Смерть урусам! — кричали они. Так монголо-татары называли русских.

Давили, впивались доски в тела несчастных. Погибли Мстислав Киевский и его товарищи.

Разбиты на Калке княжеские дружины. Страшная угроза нависла над Русью.

Обойдет стороной беда?

На Руси ожидали большой беды. Однако после Калки монголо-татары вдруг остановились, развернулись и ушли назад в свои азиатские степи. Таков был приказ Чингисхана.

Вздохнули облегченно русские люди:

— Может, обойдет стороной беда. Может, мимо пройдет война.

Торжествовал Прокоп Никуда. Мужик он озорной, бедовый:

— Ушли! Хоть и побили наших Мстиславов, да видать поняли — кишка у них против нас тонка!

Вторит ему и Паслей Нуда:

— Конечно, кишка тонка. Да мы их — скулы широкие, бороды редкие. Пусть только заново сунутся — в рог бараний в момент согнем.

— Раз ушли, значит мы победили! — кричит Прокоп Никуда.

— Испугались! — кричит Паслей Нуда. — Хвосты поджали. Выпьем за нашу победу!

Налили в кружки хмельную брагу.

— За нашу победу!

— За нашу победу!

Прошло пять лет. Не появляются больше мон-

голо-татары.

— Я что говорил, — кричит Прокоп Никуда. — У степняков против наших кишка тонка!

— Я что говорил, — кричит Паслей Нуда. — Хвосты степняки поджали.

Прошло десять лет. Ни слуха, ни духа о восточных завоевателях.

Снова Прокоп Никуда кричит про кишку.

Снова Паслей Нуда кричит про хвосты.

Прошло целых четырнадцать лет. Тишина на границах русского государства.

И вдруг… Ошиблись Прокоп Никуда и Паслей Нуда. Ошиблись и многие другие. Не обошла стороной беда. Не прошла мимо война. Поход к Калке был лишь боевой разведкой монголо-татарских ханов.

«Когда никого не останется…»

1237 год. Декабрь. Стужа стоит на дворе. Лютует, лютует, трещит мороз. Замерзают в полете птицы.

Рязанский житель Степан Колесо принес в город страшную весть. Был он в гостях в дальнем селе у свата. А сват был в гостях в еще более дальнем селе у зятя. А зять был совсем далеко в

гостях у шурина. Короче, от шурина к зятю, от зятя к свату, от свата к Степану Колесу передалось: враги снова идут на Русь, к рязанским местам приближаются.

К границам Руси подходила огромная трехсоттысячная монголо-татарская армия. Скончался к этой поре Чингисхан. Вел войска его внук — хан Батый.

Примчался Степан Колесо в Рязань:

— Ворог идет, ворог! Тысячи! Тьма!

Вскоре монголо-татары вступили на рязанскую землю.

В то время Русь не была единым государством. Состояла она из многих независимых самостоятельных княжеств: княжество Рязанское, княжество Владимирское, княжество Черниговское и другие. Не всегда между собой эти княжества жили в дружбе.

Обратился князь рязанский Юрий Игоревич к своему соседу, князю владимирскому, тоже Юрию — к Юрию Всеволодовичу:

— Помоги, княже, врага разбить.

Не помог князь Юрий Всеволодович князю Юрию Игоревичу.

Обратился рязанский князь к другому соседу, князю черниговскому:

— Помоги, княже, врага разбить. Вместе же силы двоятся.

Не помог князь черниговский.

Подошли монголо-татары к Рязани, кричат:

— Сдавайтесь! Сдавайтесь!

Направили они к князю Юрию Игоревичу своих послов. Требуют послы, чтобы Рязань сдалась без боя. А кроме того, чтобы жители города выплатили монголо-татарам огромную дань.

Князь Юрий Игоревич ответил:

— Не быть тому. Не водится такого на Руси, чтобы сдаваться. — Помолчал и добавил: — Когда никого из нас не останется в живых, тогда все будет ваше.

Монголо-татары начали штурм Рязани.

Вместе со всеми защищал родной город и Степан Колесо. Сражался отважно, бился упорно, повторял слова своего князя:

— Будем держаться, пока никого в живых не останется…

Запылали деревянные стены Рязани.

Запылали дома Рязани.

Грозен в бою Степан Колесо. Стойки другие. И все же врагов больше. Враги сильнее.

Пять дней держалась Рязань, пять дней упорно сражалась. Погибали защитники города один за

другим. Однако держали данное князю слово:

— Пока никого не останется!..

— Пока в живых никого не останется!..

Не осталось защитников города. Полегли они в битве с врагами. Погиб и Степан Колесо.

Захватили Рязань монголо-татары. Добивали последних жителей. Был убит и рязанский князь Юрий Игоревич. Убили враги и его жену, и его мать, и всех приближенных князя Догорала Рязань. Страшное пепелище осталось на месте города.

Лишь много, много лет спустя возродилась Рязань. Да и то не на старом, на новом месте.

Евпатий Коловрат и его дружина

Евпатий Коловрат был боярином, командиром одной из рязанских дружин. Когда монголо-татары напали на Рязанское княжество, он со своей дружиной был далеко от родных мест.

Приказал Евпатий Коловрат быстрей седлать лошадей, поспешил на помощь Рязани.

Стремительно передвигались дружинники Евпатия Коловрата. Торопились.

Верста за верстой. Верста за верстой. Редкие остановки. Короткий отдых. Накормят люди ко-

ней, напоят. Опять в дорогу.

— Эй, не отставай последний!

Верста за верстой. Верста за верстой. Накормят люди коней, напоят, опять в дорогу.

Торопились дружинники Евпатия Коловрата и все-таки опоздали.

Разгромили, сожгли к их приходу монголо-татары Рязань. Пошли на соседний Владимир.

Бросилась дружина Евпатия Коловрата догонять врагов.

— Нас же мало, — проговорил кто-то.

— Храбрость рождает силу, — ответил Евпатий Коловрат.

Снова бежит дорога. Верста за верстой. Верста за верстой. Догнали дружинники монголо-татар.

— Нас же мало, — снова напомнил кто-то.

— Храбрость рождает силу, — опять ответил Евпатий Коловрат.

Обрушились отважные русские воины на врагов. Заработали мечи, булавы, боевые палицы.

Жаркой была схватка. Однако неравны силы. Погибли дружинники Евпатия Коловрата. Погиб и сам Коловрат.

Удивлялись после боя монголо-татары. Никак не могли понять: откуда вдруг взялись русские. Под Рязанью же все погибли.

Нашелся один с фантазией:

— Знаю! Ожили они из мертвых. Из мертвых встали.

И принялся утверждать, показывая на одного из дружинников Коловрата:

— Вон тот — с бородой. Я его сам заколол на стенах Рязани.

И второй Батыев воин стал утверждать, что встретил в этом бою сраженного ранее русского.

И третий встретил, и пятый…

Поражались ханские воины, как это люди из мертвых живыми стали. Поверили они в магическую силу своих врагов. Долго еще монго-ло-татары и здесь, и в других боях всматривались в лица погибших русских. А вдруг подымется снова русский.

Геройством дружинников Евпатия Коловрата был поражен и сам хан Батый. Из всех русских воинов тогда осталось в живых всего несколько человек.

Хан Батый приказал их помиловать.

И опять тот с фантазией:

— Милуй, не милуй, все равно оживет урус!

Княгиня Евпраксия и княжич Иван

Было это перед началом боев за Рязань.

Прослышал хан Батый, что у сына рязанского князя Юрия Игоревича Федора Юрьевича жена красавица.

Звали ее Евпраксия.

Хочется хану Батыю на русскую красавицу глянуть.

Сложилось так, что встретились вдруг молодой князь Федор Юрьевич с ханом Батыем. Еще до начала штурма Рязани послал отец-князь князя-сына к хану Батыю с предложением мира.

— Говорят, жена у тебя красавица, — обратился хан Батый к молодому князю.

Засмущался Федор, пожал плечами.

— Красавица, красавица, — повторил Батый. И тут же: — Привези! Покажи!

Смутился Федор еще больше. Княгиня Евпраксия была совсем молодой и верно — очень красивой. Рязанские парни специально бегали посмотреть на юную княгиню. Княжеские дружинники Евпраксией любовались. Бородатые деды и те:

— Не помним такой красавицы.

Даже рязанские женщины в один голос:

— Небывалой она красоты.

Вот и хану Батыю его приближенные прожужжали уши:

— Красавица. Красавица.

Посмотрел вновь на Федора хан Батый:

— Покажи!

Вовсе смутился Федор. Очень любил он свою Евпраксию. Боялся ее потерять. У княгини только что родился маленький сын княжич Иван. К тому же существовало в то время на Руси такое поверье: нельзя показывать своих жен мужчинам чужой, не христианской веры. Монголо-татары были язычниками.

Отказался молодой князь Федор показать хану Батыю свою жену. Побагровел, покраснел, позеленел хан Батый:

— Ах, так!

Разгневался хан Батый, приказал умертвить князя Федора Юрьевича.

Дошла страшная весть о смерти мужа до молодой княгини. Прижала она к груди младенца крошечного Ивана:

— Ироды!

Билась долго неутешная вдова в слезах и крике. Не выдержала Евпраксия разлуки с любимым

мужем. Не хотела, чтобы маленький княжич врагам достался. Поднялась она на высокую башню княжеского терема. Взяла в руки сына и бросилась вниз.

Погибли Евпраксия и княжич Иван.

Похоронили люди князя Федора Юрьевича, княгиню Евпраксию и их сына Ивана в родной земле на высоком месте. На могилах поставили большие каменные кресты.

Далеко видны кресты и могилы. Пеший пройдет — перекрестится. Конный проедет — задержится. Туча проплывет по небу — слезы прольет на землю.

Кушак

Банту и Танту два ханских воина.

Приземист, коренаст, широкогруд Банту.

Еще приземистее, еще коренастее, еще более широкогруд Танту.

Конь у Банту пегой масти.

Конь у Танту еще более пегий.

Боевой топор у Банту с большим топорищем.

У топора Танту топорище еще длиннее.

Идет монголо-татарское войско из-под Рязани к Владимиру. Спорят Банту и Танту, сдастся ли

Владимир ханским войскам без боя или быть битве у стен Владимира.

— Сдастся Владимир, — сказал Банту.

— Быть битве, — сказал Танту.

— Не будет, не будет битвы, — твердит Банту. — Без боя откроют урусы городские ворота.

— Быть битве, — твердит Танту. — Не сдаются урусы без битвы.

Решили побиться они об заклад. Облюбовали цветной кушак. Ударили по рукам. Кто окажется прав, тому и кушак нарядный.

Едут Банту и Танту, гадают:

— Быть битве.

— Откроют русские ворота.

— Падут на колени.

— Принесут дары.

Подошли монголо-татары к Владимиру. Переправились по льду через речку Клязьму. Вот он, город. Вот крепостные стены. Вот сторожевые башни. Вот он, главный вход в город — Золотые ворота. Остановились монголо-татары перед Золотыми воротами. Кричат, как тогда при штурме Рязани:

— Сдавайтесь!

— Сдавайтесь!

Не отвечают владимирцы.

— Быть битве, — решает Танту.

— Откроют ворота, — уверен Банту.

Прав оказался Банту. Открылись ворота. Вышли вперед русские.

— Мой кушак! — закричал Банту. — Сейчас урусы падут на колени. Сейчас принесут дары.

Однако не пали русские на колени. Подняли луки. Тетиву натянули. Полетели стрелы навстречу врагам.

Сражен был стрелой Банту.

Сражен был стрелой Танту.

Никому не достался кушак нарядный.

Молодые князья

Пожалел князь владимирский Юрий Всеволодович, что не пришел он в свое время на помощь князю рязанскому Юрию Игоревичу. Да было поздно…

Окружили монголо-татары Владимир со всех сторон. Подтащили стенобитные и камне-метательные машины. Начали штурм города.

Самого князя Юрия Всеволодовича во Владимире не было. Находился он недалеко от Волги, на реке Сити. Собирал войско для борьбы с врагами.

В отсутствии князя оборону Владимира воз-

главили опытный воевода Петр Ослядюкович и сыновья Юрия Всеволодовича юные князья Мстислав и Всеволод. Оба они молодые, решительные. Рвутся с врагами в бой.

Сдерживает их, оберегает воевода Петр Ослядюкович:

— Не спешите. Не спешите!

Надеется воевода, что вот-вот подойдет князь Юрий Всеволодович с вновь набранным войском, разобьет монголо-татар, снимет осаду с города.

Сражаются владимирцы, ожидают помощь.

Не поспела вовремя помощь. Проломив владимирские стены, монголо-татары ворвались в город. Завязалась рукопашная схватка. Молодые князья схватились за боевые мечи.

Не удерживал их теперь воевода Петр Ослядюкович. Все бились тогда с врагами.

Вышел вперед юный князь Мстислав. Вышел вперед юный князь Всеволод. Подняли мечи высоко над головами. Устремились на ханских воинов.

Бьется князь Мстислав. Удары направо. Удары налево. Удары прямо перед собой.

Бьется князь Всеволод. Удары направо. Удары налево. Удары прямо перед собой.

Оторопели ханские воины. Стали отходить под

ударами грозных мечей. Вот пробились молодые князья к городским воротам. Вот вышли в открытое поле. Продолжают разить врагов. Удары налево. Удары направо. Удары прямо перед собой.

Все было стремительно. Замерли люди. Минута, минута, еще минута. Пришли ордынцы в себя. Устремились они на героев. Окружили со всех сторон. Сражен был князь Мстислав. Сражен был князь Всеволод. Но даже когда пали в бою молодые князья, всем продолжало казаться — взлетают, взлетают, взлетают над полем их боевые мечи и слышится их несмолкаемый звон. Удары направо. Удары налево. Удары прямо перед собой.

Василько

После взятия Владимира монголо-татары двинулись к реке Сити. Тут находилось только что собранное войско владимирского князя Юрия Всеволодовича. Между русскими и воинами хана Батыя произошло новое сражение.

Много русских отличилось в этой битве. Среди героев был и племянник владимирского князя Юрия Всеволодовича, князь Василько. Отважен

князь Василько. Даже хан Батый обратил на него внимание.

Неудачей закончилась для русских битва на реке Сити. В бою погиб князь владимирский Юрий Всеволодович. Князь Василько был ранен. Попал он к монголо-татарам в плен.

Приказал хан Батый привести к нему отважного русского. Долго смотрел. Что-то оценивал. Казалось, даже руками хотел пощупать.

Понравился Василько хану Батыю. Приказал он сохранить князю жизнь. Стал приглашать на службу в свое войско.

— Будь нашим другом, — сказал хан Батый.

Молчит Василько.

— Вернем коня.

Повел отрицательно головой Василько.

— Вернем меч, лук и колчан.

Повел отрицательно головой Василько.

— Командовать самым лучшим нашим отрядом будешь.

Молчит Василько.

— Будь нашим другом. Решай же, — повысил голос Батый.

Молчит Василько.

Мрачнеет, краснеет, зеленеет Батый. Наливаются жилы кровью.

Ответил наконец Василько:

— Враги моей родины не могут мне быть друзьями.

Махнул хан Батый рукой. Прокричал что-то грозное на своем языке. Подбежали ханские слуги к русскому князю. Изрубили героя.

— Смерть им всем! — еще долго кричал Батый.

Шуба

Растеклись монголо-татары по Руси, как вода в половодье. Только в первый месяц нашествия, кроме Рязани и Владимира, они взяли Суздаль, Городец, Галич, Переславль на Плещеевом озере, Ростов на озере Неро, Ярославль, Юрьев, Дмитров, Тверь, Волок Ламский и другие русские города.

Всюду гибли люди, шел разгром и разбой.

Был среди ханских воинов некто Бабак. Оказался он хитрым и жадным. Еще в Рязани, когда монголо-татары громили какой-то собор, приметил Бабак большой драгоценный камень. Схватил он камень, куда же спрятать? Дело было зимой. Зашил в меховую шубу.

Лежит камень у Бабака поближе к телу. Согревает Бабаку душу.

С этого камня все и пошло.

Во Владимире Бабак снова похитил дорогие камни. Опять зашил их в шубу.

Лежат камни в надежном месте. Согревают Бабаку душу.

Потом были Галич и Городец. Пополняется у ханского воина склад награбленного. К камням прибавляется золото и серебро. Тяжелеет шуба.

Потом были Переславль, Ростов, Ярославль. Все больше и больше добра у Бабака. Отвисают полы у шубы.

Трудно стало Бабаку ходить. Трудно сидеть в седле. Трудно сражаться пикой. Трудно взмахнуть боевым топором.

Однако терпит Бабак все ради своей драгоценной ноши. Лежат богатства в надежном месте. Согревают Бабаку душу.

Кончилось все негаданно.

Переправлялись монголо-татары у Ярославля через реку Волгу. Угодил Бабак неожиданно в прорубь. Прямо в шубе своей с камнями и золотом бухнул.

— Спасите! — кричит Бабак.

Подбежали другие.

— Шубу скидывай, шубу!

Жалко Бабаку прощаться с шубой. Цепляется он руками за лед. Тянут руки ему товарищи:

— Шубу, скидывай шубу!

Не удержался Бабак. Утянула тяжелая шуба его под лед. Захлебнулся Бабак в воде.

Лежит ханский воин на дне знаменитой русской реки. Шуба при нем и богатства при нем. Согревают Бабаку душу.

Нянька

Не обошли стороной монголо-татары и город Москву. Правда, в те времена Москва была городом небольшим. Можно было тогда только гадать, станет ли Москва современной Москвой. Разве что такое во сне приснится! Была Москва рядовым городом Владимирского княжества.

Город небольшой. Жителей немного. Правил городом воевода Нянька.

Любили горожане своего воеводу. Только и слышится:

— Так велел Нянька.

— Так сказал Нянька.

— У Няньки надо спросить.

— Няньку на свадьбу надобно пригласить.

Вел Нянька городские дела исправно. Жителей не обижал. Если даст слово, его исполнял. Участвовал вместе со всеми в трудах и праздниках.

Умела веселиться тогда Москва. По кругу идут полновесные чаши:

— За город наш славный — Москву!

— За всех горожан: за больших и малых!

Жили москвичи в достатке, помогали друг другу. Гончары кувшины, горшки лепили. Бондари делали бочки: для воды, для солений, для браги. Кузнецы изготовляли обода для тележных колес, подковы, ножи, засовы. Оружейники ковали мечи и латы.

Все вершил в городе, был первым и главным Нянька. По-прежнему в городе любят Няньку.

— Так велел Нянька.

— Так сказал Нянька.

— У Няньки надо спросить.

— На крестины не забыть бы его пригласить.

Но вот беда подкралась к Москве.

— Батый идет! Батый!

Приготовились жители к защите города. Гончары, бондари, кузнецы, оружейники и все другие стали в общий, единый ряд. И здесь первым из первых Нянька.

Но не устояла, как и другие русские города, Москва. Как и другие, одна сражалась. Разгромили монголо-татары Москву. Схватили Няньку.

Погибли тогда сотни москвичей. Погиб и их

воевода Филипп Нянька.

Сокрушались те, кто остался в живых:

— Скоро ли новый Нянька у города будет?!

Торжок

Город Торжок. Городок с ноготок. Стоит на холме Торжок. Рядом река Тверца.

Зима. Февраль на дворе. Сковал лед Тверцу. Все в округе укрыто пушистым снегом.

После разгрома Рязани, Владимира, Ярославля, Твери, Москвы и других русских городов хан Батый решил идти на север, на прославленный Новгород.

Новгород — город старинный, древний. Город былинный, сказочный. Богат он церквями, резными теремами. Богат золотом и мехами. Богат торговыми людьми и привозными товарами.

— Нов-го-род! — мечтает о скорой добыче хан Батый.

Мечтают о богатом городе и ханские воины. Вот где их ждет пожива.

На пути к Новгороду и стоял у монголо-татар Торжок.

Надеялся хан Батый, что либо сдастся Торжок без боя, либо штурмом возьмет он город за один-

два дня.

Не сдался Торжок без боя.

Прошла неделя. Стоит Торжок.

Атакуют монголо-татары город:

— Сдавайтесь!

— Сдавайтесь! — кричат защитникам.

Не сдаются люди. Стоит Торжок.

Мрачнеет, краснеет, зеленеет хан Батый.

Наливаются жилы кровью.

Смотрит Батый с тревогой на небо. На смену февралю пришел месяц март. Заулыбалось на небе солнце. Наступает весна. Скоро — капель, распутица. Растают снега. Ручьи превратятся в реки. Нелегкой будет дорога к богатому Новгороду.

Две недели держался упрямо Торжок. Перебив почти всех жителей, монголо-татары наконец ворвались в город.

Не дав войскам отдохнуть, хан Батый двинул свои отряды дальше на север.

Тяжелой была дорога. Места здесь лесные, болотистые. Непроходимые. Много озер. Всадники то в глубоких снегах проваливались, то трясины и вскрывшиеся топи затягивали лошадей. Леса стояли угрюмые. Дорога была зловещей.

Мрачнел хан Батый, мрачнел. Понимает Батый: задержал их Торжок, упущено время. Не пробить-

ся ему весной через леса и топи.

До Новгорода оставалось сто верст.

Остановил хан Батый войска. День простоял. Думал. Наконец дал команду повернуть назад.

Снова монголо-татары прошли через Торжок. Недовольным, злым сидел на коне Батый. Приказал он до основания разрушить упрямый город.

Погиб Торжок, но спас от разгрома Новгород.

Он и нынче стоит на реке Тверце. Славный Торжок. Торжок городок. Городок с ноготок.

Ишка

— Чудо! Чудо! — кричала тетка Устинья.

Прибежала на крики соседка тетка Арина.

— Чудо! Чудо! — закричала тетка Арина.

Приковыляла бабка Анфуса.

— Чудо! Чудо! — зашепелявила бабка Анфуса.

Притащились деды Ждан и Семейка.

— Непонятное что-то, — сказали деды.

Непонятным, непривычным для русской деревни оказался верблюд. Вся деревня сбежалась смотреть на чудо.

В армии хана Батыя были лошади, быки, волы, буйволы, были и неизвестные в русских местах верблюды. Вот один из таких верблюдов и ока-

зался рядом с русской деревней, мимо которой недавно прошли монголо-татары. Верблюд был то ли болен, то ли пришиблен чем-то в недавнем бою. Бросили, видно, монголо-татары горбатого.

Верблюд лежал близ дороги, зло косил на людей, угрожающе водил головой.

Кто-то сказал:

— Батый.

Батый отлежался. Поднялся на ноги. Забрали крестьяне его в деревню. Стал Батый привыкать к новой жизни.

Прежде всего подружился с местной дворнягой Шариком. Стал как-то Шарик носиться вокруг верблюда. Бегает. Лает. Не понравилось это Батыю. Выбрал верблюд момент, собрал слюну — плюнул в Шарика.

Раз плюнул. Попал.

Второй раз плюнул. Попал.

А в третий уже не попал. Изловчился, увернулся Шарик. И как Батый ни старался, пес был проворнее. Устал, приостыл верблюд. А вскоре и вовсе сдружился с Шариком.

Ступает верблюд. Рядом важно ступает Шарик.

И с деревенскими ребятами верблюд сдружился. И с бабкой Анфусой. И с теткой Ариной. И с теткой Устиньей. И со стариками Жданом и

Семейкой. Даже сдружился с упрямым мужиком Варнавой. Началось и здесь с того, что плюнул Батый в Варнаву. Обозлился Варнава, приблизился к верблюжьей морде и сам плюнул в Батыя. Верблюд снова плюнул. И мужик плюнул. Стоят они и плюются друг в друга. Первым устал верблюд. Перестал он плеваться. Перестал и Варнава.

— Батыя осилил! Батыя осилил! — смеются люди.

Короче — прижился верблюд в деревне. Перестал плеваться. Стал помогать деревенским жителям. Воду с реки, дрова из леса возил. Начали его впрягать в телегу, в сани, в соху. Стал он спокойным, мирным и добрым. В общем, совсем не похож на Батыя. Переименовали его крестьяне. Стали звать Ишкой.

Бату

После неудачи с Новгородом хан Батый быстро пошел на юг. Здесь солнце щедрее. Здесь небеса голубее. Богаче земля.

Улучшилось настроение у хана Батыя. В южные русские княжества совершают войска поход. Весна. Природа вокруг зеленеет. И батыевы воины глядят веселее. И кони бегут резвее. И птица

какая-то в небе вьется.

Заметил птицу Батый. Засмотрелся. То взовьется пичуга к солнцу, то падает камнем вниз. То устремится над полем к лесу, то стрелою назад несется, то повиснет, зазвенит прямо над головой Батыя. Хорошо ей в небесном море.

Едет Батый верхом на коне, вспоминает детство. Вспоминает отца своего хана Джучи. Вспоминает деда — грозного Чингисхана. Устроил дед как-то экзамен маленькому Батыю. Степное поле. Пригорок. Стоит на пригорке Чингизхан с приближенными. Бату, так звали Батыя в детстве, скачет верхом на коне. Бату всего лишь четыре года. Дед пришел посмотреть на успехи внука.

Несется конь с мальчиком по степному кругу. Ухватился Бату руками за конскую гриву. Уперся пятками в бока лошади. Держится. Прошел конь рысью, прошел иноходью, прошел галопом. Круг. Еще круг. Еще круг. Удержался Бату на лошади. Подъехал к деду. Сняли Бату с коня. Доволен Чингисхан. Похлопал мальчика по плечу:

— Молодец. Славным воином вижу!

Устроил Чингисхан и второе испытание внуку. Вручили Бату аркан. Выпустили скакуна.

— Ну-ка, Бату, не зевай!

Правда, скакуном был всего-навсего жеребенок,

по кличке Ной.

Ловко кинул Бату аркан.

— Стой! Ни с места! Попался Ной!

Дернул Ной мальчишку в отместку копытом. Не вскрикнул. Выдержал. Не скривился Бату.

Похвалил и на этот раз Чингисхан внука.

И еще один экзамен сдавал Бату деду в тот день. Вручили взрослые мальчику лук и стрелы. Установили мишень. Поднял Бату лук со стрелой. Натянул тетиву. Прицелился. Отпустил тетиву. Устремилась стрела к цели.

— Попал! Попал!

Снова поднял Бату свой лук. Вновь натянул тетиву. Рванулась стрела. И — в цель.

— Молодец! Молодец! Славным воином вижу! — вновь произнес Чингисхан.

Много лет прошло с той поры. Едет хан Батый по широкому русскому полю. Смотрит на движущихся всадников. Хорошее настроение у хана Батыя.

Вдруг что-то метнулось над головой у хана. Поднял глаза — так это же птица та самая. Не отстает пичуга от ханского войска. Кружит, звенит над самим Батыем.

Не удержался Батый. Схватил лук. Направил стрелу на птицу. Целит. Целит. Прищурил глаз.

Целит. Целит. Отпустил тетиву. Сразила стрела несчастную птицу. Рухнула та на землю к ногам Батыя. Улыбнулся Батый. И вдруг…

И вдруг как-то враз помрачнело небо. Вдруг как-то померкло солнце. Прохладный ветер ужалил в спину.

Сошла улыбка с лица Батыя. Без радости дальше ехал. Даже без всякой причины плеткой коня ударил.

Злой город

«Злой город» — так назвали монголо-татары русский город Козельск.

Движутся монголо-татары на юг. Козельск перед ними. Подумаешь, город Козельск!

— Мы его шапками закидаем! — кричат монголо-татары.

— С землей копытами наши кони его сровняют!

Город Козельск. Князем Козельска в те годы был мальчик. Центральная площадь города. Верхом на боевом коне сидит малолеток-князь. Имя его Василий. Приготовились жители города к обороне. Поклялись умереть, защищая родную русскую землю и своего князя. Хорошо виден

всем мальчик-князь.

— Все на защиту города!

— Все на защиту князя!

Сдержали слово свое горожане. Семь недель осаждали враги Козельск. Не могли взять.

Среди ханских воинов даже пошел слух, что, мол, это мальчик-князь, сидящий верхом на боевом коне, охраняет город. Мол, в нем какая-то особая сила.

Даже хан Батый подъехал к стенам города. Верно, сидит верхом на боевом коне непривычный князь.

Прошла весна. Отпели соловьи в городских садах. Лето стоит над Козельском. Штурмуют по-прежнему монголо-татары городские стены. Неколебимо стоит Козельск.

Подтянули монголо-татары к городу стенобитные орудия. Не помогли орудия. Пошло на штурм сразу несколько тысяч ханских воинов. Четыре тысячи из них полегли в бою.

Упорно защищались горожане. Забыли монголо-татары про шапки, которыми хотели закидать Козельск. Забыли про коней, которыми хотели растоптать город.

Хан Батый даже собирался уйти от Козельска. Однако не привыкли монголо-татары отступать.

Штурм Козельска продолжался. Капля камень долбит. Трут выбивает огнище. Так и тут, под Козельском. Одолели все же монголо-татары город. Ворвались в Козельск. Рубили, резали все живое.

Погиб на улицах Козельска и мальчик-князь Василий. Говорили, что он утонул в крови.

Смотрел хан Батый на побитых воинов: на своих, на русских.

«Злой город», — процедил хан Батый сквозь зубы. Часто потом вспоминал Козельск.

— Злой, — повторял Батый.

Карась

У монголо-татар были особые пики. Пики как пики. Длинные, острые. Однако у многих на конце рядом с жалом был сделан крючок. Такой пикой монголо-татарский воин не только колол врага, но и мог на крючок подцепить добычу.

Поначалу не все из русских про такой крючок знали. Ратник Епифан Ноздря как раз на крючок и попался.

Сошелся он как-то в бою с монголо-татарским всадником. У Епифана Ноздри пика, и у ханского воина пика. Сидят они верхом на конях. Пытаются сразить пикой один другого.

Двинет пикой Ноздря, двинет пикой монголо-татарский воин.

Оба ловкие, оба умелые. И кони к бою на пиках у них приучены.

Двинет пикой Ноздря, двинет пикой монголо-татарский воин.

Дело было в открытом поле. Разъедутся в разные стороны противники. И вот несутся навстречу друг другу. Пики готовы к бою.

Двинет пикой Ноздря, двинет пикой монголо-татарский воин.

Носились, носились они по полю. Ни к кому не идет удача. Возможно, устав, с миром бы они разошлись. Да только в последний момент подцепил ханский воин Епифана Ноздрю крючком. Дернул он пику на себя. И вот Ноздря, как карась, рыбаку достался.

Правда, не успел монгол прибить русича до конца. Изловчился Ноздря, извернулся, сам сдернул с коня противника. Сошлись они в рукопашной схватке. В рукопашной и осилил Ноздря врага.

Достался конь ему, досталось седло, досталась и пика.

Смотрел Епифан на пику:

— Хитро, хитро.

Вернулся Ноздря к своим, рассказал про бой,

показал коня, показал пику.

Смотрели другие, тоже дивились:

— Хитро, хитро.

Все хорошо. Быть бы Ноздре при славе. Да только до шуток русский народ охочий.

Кто-то сказал:

— Выходит, ты, как карась, на уду попался.

— Карась! Карась! — рассмеялись другие.

Стали с той поры Епифана Ноздрю называть карасем.

Обижался Епифан:

— Ноздря я. Ноздря!

— Нет — карась! — смеются люди. — Карась — раз на уду попался.

Так и проходил Епифан Ноздря в карасях до смерти.

Одна радость, что монголо-татарскую пику добыл. Удобной оказалась для боя пика.

Веселое молоко

Вскоре после Козельска хан Батый отошел в Приазовские степи. Снова сражался с половцами. Совершил поход на Северный Кавказ. Потом остановился в низовьях Дона. Дал отдых своим войскам.

Расседлали монголо-татары коней, распрягли буйволов и верблюдов. Установили юрты. Разложили костры.

Оказался в это время в одном из ханских отрядов русский мальчишка Савейка. Попал он к монголо-татарам случайно, по собственной глупости. Шустрым был. Матери и отца не очень слушался.

Проходили монголо-татары через их селение. Все жители забились в дома. Притихли. И Савейке сказали:

— Сиди. Замри. Не выходи из дома.

Однако не усидел мальчишка. Выскочил он на улицу. Интересно на конных глянуть. Вот и подхватил его один из Батыевых всадников. Бросил к себе в седло. Прощай, родной дом и родители.

Накричался Савейка, набрыкался. Наплакался. Потом смирился. Привезли монголо-татары его на Дон. Началась новая жизнь у Савейки.

Поражался мальчик непривычным порядкам. Не в домах жили монголо-татары. В юртах. Сплетали их из прутьев. Затем покрывали войлоком. Сверху в юрте оставляли дыру. Это вроде как окно — и свет проникает в юрту, и свежий воздух.

Любил Савейка смотреть в дыру-окно. Особенно ночью. Лежит мальчишка, запрокинул голову.

В небе манят, мерцают звезды. Не спит Савейка, мечтает об отчем доме.

Для тепла монголо-татары разжигали в юртах костер. Дым уходил все в ту же дыру в потолке. Любил и за дымом следить Савейка. Тянется, тянется кверху дым, в небе бездонном тает. Улететь бы в трубу за дымом.

Многому поражался мальчишка. Оказалось — монголо-татары мясо едят несоленым. Оказалось — из всей еды самая частая у них жидкая просяная каша. Едят ее утром. Едят днем. Вечером перед сном. Замучила мальчика противная каша. Поперек горла стоит. Не лезет. Сплюнул как-то мальчик остаток каши и тут же удар получил по шее:

— Ешь!

Как-то случилось, разлил он чуть-чуть молока. И снова удар по шее:

— Не разливай!

Строги, бережливы монголо-татары. Друг перед другом честны. Однажды один из ханских воинов украл у другого какой-то забавный старинный ножик. «Вот бы и мне такой», — подумал еще Савейка. Кража вскрылась. Долго монголо-татары били плетьми виновного, а потом отвели его в степь, связали и бросили на съедение дикому зве-

рю. Три дня после этого не мог спокойно уснуть Савейка. Все представлял себя.

Еще одно поразило мальчика. Монголо-татары не ели хлеба. «Как же — без хлеба!» — поражался мальчишка. Не привык он к такой еде.

А однажды Савейка кумыс — лошадиное молоко попробовал. Оказалось оно чуть солоноватo, чуть горьковато. Зато потом… Закружилась у мальчика неожиданно голова. Стало Савейке вдруг весело-весело. Выпил еще кумыса — еще веселее. А когда пошел — зашатался. За воздух руками смешно хватался, даже на четвереньки стал. Веселились монголо-татары, знают: кумыс — молоко хмельное. Подвело Савейку веселое молоко.

Не обижали монголо-татары Савейку. Относились приветливо. Видимо, глядя на него, вспоминали свои семьи, своих сыновей, оставленных где-то за тысячи верст отсюда. Научили они Савейку скакать верхом на коне, научили ловко бросать аркан, научили метко стрелять из лука. Хвалили мальчика монголо-татары:

— Молодец, славным воином будешь! — Точь-в-точь такие слова старый Чингисхан говорил своему внуку Бату.

И все же не смог привыкнуть мальчик к новой

для него жизни. Очень скучал по родному дому. Как-то темной ночью, вскочив верхом на коня, сбежал Савейка.

С трудом он добрался домой к родителям. Подрос, изменился мальчик за это время. Мать не признала. Отец не признал. Пес дворовый со злобой тявкнул. О многом рассказал Савейка. Про юрты, несоленое мясо, про хлеб, противную кашу, про хмельной кумыс.

Хотел рассказать и про сворованный нож. Но промолчал. Передумал. Уж больно страшной была история.

Встретились

Простояв почти год в донских степях, хан Батый продолжил свой поход в южные русские земли.

Как раз накануне похода к хану Батыю прибыло пополнение. Молодые азартные воины. В числе прибывших Тудэв и Сюдэв. Одногодки, близняшки, братья. С детской люльки они неразлучны. С малых лет на конях скакали, ловко стреляли из луков, метко метали копья. Рвутся Тудэв и Сюдэв в свой первый бой. Мечтают о победах, о славе.

Монголо-татары начали свой новый поход сразу на два русских города Чернигов и Переяс-

лавль. Это уже второй Переяславль на пути хана Батыя. Первый — северный, тот, что недалеко от Москвы, на Плещеевом озере, он разорил еще во время боев за Рязань и Владимир.

Довольны Тудэв и Сюдэв, что идут в поход. Правда, оказались они в разных отрядах. Тудэв в том, что отправлялся на город Чернигов, Сюдэв в том, что должен был обрушиться на Переяславль. Попрощались близняшки-братья.

— До скорой встречи! — кричал Тудэв.

— До скорой встречи! — отвечал Сюдэв.

Движется монголо-татарский отряд к Чернигову. Вспоминает брата Тудэв:

— Как там к Переяславлю идет Сюдэв?

Движется монголо-татарский отряд к Переяславлю.

Вспоминает брата Сюдэв:

— Как там Тудэв шагает к Чернигову?

Представляют молодые бойцы, как они ринутся в первый бой. Как прокричат победу. Как после победы друг с другом встретятся.

Город Чернигов стоит на реке Десне. Город Переяславль на реке Трубеж.

Подходят монголо-татары к Десне и к Трубежу.

— Как там Сюдэв на Трубеже? — гадает Тудэв.

— Как там Тудэв на Десне? — гадает Сюдэв.

Подошли монголо-татары к Переяславлю, разгромили княжеские дружины, ворвались в город.

Мечтал Сюдэв о первой победе. Однако молодому воину не повезло. Погиб он еще до победы, в самом начале боя. Пал в схватке прямо на берегу Трубежа. Подхватили Сюдэва речные волны. Понесли вниз по течению.

Разгромили монголо-татары и черниговские дружины, взяли город Чернигов. Мечтал Тудэв о своей первой победе. Но и ему не повезло. Пал и он еще в самом начале боя. Погиб в схватке прямо на берегу Десны. Подхватили Тудэва речные волны, понесли вниз по течению.

Река Десна впадает в широкий Днепр. И река Трубеж тоже впадает в Днепр. Соединяются их воды в одном потоке. Доплыл до Днепра Тудэв. Доплыл до Днепра Сюдэв.

Встретились, как и мечтали, близнецы-братья. Плывут они вместе вниз по Днепру. Словно в детской люльке, Днепр их тела качает.

Плакал

Без края, без края, без края Днепр. Знаменитые днепровские кручи. Днепровский спуск. Здесь

на правом высоком берегу Днепра стоит Киев — мать городов русских.

Отсюда пошла великая Русь. Тут крестилась великая Русь. Вещий Олег, тот, чей «щит на вратах Цареграда», князь Игорь, княгиня Ольга, князь Святослав, тот что «иду на вы», князь Владимир Ясное Солнышко, князь Ярослав Мудрый. Это все Киев. Знаменитая шапка Мономаха — тоже Киев.

Взяв города Переяславль и Чернигов, хан Батый пошел на Киев.

— Идут! Идут! — понеслось со сторожевых башен и стен киевского кремля.

Заклубился пылью левый низкий днепровский берег. Переправились монголо-татары через Днепр. Окружили Киев. Страшный гомон стоял вокруг города. Ржали ханские лошади. Ревели волы. Кричали верблюды. Доносился многоголосый говор солдат Батыя.

Монголо-татары начали штурм городской стены. Били, били стенобитные орудия в стены города. Держится Киев. Долбили, долбили. Не поддаются стены.

Мрачнеет, краснеет, зеленеет хан Батый. Глаза наливаются кровью.

Добились, наконец, своего монголо-татары.

Пробили одну из стен. Бои завязались на улицах Киева.

Два дня упорно оборонялся Киев. Были разрушены и Лядские — одни из основных ворот, и другие ворота города. Были сожжены и лучшие церкви города — Десятинная, Богородичная. Была разрушена и знаменитая Печерская лавра. Лишь при каком-то ее соборе сохранилась часть колокольни. И на ней уцелел всего лишь один колокол. Горел, полыхал Киев. Кто-то из оставшихся в живых монахов поднялся на колокольню на самый верх. Ударил в колокол. Звенел колокол. Звенел колокол. Плакал.

Крест

В Киеве на одном из соборов Печерской лавры возвышался огромный церковный крест. Поражал он всех красотой и величием.

Далеко отовсюду виден Печерский крест.

Когда монголо-татары громили Киев, не пощадили они Печерскую лавру, не пощадили и красавца на высоком церковном куполе.

Ворвались они на территорию лавры. Бросились к главному собору. Тут же вместе со всеми ханский воин Мамат.

Смотрят монголо-татары на крест. Прошел среди них слух, что крест сделан из чистого золота.

— Золотой он, — шепчет Мамат. — Золотой. Из чистого золота кованный.

Раздались крики:

— Сбрасывай крест!

Хотел Мамат вместе со всеми бежать наверх, на купол собора к кресту. Потом подумал и остался внизу. Ждет, когда золотой крест сам ему под ноги свалится. Много таких, как Мамат, внизу собралось.

Добрались монголо-татарские смельчаки до самого верха. Стали раскачивать крест.

Не дается Печерский крест.

— Сильнее! Сильнее! — снизу кричит Мамат.

— Дружнее! Дружнее! — кричат другие.

Чуть накренился крест. Рухнет — не рухнет. Рухнет — не рухнет. Нет, удержался снова. Не дается Печерский крест.

Кто-то с испугом:

— А может, не трогать?

— Может, накажет небо?

Но тут же другие крики:

— Да он же из золота! Сбрасывай!

— Еще раз! Еще! — не умолкает толпа.

— Вали! — громче всех голосит Мамат.

Не выдержал крест напора. Дрогнул. Снова дрогнул. Качнулся и повалился вниз.

Летит он, словно птица, раскинув крылья. Ринулись стоявшие внизу люди в разные стороны. Рванулся и Мамат. Да не успел.

Был Мамат, и нет Мамата. Прибил Мамата Печерский крест.

Спорили в Ладыжине

После разгрома Киева монголо-татары дальше пошли на запад. Ханские войска окружили город Ладыжин. Пытались они взять город штурмом. Не получилось.

Спорили в тот день в Ладыжине, как поступить. Монголо-татары предложили сдать город без дальнейшего боя. Обещали, что тогда не тронут они горожан. Не разграбят богатства Ладыжина. Разбились в Ладыжине мнения.

Одни были за то, чтобы город сдать.

— Силы у нас не те. Не удержим мы больше город.

— Ворога, что саранчи в поле, что комаров в небе.

Другие:

— Обороняться и дальше надо. Стоять за святую

землю.

— Не верьте злодеям. Не будет от них пощады.

— Вдруг да Господь поможет.

Жители Пунька Косой и Ратмирка Рябой тоже вместе со всеми спорили. Хоть и соседи они, хоть и друзья и приятели, однако с малых лет поперечные. Вечные спорщики. Заберутся в детстве, бывало, в соседский сад. Сорвут яблоки, попробуют.

— Сладкие, — произнесет Пунька.

— Нет, кислые, — возразит Ратмирка.

Или, скажем, когда в пастушках ходили.

— Налево гони скотину, — скажет Пунька. — Там трава гуще.

— Нет, направо гони, — возразит Ратмирка. — Трава гуще там.

Так и во всем. Так и сейчас.

— Надо сдаться, — кричит Пунька. — Надо открыть ворота.

— Надо стоять до последнего, — твердит Ратмирка. — Не пожалеют нас вороги.

Больше в Ладыжине оказалось таких, как Пунька.

Открыли жители ворота монголо-татарам, впустили в город.

Не сдержали монголо-татары слова. Разгро-

мили, разграбили они Ладыжин. Поубивали жителей. Погиб среди других и Пунька Кривой. А вот Ратмирка Рябой остался жив. Не поверил он, конечно, вражеским словам. Как только вступили монголо-татары в Ладыжин, Ратмирка тут же бежал из города. Кустами, оврагами добрался он до соседнего села, где жила у Ратмирки столетняя бабка. Долго бабка тогда молилась. То ли за то, что остался в живых Ратмирка, то ли оплакивала горькую судьбу Ладыжина.

Каменец и Кременец

Послали Батыевы военные начальники отряд своих войск взять город Кременец. Назначили командира. Кременец — это еще дальше на запад от Киева, чем Ладыжин. Привел командир отряд. Начал атаку города.

Штурмуют, штурмуют монголо-татары Кременец. Не удается взять. Сокрушается командир: «Ну, и достался город!»

Вдруг видит: несется к нему гонец. Примчался. Кричит:

— Не Кременец. Не Кременец. Надо брать Каменец!

Был и такой на юге России город. Приказ есть

приказ. Снял командир осаду Кременца, повел ордынцев на Каменец.

Штурмуют, штурмуют монголо-татары город. Не падает Каменец. Прошло какое-то время, вновь к командиру спешит гонец.

— Не Каменец, — кричит. — Не Каменец. Надо брать Кременец!

Поразился ханский командир. Названия городов похожие. То ли спутали что-то в верхах начальники, то ли просто изменились у начальников планы. Перестал он штурмовать Каменец. Снова двинулся на Кременец. Про себя подумал: «Это даже, пожалуй, к лучшему. Может, там повезет быстрее».

Атакует он Кременец. Держится Кременец.

Прошло немного времени. Снова спешит гонец. Кричит:

— Не Кременец. Не Кременец. Приказано брать Каменец.

Еще больше поразился теперь командир. Однако приказ есть приказ. Повел он ханских воинов снова на Каменец. Только привел — новый летит гонец:

— Не Каменец. Не Каменец. Приказано брать Кременец.

Запутался ханский командир: «Кого брать? Где

отступать? Куда наступать? Там тяжело, но и здесь не легче. Перемудрили, видно, в верхах начальники». Сам посылает теперь гонца. К самому хану Батыю.

Вскоре от хана Батыя приходит ответ: «Брать и Каменец, и Кременец».

Штурмуют монголо-татары и Каменец, и Кременец.

Держатся города. Оказались Каменец и Кременец как камень, как кремень крепкими.

С большим трудом взяли монголы тогда Каменец, а Кременец и вообще не взяли.

Пообломали монголо-татарам зубы о русские города.

Первый и все остальные

Редко бывало так, чтобы монголо-татары в бою дрогнули. И вдруг случилось такое.

Штурмовали отряды Батыя Данилов город. Это еще дальше на запад от Киева, чем Ладыжин, чем Каменец и Кременец.

Крепко держался Данилов город. Бились горожане с врагами люто. И вот дрогнул один из отрядов Батыя. Не устоял в бою кто-то из ханских воинов. Заголосил громким гортанным криком,

хватился руками за голову и побежал.

За первым бросился второй.

За вторым — третий.

А за ними и весь отряд.

Бегут солдаты Батыя.

Несется первый.

Несется второй.

Несется третий.

Следом — все остальные.

Добежали они до глубокого оврага.

Прыгнул первый в овраг.

Прыгнул в овраг второй.

Прыгнул третий.

А за ними и все остальные.

Укрылись беглецы от русских мечей и стрел.

Донесли приближенные хану Батыю, что, мол, под Даниловым городом случился позор в войсках. Целый отряд трусливо бежал с поля боя.

Привели виновных к грозному хану. Посмотрел на бежавших Батый:

— Кто был первый?

Показали Батыю на первого.

Махнул Батый палачам рукой. Слетела с плеч голова у первого.

— Кто был вторым?

Показали Батыю на второго.

Махнул Батый палачам рукой. Полетела с плеч голова второго.

— Кто был третьим?

Слетела на землю голова и у третьего.

Замерло все. Тишина. Шмель прожужжал где-то рядом. Вздохнул как-то странно стоявший поблизости конь.

Приободрились чуть остальные виновные. Может, Батый помилует, простит их минутный страх.

Переступил хан Батый с ноги на ногу, гневно сверкнул глазами:

— И всех остальных! — прокричал палачам.

Взлетели ножи над несчастными.

Грозным, жестоким был хан Батый. Не щадил ни чужой, ни родной монголо-татарской крови.

И все же не взяли в тот день монголо-татары Данилов город. Не взяли его и позже.

Силу в Руси оставили

Идут монголо-татары дальше на запад. Кончилась Русь. Начинались другие страны.

Дошагали ханские воины, кони, быки, верблюды, юрты, возы, телеги до государства Венгрия. И тут, как всюду, кровь и разбой.

Дошли монголо-татары, кони, быки, верблюды, юрты, возы, телеги до польских земель. И тут, как всюду, разбой и кровь.

Дошагали монголо-татары, кони, быки, верблюды, юрты, возы, телеги до государства Чехии. Побывали в других местах. И тут, как всюду, разбой и кровь.

Однако все труднее, труднее идти монголам. Героическая борьба русских людей поубавила монголо-татарам силы. Легче сражаться теперь другим.

И все же далеко дошагали монголо-татары. Дошли до берегов Адриатического моря. Плещет, гуляет море. Теплой водой играет. Рядом страна Италия.

Но не радует хана Батыя море. Вспоминают монголо-татары Русь: упорные бои за Рязань, за Владимир, за Чернигов, за Киев, вспоминают упрямый Торжок, «злой» Козельск, не взятый Кременец, не взятый Данилов город, другие бои на русской земле.

Сокрушается хан Батый:

— Силу в Руси оставили.

Легла Русь тогда на пути у монголо-татарских завоевателей, прикрыла, заслонила другие страны.

Нет уже прежней мощи у хана Батыя. Прекратил хан Батый свой поход на запад. Повернул назад.

Вернулся хан Батый к реке Итиль. Так монголо-татары называли Волгу. Тут в нижнем течении Волги, в шестидесяти километрах от нынешней Астрахани хан Батый основал город. Он получил название Сарай. А возникшее здесь государство монголо-татары назвали Золотой Ордой.

Отсюда, из Сарая, монголо-татарские ханы стали управлять завоеванными землями. В рабство к Золотой Орде и попала Русь. Начались на Руси долгие годы монголо-татарского ига.

Часть вторая
Куликово поле
Звонкое слово

Когда в атаку бросались монголо-татары, обычно кричали они «Ура!».

— Ура! Ура! — несется над полем боя. Понравилось русским звонкое слово. Как-то кто-то из русских в каком-то бою тоже вдруг закричал:

— Ура!

Однако тут же при всех получил по затылку. Потом кто-то в другом бою прокричал:

— Ура!

И этому тоже свои же бока намяли. Чего, мол, кричишь. Это чужое слово.

Однако слово оказалось прилипчивым. Все чаще и чаще среди русских стало звучать «Ура!».

Возмутился как-то отрядный командир Филат Береза. К одному подбежал из кричавших:

— Что за слово несешь, дурак!

Подбежал к другому:

— Замолчи, мозги воробьиные!

Напрасно Филат старался. Всем нравится звонкое слово.

Махнул Филат наконец рукой. В следующем бою сам закричал «Ура!».

Сойдутся, бывало, в бою противники.

И монголо-татары кричат:

— Ура!

И над русскими тоже летит:

— Ура!

Шли годы, столетия. Слово «Ура!» стало для русских привычным словом.

Много и других слов перешло от монголо-татар в русский язык. Вот лишь некоторые из них: кибитка, каблук, тюрьма, деньги, барыш, кабак, лачуга, камыш, арба.

И все же «Ура!» стало самым знаменитым словом. «Ура!» — это призыв к победе. «Ура!» — это сама Победа.

Река Вожа

Вот уже почти сто сорок лет Русь страдала под монголо-татарским игом. Жители платили большую дань. Князья выполняли требования золотоордынских ханов.

Однако шли годы. Крепла, постепенно объединялась Русь. Все более заметным городом становилась Москва. Разрастались ее посады.

Вместо старого деревянного был построен новый каменный Кремль. Москва стала центром самостоятельного княжества. А вскоре и столицей великого княжества Московского. Все чаще раздавались голоса:

— Держись за Москву.

— На Москву надежда.

В 1378 году Великий московский князь Дмитрий Иванович узнал, что монголо-татары готовят набег на Москву. Ведет их известный ханский военачальник мурза Бегич. Вышел князь Дмитрий врагам навстречу.

Сошлись противники на реке Воже. Это правый приток Оки.

Знал Дмитрий Иванович, что монголо-татары особенно сильны своей конницей. Обходят они обычно конной лавой противника слева, справа, берут в кольцо. Завершают атаку стремительным ударом. Поэтому выбрал Дмитрий Иванович на Воже такое место и ту сторону реки, где изгибы Вожи и заросшие кустарниками ее берега не давали возможности развернуться монголо-татарской коннице.

Встретились русские и монголо-татары, три дня простояли друг против друга на разных берегах Вожи. Бегич ждал, когда переправятся через Вожу

русские, не хотел он переходить на неудобный для себя берег реки. Но русские Вожу не переходили. Наконец Бегич решился. Был уверен, что и так победит московских дружинников.

Ошибся опытный Бегич. Перешли монголо-татары Вожу вброд, устремились на русских.

Не дрогнули русские, сами пошли в атаку. Отважно бросились на врагов. Не ожидали такого удара ханские воины. Попятились назад. Однако те, кто шел следом за ними, продолжали переходить Вожу. Произошла среди своих же свалка. Смешались монголо-татары, расстроились их ряды. Все сильнее, сильнее удары русских. Не устояли ханские воины, побежали. Много ордынцев погибло тогда на Воже. Пал в бою и мурза Бегич.

Разгром монголо-татарских войск на реке Воже был первой крупной победой русских над могучим врагом. Через два года московский князь Дмитрий Иванович одержит и вторую свою победу над монголо-татарами: разобьет их на Дону в знаменитой Куликовской битве. Получит он прозвище Дмитрий Донской.

Князь Дмитрий Донской — таким будет знать и помнить его история.

Фома Неверующий

Жил на свете Фома. Скажут Фоме:

— Есть страны, где люди, как сажа, черные.

— Не верю.

Скажут Фоме:

— Есть земли, где даже зимой не бывает снега.

— Не верю.

Скажут Фоме:

— У тетки Арины корова сдохла.

Он и тут, как всегда:

— Не верю.

Особенно он не верил в то, что когда-нибудь можно будет победить восточных завоевателей и сбросить монголо-татарское иго.

— Не верю. Не верю. Не верю.

Потерял он надежду и веру.

— Сто сорок лет живем под игом. Видно, таков венец.

И вот, когда русские пошли к реке Воже и у многих, наконец, зародилась надежда на победу, Фома опять затянул свое:

— Не верю.

И даже когда пришла с реки Вожи радостная весть:

— Осилили наши монголо-татар.
— Не верю, — все так же твердил Фома.
— Бежали монголо-татары.
— Не верю.
— Много верст мы их гнали.
— Не верю.
— Их предводитель мурза Бегич убит.
— Не верю.

Так и не поверил Фома в нашу победу на реке Воже. Эх ты, Фома Неверующий.

Речка Пьяна

Речка Пьяна. Речка Пьяна. Быть бы тебе в героях… Однако позорная слава тебе досталась.

Было это еще до битвы на реке Воже. Показалось монголо-татарским ханам, что жители русского города Нижнего Новгорода им мало выплачивают дани. Решили напасть на город.

На помощь нижегородскому князю пришли войска из Москвы.

Хитры, изобретательны монголо-татарские командиры. Узнали они, что на помощь нижегородцам пришли москвичи, пустили слух, что ханские воины собираются идти вовсе не на Нижний Новгород, а на саму Москву. Узнав такую

весть, московские дружины поспешно вернулись к Москве. Удалась монголо-татарская хитрость.

Однако монголо-татары продолжали двигаться на Нижний Новгород. Подходили скрытно, незаметно. Все время подсылали к нижегородцам лазутчиков, и те утверждали, что вовсе не к Нижнему Новгороду движутся монголо-татары.

И все же нижегородский князь решил выступить им навстречу. Идут русские войска. Действительно, не видно нигде врагов. Идут дальше. Не видно врагов, не слышно.

Стояло лето. Было оно в тот год жарким-жарким. Идут дружинники — кольчуги на них, на некоторых латы, тяжелые шлемы на головах. В руках боевые топоры, длинные пики, мечи тяжелые. Изнывают ратники от жары и тяжелого груза, пот ручьями по лицам льется.

И Пронька Кривой от жары страдал.

И Кирка Меченый — страдал.

И Панька Губа — страдал.

Страдали и все остальные.

Решили ратники — врага не видно: скинули они с себя тяжелые доспехи, положили на телеги. Туда же снесли боевые топоры, мечи и пики.

Идут налегке ратники. Радуются.

И Пронька Кривой радовался.

И Кирка Меченый радовался.

И Панька Губа радовался.

Радовались и все остальные.

Легко им теперь шагать. Солнце приветливо в небе светит. Ветерок пробегает по телу. Красота. Благодать.

Дошли нижегородцы до речки Пьяны. Врагов не видать. Решили ратники по такому случаю искупаться в реке и выпить хмельную брагу. Дело было как раз к обеду.

Пронька Кривой выпил большую чашу.

Кирка Меченый выпил большую чашу.

Панька Губа выпил большую чашу.

Выпили немалые чаши и все остальные.

Поели воины, прилегли. Довольны дружинники. Снятся им сны счастливые.

И вдруг… Словно с неба, словно из-под земли объявились рядом с Пьяной монголо-татары. Обрушились они на неожидавших русских. Рванулись дружинники к оружию. На телегах лежит оружие. Разбили монголо-татары нижегородцев, а затем захватили, сожгли и разграбили Нижний Новгород.

Речка Пьяна. Речка Пьяна. Поражением русских войск — тем и прославилась речка Пьяна.

«Доброе дело. Правое дело»

Раннее утро. Солнце ползет на небо. Группа верховых едет лесной дорогой. Кони сытые. Всадники знатные. Звенят дорогие уздечки. Дорога то вниз, то в гору.

Великий московский князь Дмитрий Иванович едет в Троицкий монастырь к святому старцу Сергию Радонежскому.

Было это давно. У жителя города Ростова великого боярина Кирилла родился сын. Назвали его Варфоломеем. Мальчик рос мечтательным, хотел многое знать. Часто и долго молился Богу. Когда подрос, ушел из родного Ростова и поселился в шестидесяти верстах от Москвы в дремучем, густом лесу близ города Радонежа. Много лет прожил он здесь в одиночестве. Принял имя Сергия. Потом получил прозвище Радонежский. Построил он под Радонежем деревянную церковь, затем основал Троицкий монастырь.

Очень многими был уважаем и чтим Сергий Радонежский. Приходили к нему за помощью и советами и совсем простые, и самые именитые люди Руси.

Получить благословение святого старца решил

и Великий московский князь Дмитрий Иванович. Монголо-татары снова собирались идти на Москву. Выступить вновь навстречу врагам и решил Великий московский князь. Прибыл он в Троицкий монастырь, пригнул колено перед святым отцом:

— Благослови, отче.

Выслушал старец князя.

— Доброе дело. Правое дело, — сказал Сергий Радонежский. Предсказал он, что осилят русские врагов в предстоящей битве.

Благословил Сергий Радонежский Великого московского князя Дмитрия Ивановича на ратный подвиг, на защиту родной земли.

Движется

Монголо-татарское войско вел на Москву хан Мамай. На пути у Мамая — Дон. Туда же, к Дону, стал торопиться и Великий московский князь Дмитрий Иванович.

В августе 1380 года княжеские дружины выступили из Москвы. Войска двинулись через город Коломну. И в Москве, и по дороге к Коломне, и в самой Коломне, и после Коломны к основному войску присоединялись отряды из других городов

и сел. Идут дружины, приветствуют друг друга:

— Привет, Московские!

— Привет, Владимирские!

— Привет, Ростовские!

— Привет, Ярославские!

— Привет, Серпуховские!

— Привет, Можайские!

— Привет! Привет! Привет!

Княжеские дружины пополнились новыми людьми. Идут недавние бронники, кузнецы, лучники, гончары, сапожники, люди разных других ремесел. Идут кто с пикой, кто с мечом, кто со щитом, кто в кольчугах, кто в латах, кто с боевым топором, кто с булавой, кто просто с большой дубиной. Движутся отряды пешие. Движутся отряды конные. Скрипят походные телеги.

— Привет, Нижегородские!

— Привет, Костромские!

— Привет, Переславские!

— Привет, Дмитровские!

— Привет, Муромские!

— Привет, Юрьевские!

— Привет! Привет! Привет!

Идут войска лесом. Идут войска полем. То холм впереди, то ляжет низина. То ровной идет дорога, то огромной змеей петляет. Идут войска через

деревни и села. Идут через ручьи и реки, где по мостам, где вброд.

Несутся по-прежнему голоса:

— Привет, Суздальские!

— Привет, Ржевские!

— Привет, Мещерские!

— Привет, Белозерские!

— Привет, жители Углича!

— Привет, жители Галича!

— Привет! Привет! Привет!

Из двадцати шести русских областей и городов поднялись люди. Двадцать три русских князя ведут войска. Объединились люди в общем порыве. На битву идут с врагами.

Идут. Идут. Идут. Гулко разносится твердый шаг. Сила народная грозно движется.

Левый берег? Правый берег?

6 сентября 1380 года русские войска подошли к Дону, к левому его берегу. Накануне к Великому московскому князю прибыли разведчики. Доложили: хан Мамай тоже недалеко от Дона. Только подходит он к противоположному, правому берегу. Ясно — скоро быть битве.

Собрался срочно военный совет. Решают кня-

зья и воеводы, где же быть битве, где встречать врагов: на левом ли, на правом ли берегу Дона. Жаркими были споры.

— Веди нас, князь, за Дон, — произнес один из военных начальников.

— Не вели, княже, ходить за Дон, — сказал второй.

— Не трогайся с места, князь, — советует третий.

— Прикажи навести мосты, — настаивает четвертый.

И у других командиров тоже нет единого мнения. Левый берег? Правый берег? Правый берег? Левый берег? Каждый стоит на своем. Не кончаются споры.

Объясняют одни, почему они за то, чтобы Дон переходить. Объясняют другие, почему они за то, чтобы стоять на месте. Свою правоту доказывают.

Те, которые за то, чтобы Дон перейти, говорят, что если дать битву здесь, на левом берегу Дона, то за спиной у русских будет большое открытое поле и монголо-татарам в случае удачи будет легче теснить наши войска, легче будет обойти их с боков. А если перейти Дон, то за спиной у наших будет река. Река окажется рубежом. Даже если

дрогнут в бою наши войска, отступать некуда. И вообще правый берег Дона, где был Мамай, в этом месте порос кустами, дубравами, пересечен оврагами. Негде здесь будет развернуться, как в свое время в битве на реке Воже, хваленой монголо-татарской коннице.

Те, которые за то, чтобы остаться на этом берегу, приводят свои доводы:

— Этот берег свой, он к Москве ближе. На своем берегу будут войска сражаться упорнее, лучше. Даст Бог и удержим Дон.

Не утихают споры.

Выждал великий князь Дмитрий Иванович какое-то время, поднял руку, призвал к тишине, произнес:

— Прибыли мы сюда, чтобы не Дон стеречь, а чтобы разбить врагов. Пойдем за Дон и там либо победим, либо сложим голову за землю православную русскую. Честная смерть лучше, чем жизнь в рабстве.

Приказал великий князь Дмитрий Иванович срочно валить деревья, наводить мосты и переправы.

На следующую ночь в темноте, скрытно от лишних глаз, русские войска перешли на правый берег Дона. Там впереди их ждало Куликово

поле.

«Руби мосты!»

Перешли войска по мостам через Дон. И сразу за этим:

— Приказ князя! Приказ князя! Руби мосты!

Распорядился великий князь Дмитрий Иванович уничтожить мосты через Дон. Сказал:

— Победим или умрем. Нет нам назад дороги.

Поплыли остатки мостов вниз по течению Дона.

Прошли русские чуть вперед. Вот оно, Куликово поле. Сзади река Дон. Рядом в Дон впадает река Непрядва. Еще ближе к Куликову полю речки Смолка и Курца. Справа чуть впереди еще три речки-ручья, три Дубика: Верхний, Средний и Нижний. Берега всех речек покрыты кустами и рощами. По краям поля овраги и рвы. Центр поля чуть возвышен. Это место сейчас называется Красный холм.

Еще на пути к Дону князь Дмитрий Иванович разбил свою армию на отдельные полки. Назвали их: Большой полк, полк Левой руки, полк Правой руки, Передовой полк, Сторожевой. Был и еще один полк, который получил имя — Засадный.

Это — резерв войска.

На Куликовом поле Большой полк был поставлен в центре русских сил между речками Смолкой и Курцой. Левее его — полк Левой руки. Правее — полк Правой руки. Впереди Большого полка — Передовой. Впереди Передового, ближе всего к монголо-татарам, стал полк Сторожевой. Сразу за большим полком тоже был поставлен отряд. Это как бы охрана с тыла большого полка. Засадный же полк был укрыт чуть сзади и чуть в стороне от главных войск за кустами в тенистой роще.

Готовы к сражению русские. Приготовились к битве и монголо-татары. И у них был передовой отряд, и у них в центре поля стояли главные силы. Находились отдельные конные отряды слева и справа от главных сил.

На самом высоком месте Куликова поля, на Красном холме, разместилась ставка самого Мамая. Здесь был поставлен ханский шатер.

Перед началом битвы князь Дмитрий Иванович стал объезжать полки.

Подъехал к Большому полку:

— Отцы и братья! Настал для Руси великий час…

Подъехал к Передовому полку:

— Отцы и братья!..

Подъехал к Сторожевому полку:

— Отцы и братья!..

Побывал он в полку Левой руки. Побывал в полку Правой руки. Съездил в Засадный полк.

Ратники клялись биться до последнего вздоха.

Вернувшись, Дмитрий Иванович снял с себя княжеские одежды и облачился в доспехи простого дружинника. Стал он в строй Большого полка. Здесь, в общем строю, и провел всю битву.

Бой Пересвета и Челубея

Землю укрыл туман. Так начиналось утро в день Куликовской битвы. Полз он над Доном, над Непрядвой. Лизал Куликово поле. Укрывал противников друг от друга. Лишь русская речь и монголо-татарский говор раздавались в туманной мгле.

У монголо-татар сложилось такое правило. Битву они начинали с того, что перед приготовившимися к бою войсками появлялся монголо-татарский силач. Он призывал кого-нибудь из воинов вражеской стороны провести с ним бой. Выходил противник. Начиналась схватка. За ней внимательно все следили. Интересно, кому же падет победа?!

Так было и на Куликовом поле. Едва отступил туман — выехал вперед ханский богатырь. Звали его Челубей. Имел он кличку Железный воин.

Челубей — красавец, и конь у него красавец. Сам богатырь, и конь под ним богатырский. И пика всем пикам пика.

Обратившись к русским войскам, Челубей прокричал:

— Выходи, кто смелый!

Выехал вперед русский воин. Звали его Пересвет.

Когда великий князь Дмитрий Иванович собирался в поход на монголо-татар и ездил в Троицкий монастырь просить благословения у Сергия Радонежского, великий пастырь пригласил к себе двух послушников, двух молодых людей, которые готовились стать монахами.

— Пересвет, Ослябя, — назвал их имена.

Будущие монахи были рослыми, статными.

— Отдаю тебе, княже.

Перекрестил Сергий Радонежский послушников. Поехали Пересвет и Ослябя вместе со всеми навстречу врагам.

И вот Куликово поле. И вот вызов Челубея.

Выехал вперед Пересвет. Грозный вид у Челубея. Но такой же грозный и у Пересвета. Огромная

пика у Челубея. Такая же огромная у Пересвета. Конь под Челубеем как дуб могучий. Такой же под Пересветом громада-конь.

Разъехались богатыри в разные стороны. Развернулись. Устремились навстречу друг другу.

Несется конь Челубея.

Несется конь Пересвета.

Бьют конские копыта, как в барабан, о землю.

Несется конь Пересвета.

Несется конь Челубея.

Все ближе всадники, ближе.

Изготовились пики. Сблизились кони. Удар Челубея. Удар Пересвета.

Замерли все на поле. Что там? Кто впереди? У кого победа?!

Видят люди — рухнули богатыри. Не поднялся с земли Пересвет. Не поднялся с земли Челубей. От страшных ударов погибли оба.

Установилась на миг тишина. И вслед:

— К бою! К бою!

Сошлись войска. Закричала, заклокотала, загрохотала битва.

Крик

Ударили мечи о мечи. Боевые топоры сошлись с топорами. Устремились к щитам и кольчугам пики. Запели смертельную песню стрелы.

Перемешались конные, пешие. Не велико по размерам Куликово поле. Лошадям развернуться трудно. Бойцам размахнуться трудно. Рубят, колют, давят люди друг друга. Крики, стоны идут по полю.

Два часа прошло в равном бою. Лишь на землю людские тела, как снопы, валились.

На первых минутах битвы погиб князь Белозерский, погиб князь Тарусский, еще трое князей погибли.

От страшного удара по голове свалился и ратник Роман Узда. Он из-под Владимира, с речки Клязьмы. Лежит воин в ряду с другими. Покидает Романа жизнь. Промелькнуло в памяти детство, родители, невеста Аннушка, сестрица Сафьянушка, речка родная Клязьма. Закрылись глаза Романа. Приготовилась душа отлететь от тела.

И вдруг… Показалось Роману, что кто-то в небе прокричал над его головой. Задержалась вдруг в теле душа на минутку. Приоткрыл он глаза.

Прямо над ним пролетала большая белая птица. Так это же лебедь — понял Роман.

— Вставай! — прокричала Роману птица.

На реке Непрядве, там, где Непрядва впадает в Дон, водились белые лебеди. Видимо, один из них и оказался над полем битвы. Что его сюда привело? То ли шум нарастающей схватки. То ли просто облетал он места знакомые. А может, птичьей своей душой понял лебедь беду человечью. Прокричал он и спас своим криком Романа. Шевельнулся воин. Привстал. Вернулась к Роману жизнь.

Уцелел Роман в Куликовской битве. Вернулся к себе на Клязьму. Развел лебедей. Нет с той поры для Романа милее звука, чем крик белоснежных птиц.

Выходят люди на берег Клязьмы. По Клязьме плывет выводок лебединый.

Страх

Ходит по свету Страх. Глаза навыкат, борода аршинная. Хватает за руку каждого.

Игнат Лебеда шел вместе со всеми навстречу войскам Мамая. И вдруг на подходах к Дону подкараулил Игната Страх. Схватил за руку:

— Куда идешь? Погибели ждешь!

Отдернул дружинник руку.

— Сгинь, сатана!

А у самого что-то под сердцем екнуло.

Не отстает от Игната Страх. Пугает, пугает, пугает:

— Погибели ждешь? К черту на вилы прешь!

Посмотрел Игнат на своих товарищей. Нет на лицах друзей ни тревоги, ни робости. Застыдился, что сердце екнуло.

— Сгинь, сатана!

Отдернул быстрее руку. Схватил пучеглазого, поднял над собой. Собрался с силой ударить о землю. Однако вырвался Страх. Кобылицей степной умчался.

Когда переходили дружинники через Дон, Страх снова тихой мышкой подполз к Игнату.

— Куда идешь? К смерти-старухе в зубы!

— Сгинь, сатана! — вновь прокричал Игнат. Схватил он Страх за аршинную бороду. Хотел утопить в Дону. Однако вырвался Страх. Коршуном взвился в небо.

Еще несколько раз пытался осилить Игната Страх. Появился и в самом начале сражения, когда сошлись в бою Пересвет и Челубей, и когда после этого в кровавой смертельной сече обруши-

лись друг на друга враждующие полки, и когда вовсю разгорелась битва. Стрижом подлетал к Игнату, ужом подползал, лягушкой по телу прыгал. Хватал за руки, за грудь, за плечи.

— Дрогнешь, дрогнешь! Не устоишь! — Игнату шептал на ухо.

Не дрогнул Игнат. Устоял.

А когда вновь появился Страх, схватил Игнат свой меч и на злого искусителя бросился.

Понял Страх, что не с тем повстречался. Сам задрожал. И тут же в придорожную пыль рассыпался.

Новый кафтан

Трифону сшили новый кафтан. Материал крепкий. Рукава просторные. Полы широкие. Карманы глубокие. Воротник-стоечка.

Нравился Трифон себе в кафтане. Прогуливался важно по улицам. Встречным, соседям хвастал:

— Материя крепкая.

— Рукава просторные.

— Полы широкие.

— Карманы — глубокие.

— Воротник — стоечкой.

Было это перед самым походом русских на Дон.

Трифон тоже приготовился в дальний путь. Хотел натянуть одежонку старую. Но тут вдруг сосед то ли в шутку, а может, всерьез посоветовал ему идти на войну обязательно в новом кафтане. Мол, новый кафтан убережет от смерти. Жалко было Трифону понапрасну новый наряд трепать. Однако перестраховался. Соседа послушался. Пошел щеголем на войну.

Разразилась на Куликовом поле смертельная схватка. Не жалели, рубили, крушили враги друг друга. Взлетали мечи, топоры, булавы, секиры, как при рубке леса, людей валили. Ад стоял на Куликовом поле. Трифон был в центре битвы. То ли судьба, то ли новый кафтан, но что-то его хранило.

Досталось кафтану в жестокой схватке. Уже в самом начале боя отрубили саблей кафтану одну из пол. Отлетела пола с карманом. Потом чуть ли не с рукой самого Трифона отсекли один из рукавов. Потом пробили пикой Трифону плечо и распороли второй рукав.

— Кафтан! Пожалейте кафтан, — причитал в бою Трифон.

Все злее, все злее бой. Отрубили у кафтана вторую полу, и тоже вместе с карманом. Потом оторвали спину кафтана. Вырвали клок со сто-

роны груди.

— Кафтан! Ироды, пожалейте кафтан! — чуть не плакал несчастный Трифон.

Не утихает сеча. Оторвало у кафтана клок с другой стороны груди. Потом…

Короче, словно и не было на Трифоне кафтана. Лишь красуется ворот-стоечка. Лишился Трифон своей обновы, зато, как и предсказывал ему сосед, сам жив и здоров остался.

Вернулся Трифон с войны. Смотрят люди на ворот-стоечку.

— Тришкин кафтан! — смеются.

Славились на Руси

Не повезло кузнецу Калине. Чуть не погиб дружинник на первых секундах битвы. Хотя был и плечист, и высок, и вооружен, казалось, отлично.

Случилось это сразу после схватки Пересвета и Челубея. Сражался Калина боевым топором. У боевого топора длинная рукоять — топорище. На конец топорища насажен сам боевой топор. С одной стороны у него тупой конец, с другой тяжелое острое жало. Крушил Калина врагов. Как мяч, взлетал боевой топор, опускался, как молот

в кузне. И вдруг сломилась у топора длинная рукоять. Улетел топор далеко-далеко, помчался людей калечить.

Улетел боевой топор. Остался Калина безоружным. Налетел в это время на воина новый враг. Растерялся Калина.

— Кулаками. Бей кулаками! — вдруг прокричал сосед.

Отбросил Калина остаток от топорища, в рукопашную накинулся на врага. Ударил левой рукой, ударил правой. Был у Калины удар пудовым. Свалил он на землю монголо-татарского воина.

Свалил одного, а рядом еще один. На коне, с длинной и острой пикой.

— Руками хватай! Руками! — кричит Калине снова сосед по бою.

Вцепился Калина руками в длинную пику. Вырвал пику. Сбросил врага на землю.

Стал Калина сражаться пикой. И вдруг из-за удара в бою переломилась пика. Вновь оказался он без оружия. Вновь помогли кулаки Калине. Отнял он в схватке с каким-то ханским воином изогнутый монголо-татарский меч.

Стал сражаться мечом. И вдруг… Из-за этого кривого меча чуть вновь не погиб Калина. Кто-то из русских дружинников, даже не глянув в лицо

Калине, принял его за восточного воина. Ударил он русским мечом по мечу Калины, перебил его. Переломился монголо-татарский меч.

Опять у Калины лишь кулаки остались. Однако снова дружинник ринулся смело в бой. Заработал гирями-кулаками. Не только Калине, но и другим русским воинам приходилось на Куликовом поле сходиться с врагами в лихой рукопашной схватке.

Кулачные бои издревле славились на Руси.

Великокняжеский стяг

У русских полков и отдельных отрядов были свои боевые знамена. Оберегали дружинники их в бою. Если возвышается флаг над полком — значит воины крепко держатся.

На Куликовом поле, помимо полковых и отрядных знамен, был и общий великокняжеский стяг. Это флаг великого князя Дмитрия Ивановича. Древко длинное, полотнище черное. В центре полотнища круг. В кругу было изображено лицо Святого.

Возвышался стяг над Большим полком. Глянешь из Сторожевого, из Передового полка. Посмотришь из полка Правой, Левой руки — вот

он, главный на поле флаг.

Видел великокняжеский стяг из своим воинам на Красном холме и хан Мамай. Раздражало хана русское знамя. Приказал он свои солдатам прорваться к стягу и уничтожить флаг. Бросились ханские воины исполнять приказ. С большим трудом, но пробились к стягу. Завязалась здесь ярая схватка.

— Не подпускай их! Ломи! Круши! — кричал воин из Большого полка, московский гончар Еремка.

И все же дотянулись люди Мамая до флага. Изрубили монголо-татары древко. Рухнуло главное русское знамя.

Хан Мамай видел успех своих воинов. Доволен Мамай. Даже улыбка суровые губы тронула.

Продолжается битва.

Отвел хан Мамай взгляд на минутку от этого места. А когда вновь посмотрел — не поверил своим глазам. Над тем же местом, там, впереди, над Большим полком, вновь колыхалось знамя. Вот черное полотнище. Вот круг на полотнище. Вот изображение русского Святого.

Решил хан, что ему померещилось. Протер он глаза. Нет, на прежнем месте великокняжеский стяг. И стяг, и лик Святого.

Оказалось, отбили русские флаг. Вновь он ото-всюду виден. И со стороны Передового полка, и со стороны Сторожевого, и от полков Левой, Правой руки, и из всех других мест.

Видят русские: флаг развевается в небе. С новой силой бросились в битву.

— Круши их! Ломи! — кричал воин из Большого полка московский гончар Еремка.

Матвеев щит

Отважен в бою Умар. Это один из монголо-татарских воинов. Сошелся он в схватке с московским дружинником. Рубился, рубился, дотянулся до русского. Вот-вот и смертельный удар последует.

И вдруг… Какой-то невиданный свет ударил в лицо ордынца. Ослепил он Умара. Зажмурил Умар глаза. И в ту же секунду почувствовал страшный удар мечом. Закончилась жизнь Умара.

Рядом с Умаром сражался ханский воин Арак. И он отважно бился, без робости шел на русских. Одного осилил, с другим сошелся. Вот-вот и победу схватит.

И вдруг… Какой-то яркий-преяркий свет ударил в лицо Арака. Зажмурил Арак глаза. И в ту же секунду страшный удар мечом обрушился на

ханского воина. Упал Арак. Закончилась жизнь земная.

Рядом с Араком сражался ханский воин Хабад. И этому не откажешь в смелости. Сошелся он с русским лицом к лицу. Вот-вот и осилит дружинника.

И вдруг… Ударил Хабада в лицо яркий-преяркий свет. Ослепил он ордынца. Прикрыл Хабад на секунду глаза. И тут же почувствовал страшный удар меча. Рухнул Хабад на землю. Завершилась отважная жизнь Хабада.

В числе русских сражался на Куликовом поле оружейник Матвей Голова. Он сам для себя смастерил оружие. И меч, и шлем, и железный щит. Сделал щит небольшим и круглым. Начистил, надраил, отполировал. Блестит, как солнце, под солнцем Матвеев щит. Посылает по полю «зайчиков». День был погожим, солнечным.

Использовал Матвей Голова свой щит и для обороны, и для нападения. Отобьет он удар врага, тут же ловит солнечный луч щитом, направляет в глаза ордынцу.

Во время битвы на Куликовом поле русские стояли на северной его стороне. Монголо-татары сражались на южной. Освещает солнце спины врагов, освещает лица и груди русских. Многие из

дружинников были в металлических нагрудниках. Кое-кто в латах. Кое-кто, как Матвей Голова, пришел с железным щитом. Светил, играл металл под лучами солнца. Отражались лучи, летели прямо в глаза противников. Слепили они врагов.

Бьется вместе со всеми Матвей Голова.

Нет-нет, да на небо глянет:

— Эх, не зашло бы за облако солнце.

Святая вода

Началась эта история еще в Москве. Отправляясь на Дон, русские дружинники проходили по нынешней Красной площади. У Фроловских (теперь это Спасские) и Никольских ворот Кремля стояли священники. Благословляя на битву, они кропили русских воинов святой водой.

Шел со всеми Аким Лебеда. Шел он в крайнем ряду, от священников самом дальнем. До всех долетела святая вода, всем перепали святые капли. На одного лишь Акима кропиночки не попало.

— Это все Евсей Борода, — сокрушался Аким Лебеда. — Это все Борода, Борода!

Как раз рядом с Акимом Лебедой и шел Евсей Борода. Мужик он рослый, грузный, с бородой огромной. Вот и перекрыл Евсей собой и своей

бородой Акима. Вот и остался Аким Лебеда не окропленным святой водой. Хотел вернуться к священникам, да было поздно.

Всю дорогу до самого Куликова поля переживал Аким Лебеда свою незадачу. Не убережет теперь его Бог. Жди, поджидай плохого. Плохое случилось еще до боя.

Дружинники переходили мостом через Дон. И вот на мосту Аким, как и тогда на Красной площади, вновь оказался в крайнем ряду. И надо же, рядом с ним и тут шел все тот же Евсей Борода. Мост новый, срочно построенный, без ограждений, без перил. Идет Аким по самому обрезу моста, рядом журчит вода. Прошли уже половину пути. И вдруг… Споткнулся Евсей Борода. Качнулся, толкнул Акима. Вскрикнул Аким Лебеда и рухнул в воду.

Не погиб, конечно, Аким Лебеда. Вытащили быстро его на берег. Смеются дружинники, вспоминают Москву и то, как не окропили священники тогда Акима святой водой:

— Окропился, выходит, водой донскою.

Разгорелась Куликовская битва. Бьется Аким Лебеда с врагами. Глянул. Похолодело в душе у Акима — рядом снова Евсей Борода.

Обрушился тут на Акима ханский воин. Занес

свой изогнутый меч. «Вот и конец», — пронеслось в голове Акима. И вдруг возникли перед Акимом Лебедой чье-то плечо и чья-то огромная борода. Прикрыл человек Акима. «Так это же Евсей, Евсей Борода», — понимает Аким Лебеда. Спас Борода Акима. Выбил из рук ордынца смертельный меч. Рухнул на землю солдат Батыя.

Вспомнил Аким про донскую воду: «Свят, свят, помогла вода».

Улыбнулся Аким Евсею. Улыбнулся Евсей Акиму. Снова вступили в битву. Рубились и дальше плечо к плечу.

Уцелели Аким Лебеда и Евсей Борода на Куликовом поле. Вернулся Аким Лебеда в родную Москву. Рассказывал всем о донской победе, о новом друге своем Евсее Бороде. Рассказывал и о том, как неожиданно перед боем искупался в донской воде. Все твердил и твердил про воду:

— Святая вода. Донская!

Ратай

Был он просто ратай. Ратай — это значит пахарь, крестьянин. Землю пахал. Урожай собирал. Себя и людей кормил. Был он великий труженик.

Отличился ратай и на Куликовом поле. Везде

поспевал. Когда в начале битвы ударили монголо-татары по Сторожевому и Передовому полкам, оказался он тут как тут. Когда в схватку с врагами вступили воины Большого полка, вместе со всеми был снова ратай.

Отважно сражался ратай. Упрямо валил врагов. Словно землю копал, словно пласт поднимал сохой. Смотрят соседи:

— Пашет!

Потом, когда все перемешалось на ратном поле, он бился в рядах дружинников полка Правой руки. Потом Левой руки. Смотрят другие:

— Пашет!

Как на пахоте, так и в бою не знал ратай усталости, все валил и валил противников. Даже сам хан Мамай обратил внимание на русского воина.

— Кто такой?!

— Ратай!

— Молодец, молодец, — восхищался Мамай. — Как победим — помилую.

Однако не пришлось миловать монголо-татарам русских. Отважные воины сами стране принесли победу.

Закончилась битва. Идет ратай.

— Привет, ратай!

— Слава ратаю, слава!

Перепахали русские ратаи в тот день Куликово поле.

Шесть дней

Устали бойцы в сражении. Не кончается жаркая сеча. Гибнут люди, как сжатые колосья, на поле валятся. Невероятное стало кое-кому мерещиться.

Тут Тит Воробей прошептал соседу:

— Смерть видел. Смерть! Смерть с косою по полю ходит.

Не только Тит видел Смерть и косу.

Видел ее и Кондрат Нога.

Видел ее и Алфей Рука.

Видел ее и Кузьма Зерно.

— Смерть с косою по полю ходит.

Не только видел ее Кондрат Нога.

Не только видел ее Алфей Рука.

Не только видел ее Кузьма Зерно.

В какой-то момент боя ханский воин Садык прошептал соседу:

— Смерть с косою по полю ходит.

Глянул сосед — верно, шагает коса по полю.

Видел ее и ханский воин Ахмед.

Видел ее и ханский воин Хамид.

Видел ее и ханский воин Ардаш.

Не только видели ее Ахмед, Хамид и Ардаш. Многие видели.

Видел Смерть с косой даже сам хан Мамай. Дважды протер глаза. Трижды на поле рукой показывал.

Разъяснилось после боя все, как было на самом деле.

— Так это же свой. Это Фимка Козел! Вспомнили русские дружинники, что под Коломной пристал к ним мужик с крестьянской косой. Звали его Фимка Козел. Не у всех на Куликовом поле было настоящее боевое оружие. Кто бился дубиной, кто сражался рогатиной. А вот Фимка Козел явился с косой. Была на мужике, как саван, до пят рубаха. Своей косой и рубахой и навел на уставших людей он страху.

— Ну и Козел! — ругались, смеялись люди. И лишь серьезный мужик Касьян Дуга не шутил, не смеялся. Произнес негромко:

— Правда по полю ходила Смерть. Правда косой махала.

Тысячи русских погибли тогда на Куликовом поле. Монголо-татар полегло не меньше. Шесть дней после боя хоронили тела убитых.

Федул и Авдул

Жил на свете Федул. Жил на свете Авдул. Федул — русское имя. Авдул — имя монголо-татарское. Очень схожие имена.

Сложилось так, что Федул и Авдул сошлись в битве на Куликовом поле.

Бились они мечами. Прикрывались щитами.

Меч у Федула прямой и длинный. Меч у Авдула тоже длинный, но чуть изогнутый.

Щит у Федула сделан из дерева, выкрашен в красный цвет. Щит у Авдула кожаный, склеен из конских шкур.

Лупят друг друга Федул и Авдул. Не знает Федул, что перед ним Авдул.

Шлем на голове у Федула железный, кованый. Шлем у Авдула тоже железный и тоже кованый.

У Федула шлем с острым выступом наверху — шишаком. У Авдула без шишака, просто обычный шлем.

Лупят бойцы друг друга. Не знает Авдул, что перед ним Федул.

Возможно, убили бы они друг друга. Да тут бойцов развела судьба.

Так и не узнал Федул, что был перед ним Авдул.

Так и не узнал Авдул, что был перед ним Федул.

Федул и Авдул очень схожие имена.

«Что же медлишь, Засадный полк!»

День перешел за полдень. Добавилось к этому времени новое время. Полдня уже длится битва.

Потеснили монголо-татары наш левый фланг. Дрогнул полк Левой руки. Вот-вот прорвутся монголо-татары, выйдут в тыл Большому полку.

Помнят русские, что в резерве — конный Засадный полк.

— Что же медлишь, Засадный полк!

Все сильнее удар врагов.

— Иди на помощь, Засадный полк!

Возглавлял полк воевода Дмитрий Боброк.

Перед сражением на Куликовом поле князь Дмитрий Иванович наставлял Боброка:

— Стой до конца. Не торопись. Жди для боя момента главного.

Дмитрий Боброк воевода опытный. Он и сам понимает: выйдешь до срока — никому не поможешь. Тебя съедят. Чуть запоздаешь — и вовсе плохо. Ложка сладка к обеду.

— Не торопись, — вновь повторил князь Дмитрий Иванович.

— Слушаюсь, — ответил воевода Дмитрий Боброк.

Все тяжелее дела на Куликовом поле. Жмут с новой силой монголо-татары. Миг, еще миг — и победу схватят.

— Что же ты медлишь, Засадный полк!

Не устоял, побежал полк Левой руки.

— Что же ты медлишь, Засадный полк!

Заколебался, качнулся Большой полк.

— Ну где ты, где ты, Засадный полк?!

И вот.

— Готовься! — наконец прокричал Боброк.

Выждал, когда монголо-татары оказались к конным спиной:

— Отцы и братья! Сыны и други! Бог нас хранит. Вперед!

Сорвался с места Засадный полк. Выскочили всадники из дубравы.

Неслись Иваны. Неслись Степаны. Земля гудела. Земля дрожала. Неслись Николы. Неслись Егоры. Сама отвага вперед летела.

Ударил Засадный полк в спину монголо-татарам. Понимают те: прибыли свежие русские силы. Увидели помощь и отступившие было русские. Остановились, повернулись, сами набросились на врагов.

Рубились Иваны. Рубились Степаны, Николаи, Егоры, Федоты, Провы… Земля гудела. Земля дрожала.

Все изменилось на Куликовом поле. Не удержались, побежали монголо-татары.

— Победа! Победа! — кричало небо.

Слепой

С детства он был одноглазым.

— Слепой! — мальчишки его дразнили.

Ударили в детстве чем-то тяжелым его по голове — вот и прикрылся один глаз, сомкнулось у мальчика веко с веком.

Однако, хотя он и был одноглаз и прозвали его Слепой, на самом деле все прекрасно мальчишка видел.

И когда гусей в детстве пас. Только гусак отойдет от стада:

— Эй, не балуй! — И гусака хворостиной хлесть.

И когда отец вдруг за ремень хватался:

— Тять! В печи молоко сбежало.

А когда вырос Гришка, даже несмотря на свой единственный глаз, лучшую сельскую красавицу усмотрел. Усмотрел и женился.

В дни похода русских людей на монголо-татар Гришка пристал к одному из отрядов.

— Куда ты, — смеются люди. — Может, чтоб видом своим степняков пугать.

— Разве чтоб первым на поле пасть.

Насупился Гришка, однако сдержал обиду.

Отличился Гришка Слепой в Куликовской битве. И здесь в бою все он прекрасно видел.

Когда ханский воин занес над Гришкой свой грозный меч, не растерялся Гришка. Мечом по мечу ударил. Выбил он меч из рук врага, а затем и сразил монголо-татарского воина.

Когда один из неприятельских всадников направил на Гришку коня и приготовил пику к смертельному удару, увернулся Гришка, стремительно пырнул лошадь мечом под брюхо. Взвился от боли конь, сбросил седока прямо под ноги Гришки.

И даже тогда, когда набросились на русского сразу два ханских воина и слева, и справа, и одного, и другого заметил Гришка. Рубанул того, который был слева, стремительно повернулся и рубанул того, что был справа. Вновь в победителях ловкий Гришка.

Но самое удивительное случилось с Гришкой в самом конце сражения. Кто-то из неприятельских

воинов снова, как кто-то в детстве, ударил чем-то тяжелым его по голове. Как раз были последние минуты Куликовской битвы. Мчался в атаку Засадный полк. И следом неслась Победа. Ударил ханский воин Гришку по голове. И вдруг открылся у Гришки незрячий глаз. В детстве закрылся, а тут открылся.

Торжествует Гришка. Ура! Двумя глазами победу видел.

«Где ты, княже?!»

Победа! Победа! А где же великий князь?!

— Тут был!

— Рядом сражались!

— Вместе стояли!

Не откликается князь.

— Княже!

— Князь!

— Дмитрий Иванович!

Не отвечает князь.

Великий князь Дмитрий Иванович всю битву провел, сражаясь в Большом полку. Отсюда и шли от него команды. Тут он и бился, как простой воин. Он на коне. Рубит мечом. Но и монголо-татары рубят.

Рухнул под князем конь.

Подвели нового.

Рубит великий князь. Но и монголо-татары рубят.

Рухнул под князем второй конь.

Подводят нового.

Бьется великий князь.

Рухнул под князем третий конь.

Подвели четвертого. Но и этот под ордынскими взмахами рухнул.

Перешел князь на пеший бой. Рубит мечом направо, рубит мечом налево. Но и монголо-татары рубят.

Обступили монголо-татары князя. Вот три человека на одного. Вот пять человек на одного. Вот семь человек на одного.

По высокому шлему, по латам, которыми прикрыта грудь князя, по кольчуге идут удары.

Удар. Снова удар. И еще удар. И опять удар.

Покидают силы великого князя. Глаза застелил туман…

Закончилась битва. Победили русские. Ходят по бранному полю воины. Ищут князя:

— Князь!

— Княже!

— Дмитрий Иванович!

Не отзывается князь.

Может, без сознания. Может, убит. Может, другими телами привален.

— Князь!

— Княже!

— Дмитрий Иванович!

И вдруг.

— Нашли! Нашли!

И верно, был разыскан великий князь. И правда, был он без памяти. И верно, другими телами придавлен.

Вынесли великого князя на открытое место. Дали воды. Открыл он глаза.

— Княже, победа! Победа, княже!

Разгромили русские монголо-татар в великой битве на Дону, на Куликовом поле. Получил за эту победу Великий московский князь Дмитрий Иванович прозвище Дмитрий Донской.

Гусиный брод

Подходя к Куликову полю, монголо-татары переходили речку Красивая Меча. Разведывали удобную переправу. Разыскали Гусиный брод.

Докладывают Мамаю:

— Разыскали Гусиный брод.

Гусиный брод — значит самое мелкое место на реке. Даже птице вода по пояс.

Понравился Мамаю Гусиный брод. Момент — и войска переправились на противоположный берег.

И вот разбит Мамай на Куликовом поле. Бежали с позором монголо-татары. Бросились русские за ними в погоню. Уходят монголо-татары степными дорогами, хлещут плетками лошадей.

Бежал поспешно и хан Мамай. То и дело переходил из седла в седло.

— Быстрей! Быстрей! — торопил приближенных. Вот и речка Красивая Меча. Вот и знакомый счастливый Гусиный брод. Спасла монголо-татар переправа. Перемахнули, как на крыльях, Гусиный брод. Перелетел через Красивую Мечу, словно стрела из лука, и сам хан Мамай.

Спасся Мамай от погони, позора и плена.

— Уберег нас Гусиный брод, — шепчут ему приближенные.

Спасся тогда Мамай. И все же печально закончилась жизнь Мамая. Не простили ему в Золотой Орде поражения на Куликовом поле. Изгнали. Бежал хан Мамай еще дальше, на полуостров Крым.

Но и здесь не нашел он покоя. Убили злые люди

в Крыму Мамая.

Не пришла к Мамаю в Крыму удача. Не попался хану Гусиный брод.

Набег на Москву Тохтамыша

Прошло два года. Лето. Жара. Москва. — Тревожные слухи ползут по городу:

— Монголо-татары снова идут на Русь!

— Тысячи!

— За ордой — орда!

К этому времени к власти в Золотой Орде пришел хан Тохтамыш. Смыть позор за Куликово поле поклялся монголо-татарский князь.

Быстро шел хан Тохтамыш. Все жег и уничтожал на своем пути. Вот перешел реку Оку. Вот разорил город Серпухов. Вот и рядом с Москвой монголо-татары.

Князя Дмитрия Донского не было тогда в Москве. Он в Костроме и других приволжских городах собирал для отпора врагам дружины.

Хоть и большим было монгольско-татарское войско, но отбили москвичи первый штурм Тохтамыша.

На другой день враги начали новый штурм. Но и второй штурм был тоже отбит.

Выждав три дня, монголо-татары в Москву послали своих послов. Послы стали уверять, что нет против москвичей у них злого умысла. Просили открыть городские ворота.

Поверили москвичи. Открыли ворота города.

Ворвались монголо-татары в Москву. Стали убивать и грабить жителей. Затем подожгли город со всех сторон. Запылала Москва, как факел.

Вскоре по всей Руси вновь установилось монголо-татарское иго.

Встретились как-то два москвича, два соседа, два погорельца Иван Большой и Иван Меньшой. Заговорили они о жизни.

— Выходит, как было, так все и осталось, — произнес Иван Меньшой.

— Выходит, что так, — ответил Иван Большой.

— Получается, снова ярмо на шею.

— Вроде бы так.

Не успокаивается Иван Меньшой.

— Лишь зря животы не жалели. Легли костями на Куликовом поле.

— Дурак! — вдруг оборвал соседа Иван Большой. — В каждом деле важно начало. Первым всполохом гроза начинается. С первой трещины лед на реке ломается.

Стояние на Угре

Прошло ровно сто лет со дня Куликовской битвы. 1480 год. Осень. Октябрь. Река Угра.

Сюда, к Угре, подходят русский войска.

Протекает Угра южнее Москвы, впадает в реку Оку. Петляет, петляет, петляет Угра. Среди полей и лугов узоры свои выводит. Мирный вид у реки Угры.

К Угре идут и монголо-татары. Ведет их сам правитель Золотой Орды, хан Ахмат. Разгневан хан. Великий московский князь Иван III отказался выплачивать дань Золотой Орде. То-то Москва заплачет.

И вот подошли русские и монголо-татарские войска к Угре. Остановились на разных ее берегах. Остановились войска. Вот-вот и грянет кровавая битва.

День проходит.

Еще день.

Еще день.

Не переходят монголо-татары Угру. Не начинают битву. Не переходят Угру и русские. Продолжается стояние на Угре.

Проходит еще день.

Еще день.

Еще день.

Не переходят монголо-татары Угру. Не начинают битву. Не переходят Угру и русские. Длится стояние на Угре.

Тридцать три дня простояли войска друг против друга.

И вдруг…

Прибежали лазутчики:

— Ушли ордынцы. Ушли! Отступили!

— Как ушли? Без боя?!

— Ушли. Ушли. Показали спины.

Завершилось стояние на Угре.

Не тревожили с той поры больше монголо-татары русских. Оставили Русь в покое. Пало, было сброшено на Руси монголо-татарское иго.

Правда, хан Ахмат клялся новым походом идти на Москву. Но не сдержал угрозы. Видимо, у монголо-татар силы были уже не те. Да и Русь была не та.

Окрепла страна. Становилась твердо она на ноги. Начинались для Руси новые времена. Новые имена стучались в двери родной истории:

Иван Грозный, Дмитрий Пожарский, Кузьма Минин, Петр Великий, великий Суворов, великая Екатерина… Уже доносились победные марши

с полей предстоящих сражений: борьба с поляками, войны со шведами, торжество над армией Наполеона.

Но обо всем этом другие книги. До новых встреч, дорогой читатель.

Цари и самозванцы
(Рассказы о Смутном времени)

Глава первая
Царевич Дмитрий
Накололся

— Накололся! Накололся! — кричал Петрушка Колобов. Несся он по княжескому подворью с бешеной скоростью. — Царевич помер! — истошно вопил Петрушка.

Царевич Дмитрий был младшим сыном русского царя Ивана Васильевича Грозного. После смерти царя Ивана жил Дмитрий вместе с матерью Марией Нагой в городе Угличе. Было в тот год царевичу десять лет.

Любил Дмитрий вместе с ребятами забавляться в тычку. Это игра такая — в ножички.

Рисовали на земле круг. Бросали в него ножички: кто попадет точнее.

Нравилась царевичу игра в тычку. И другим ребятам нравилась. Соберутся они на большом подворье. Соревнуются: кто более удачлив, кто более ловок.

Увлечется Дмитрий. Про все забывал царевич, лишь тычка да тычка.

Выйдет на крыльцо из терема бывшая царица

Мария Нагая:

— Сыночек, родненький, иди отдохни.

Не слушает Дмитрий, играет в ножички.

— Сыночек, миленький, сказку, ступай, расскажу.

Не слушает Дмитрий, играет в ножички.

Болел Дмитрий падучей болезнью. Болезнь эта странная, непонятная. Терял вдруг на какое-то время царевич сознание. Падал на землю, начинал дергаться. Бледнела тогда царица Мария Нагая. Замирали в испуге прислуга и мамки.

— Злой дух, изойди! Злой дух, изойди! — выкрикивал местный дурачок Ипатка.

Вот вновь случилась с царевичем Дмитрием падучая. Как раз во время игры в тычку. Упал он, задергался, да неудачно. Напоролся на острое жало ножа. Пришелся укол в горло. Дернулся Дмитрий. Еще раз дернулся. Навеки умолк царевич.

— Царевич помер! Царевич помер! — истошно вопил приятель по играм Петрушка Колобов.

Три дочери, пять сыновей

У царя Ивана Васильевича Грозного было семь жен. Было восемь детей: пять сыновей, три до-

чери. Мальчиков звали: Дмитрий, Иван, Федор, Василий, еще один Дмитрий. Не благоволила судьба к детям Ивана Грозного. Все три дочери и сын Василий скончались в младенчестве. Трагически, не достигнув года, погиб и первенец царя Ивана — царевич Дмитрий. Второй по рождению сын царя Ивана, ставший теперь наследником престола и названный по имени Грозного также Иваном, скончался после тяжелых побоев, которые нанес ему посохом во время ссоры отец. Самый младший из сыновей царя Ивана — назвали его в память о первенце Дмитрием — родился незадолго до смерти Ивана Грозного. Не пожалела судьба и царевича Дмитрия. Накололся он на ножик, играя в тычку.

В 1584 году после смерти Ивана Грозного на русский престол был посажен единственный из оставшихся в живых сыновей Грозного — Федор.

Царь Федор Иванович был от рождения хилым. Воли слабой. Ума небольшого. Государственными делами занимался мало. Больше молился. Ездил по монастырям. Нередко сам поднимался на звонницы и бил в колокола.

Собирался к колокольне тогда народ:

— Глянь, глянь, государь за звонаря!

Ударяет царь Федор в колокола. Упивается мед-

ным звоном.

Любил царь Федор и другие забавы. Особенно медвежьи бои. В круг, обнесенный стеной, выгоняли медведя. Входил охотник с рогатиной. Начиналась кровавая схватка. Следит царь Федор, кто кого одолеет: человек — медведя или медведь разорвет человека.

— Ату! Ату! — выкрикивает царь Федор.

Не оставил после себя царь Федор наследника. Скончался бездетным.

Похоронили царя Федора. Проплакали прощальное любимые колокола.

У царя Ивана Грозного было семь жен. Было восемь детей. Никого не осталось, ни детей, ни внуков. Некому вступать на престол русский.

Борис Годунов

— Годунова! Годунова! Бориса Годунова! — кричала толпа.

Стоял боярин Борис Федорович Годунов, смотрел на собравшийся народ, вслушивался в крики.

— Го-ду-но-ва! Го-ду-но-ва! На царство — Годунова! — неслись голоса.

Покачал отрицательно головой Годунов, ото-

шел в сторону.

Отказался. Не желает.

Царь Федор Иванович был женат на Ирине Годуновой, сестре боярина Бориса Годунова. Вошел при царе Федоре Борис Годунов в силу. Стал у царя ближайшим советчиком и помощником, соправителем, а затем при живом царе и правителем государства.

И вот, когда умер бездетный царь Федор Иванович и надо было решать, кому же вступать на престол русский, то многие стали называть имя боярина Бориса Годунова.

Не одного его предлагали. Называли князей Шуйских, называли бояр Романовых, князей Мстиславских. Многие о царской короне тогда мечтали. Спорили, кто из них по давности рода самый достойный.

— Мы самые достойные. Нам занимать престол, — говорили Шуйские.

— Нет — мы! — утверждали Романовы.

— Нет — мы! — кричали Мстиславские.

И верно. Все они из родов именитых, старинных, прославленных.

Куда же тягаться с такими Борису Годунову! Худосочен по сравнению с ними род Годуновых. Всего ничего как в боярах ходит. Многие лишь

при царе Иване Грозном услышали, что есть на земле Годуновы. Приблизил в свое время Грозный Бориса Годунова. Из незаметных заметным сделал.

Не знатен родом Борис Годунов. Зато голову имеет ясную, светлую. Как вести дела государственные, разбирается. Немало сторонников у Годунова. Есть они и среди бояр. Есть и среди дворян. Главные церковники отдают ему свое предпочтение. Да и простой народ: из каждых троих два за Годунова.

Просят Годунова вступить на престол.

Не дает согласия Годунов.

— Смилуйся, батюшка!

Не дает согласия Годунов. Но вот наступил день:

— Верой и правдой служить будете? — спросил Борис Годунов.

— Будем! — гудела толпа.

Дал наконец Годунов согласие.

Прокричали люди здравицу новому царю.

Клейкой резиной тянется

Многое задумано Годуновым. Край непочатый забот государственных. Продолжает он дело

Ивана Грозного. Ширится Русь к востоку и к югу. Возникают, как и при Иване Грозном, на самом юге русских земель новые города. В том числе и город, получивший имя Бориса Годунова, — город Царев-Борисов.

Хорошеет, застраивается новыми зданиями столица государства — Москва. Сооружаются новые соборы и церкви, новые дворцы. Построена новая каменная стена, которая опоясала главные жилые части города — Белый город. Тянется она на несколько километров. 27 сторожевых башен насчитывает стена.

Расширилось при Борисе Годунове и печатное дело. Не только в Москве, но и в других городах появляются типографии. Одна из самых больших — в Казани.

Заботился Борис Годунов и об образовании. Покатили молодые русские люди «набираться ума и знаний» в далекие дали: в Англию и во Францию, в немецкие земли и княжества.

Одобрительно встречены на Руси многие начинания царя Бориса.

Переговариваются люди:

— Не сидит без дела Борис Годунов.

— Старается.

Однако нашлись у нового царя и недоброже-

латели.

Было в чем упрекнуть царя Бориса. И родню свою рассовал на всякие важные государственные должности. На какой ни глянешь высокий государственный пост — все Годуновы и Годуновы. И подозрительным стал царь Борис. Даже на приближенных бояр смотрит искоса, выжидающи. Упрекают царя Бориса и в скупости.

Но не эти укоры самые страшные. Кровавые, зловещие слухи поползли по Руси.

Вспоминают в народе Углич. Вспоминают гибель царевича Дмитрия:

— Не напоролся он вовсе на ножик.

— Не была смерть случайной.

— Борисом Годуновым были посланы в Углич люди.

— По приказу Годунова убит царевич.

— Чтоб не мешал взобраться Годунову на царский трон.

Все упорней, упорней слухи. Поначалу — лишь шепотком, лишь из уха в ухо. А чем дальше, тем все слышнее.

Тянется недобрая молва за Годуновым.

Есть хочется

Набежали над Россией голодные времена. Лето 1601 года выпало холодным и сырым. Зарядили дожди. Неделя, неделя, еще неделя. Двенадцать недель не прекращались дожди. Хлеба на полях не созрели. В стране начался голод.

Юшка и Анна — крестьянские дети.

— Есть хочется, — хнычет Анна.

— Терпи, терпи. Жди нового урожая, — наставляет Юшка.

Ждут они нового урожая. Мечтают о хлебе, о сытой жизни.

— Хлеба будет — сколько желаешь! — уверяет Юшка.

— Пирогов напечем, — улыбается Анна.

Ошиблись Анна и Юшка. Не наступили сытые времена.

Новое лето выдалось с сильными холодами. В неурочный час выпал снег. Ударили морозы. Погибли на полях всходы. Еще более жестокий голод обрушился на страну.

— Есть хочется, — хнычет Анна.

— Терпи, терпи. Жди нового урожая, — наставляет Юшка.

Ждут они нового урожая. Мечтают о хлебе, о сытой жизни.

Не дождалась Анна счастливого времени. Скончалась от голода девочка.

Многие тогда умирали. Хоронили людей без счета, в общих могилах. В одну из таких могил и положили Анну.

Скончалась Анна. А Юшка выжил.

Дождался он нового, третьего лета. Но и это лето вновь не принесло людям ожидаемого урожая. Небывалое случилось тогда на Руси — три года подряд на полях недород.

Люди ели мякину, сено, коренья, траву. Ели собак и кошек.

И Юшка ловил собак, бегал за кошками. Но вот наступило время: нет ни собак, ни кошек, нет ни мякины, ни трав, ни сена.

Страшный голод идет по стране. Смерть с косой по городам, по дорогам, по селам бродит.

Не выдержал Юшка. Умер.

Собрались его хоронить. Не нашли тело мальчика. Искали, искали — нет. Ходили слухи: будто бы Юшку соседи съели.

Несчастливым оказалось Борисово царство. Страшным был голод. Страшные времена.

Монах Чудова монастыря

Прошло десять лет со дня смерти царевича Дмитрия.

На территории Московского Кремля почти рядом с царскими хоромами возвышался Чудов монастырь.

Мирно и мерно идет жизнь монашеская. Ранний подъем. Ранний отход ко сну. Молитвы. Молитвы. Поклоны Богу.

Все здесь спокойно, как море в безветренный час. Как застывшее облако в небе.

И вдруг:

— Бежал! Бежал!

— Кто бежал?

— Гришка!

— Какой Гришка?

— Отрепьев!

Григорий Отрепьев был монахом Чудова монастыря. Как и другие, рано вставал. Рано ложился спать. Как и другие — молился Богу.

И вдруг бежал Отрепьев из монастыря.

Стояла ночь. Скользнула по каменным стенам тень. Растворился Гришка в ночном просторе.

Разное о Гришке Отрепьеве тогда в Чудовом мо-

настыре говорили: и скрытен, и спесив, и упрям. И вообще не ясно — верит ли Гришка в Бога.

Вспоминали монахи:

— Об убиенном царевиче Дмитрии все расспрашивал.

— И сколько бы сейчас было тому годов.

— И какие волосы были у Дмитрия — темные, русые.

— Про бородавку под носом спрашивал.

— Ох, не к добру, не к добру, — узнав о побеге Григория Отрепьева, шептались монахи Чудова монастыря.

Так потом и случилось.

Объявился

В те далекие годы два соседних с Русью государства — Литва и Польша — объединились в одно. Получило оно название Речь Посполитая.

Речь Посполитая. Город Самбор. Ползут по Самбору слухи:

— Русский царевич в Самборе объявился.

И сразу о том, зовут, мол, царевича Дмитрием. Он сын русского царя Ивана Грозного. Считалось, что Дмитрий погиб в городе Угличе. Однако великим чудом царевич спасся. И отныне он в

Самборе.

Живет царевич Дмитрий у знатного на всю Речь Посполитую человека. Это сандомирский воевода, сенатор, львовский и самборский староста Юрий Мнишек.

Во всей Польше, во всей Речи Посполитой с трудом найдешь второго такого человека, как Юрий Мнишек.

Говорят о Мнишеке: «Своего не упустит, чужое прихватит, за семью замками совесть сенатор прячет».

Не умолкает Юрий Мнишек, всем рассказывает, что живет у него русский царевич Дмитрий. Даже королю Речи Посполитой Сигизмунду III о царевиче Дмитрии доложил.

Нашептывает Мнишек королю Сигизмунду:

— Будет Речи Посполитой от царевича Дмитрия великая польза.

Усомнился в Дмитрии король Сигизмунд:

— Доподлинно ли он царевич?

— Царевич, царевич! — уверяет Мнишек. — Знающие люди его признали. Бородавка у него на губе под носом.

— Царевич я, царевич! — твердит и сам Григорий Отрепьев. И тоже на бородавку свою показывает. — Чудом я спасся. Царевич я. Царе-

вич Дмитрий!

Великие планы

У Юрия Мнишека великие планы. Решил он сделать Гришку Отрепьева русским царем.

Мечтает об этом Юрий Мнишек. Мечтает об этом и Гришка Отрепьев.

На все согласен Гришка.

— Если станешь московским царем, отдашь Речи Посполитой часть русских земель? — спрашивает Юрий Мнишек. И называет половину Чернигово-Северской земли, половину земли Смоленской.

— Согласен, — отвечает Гришка Отрепьев.

— А отдашь ли мне, Юрию Мнишеку, часть русских земель? — спрашивает в другой раз Юрий Мнишек и называет вторую половину Чернигово-Северской земли, вторую половину Смоленской земли.

— Согласен, — отвечает Гришка Отрепьев.

Не только на словах дает обещание Гришка.

Специальные бумаги о том подписал.

Жители русского государства и Речи Посполитой исповедовали разные веры. На Руси — вера православная, в Речи Посполитой — католиче-

ская. Требует Юрий Мнишек, чтобы Григорий Отрепьев отказался от русской и принял католическую веру.

Согласен Гришка. Клянется, кроме того, католические храмы — костелы в Москве построить. Обещает пешком отправиться в далекий польский город Ченстохов, чтобы поклониться католическим святыням.

И еще одно. Нет предела мечтам у воеводы Юрия Мнишека.

Была у Мнишека дочь Марина. Понравилась, приглянулась Марина Григорию Отрепьеву.

— Хочешь — в жены? — спрашивает Мнишек.

— Хочу, — отвечает Гришка.

Дает согласие Мнишек на этот брак. Но и тут ставит свои условия. Самозванец должен будет уплатить Мнишеку миллион польских злотых из московской казны, а Марина Мнишек — получить на правах удельного княжества Новгородскую и Псковскую земли. Сама же свадьба должна состояться в Москве и лишь тогда, когда Гришка Отрепьев станет московским царем.

— Стану московским царем! — заявляет Гришка Отрепьев.

— Стану московской царицей! — заявляет Марина Мнишек.

Великие планы у Юрия Мнишека. Великие планы у Марины Мнишек. Великие планы у Гришки Отрепьева.

«На Москву!»

Нелегкими, непростыми были в те годы отношения между Русью и Речью Посполитой. Шли, не утихали споры вокруг пограничных земель. Однако ни одна, ни другая сторона не решались прибегнуть к силе.

Пытался Юрий Мнишек склонить короля Речи Посполитой Сигизмунда III к войне с Русским государством. Все о царевиче Дмитрии говорил. Мол, надо идти войной на Русь. Мол, надо сбросить с русского престола царя Бориса. Мол, надо помочь царевичу Дмитрию занять родительский престол. Мол, окупится это с лихвой для Речи Посполитой.

Выслушивал король Сигизмунд III горячие речи Юрия Мнишека. Кивал головой. Однако был осторожен. Не отдал он приказ напасть на Русь.

Тогда Мнишек решил действовать без помощи короля. Стал он собирать для похода на Москву свое собственное войско.

Нашлись в Речи Посполитой и другие богатые

люди. Решили они помочь Мнишеку создать такое войско.

— Для царевича Дмитрия. Для законного русского государя стараюсь, — говорил Мнишек.

Разнеслось по Речи Посполитой и по сопредельным землям:

— Воевода Мнишек воинство собирает.

— Воевода Мнишек золото обещает.

Вскоре в войске Юрия Мнишека собралось две с половиной тысячи человек.

Бряцают наемные воины оружием и доспехами. Бросают призывные кличи:

— На Москву!

— На Москву!

— Виват Мнишеку!

— Виват Дмитрию!

Вторжение

В октябре 1604 года войско Мнишека и Лжедмитрия I (под таким именем Григорий Отрепьев вошел в нашу историю) пересекло русскую границу и двинулось к Москве.

Лжедмитрий и Юрий Мнишек выбрали не прямую дорогу на Москву. Прямая, ближайшая, шла через город Смоленск. Войска же Лжедмит-

рия и Мнишека пошли южным путем — через Украину.

Этому были свои причины.

Южные окраины Русского государства в те годы только осваивались. Тут были тысячи беглых людей из центральных районов России. Многие из них приходили сюда, спасаясь от власти бояр и крупных землевладельцев. Все они мечтали о свободе, о лучшей жизни.

Слухи о том, что в Речи Посполитой объявился царевич Дмитрий, дошли и до этих мест. У людей появилась надежда на нового, доброго царя. Таким царем многим представлялся Дмитрий. Даже те, кто не верил в то, что объявившийся царевич — действительно сын Ивана Грозного, были согласны его поддержать.

Заспорили как-то Смага Желудь и Трифон Оглобля.

— Доподлинный он государь, — уверяет Трифон.

Усмехнулся Смага в ответ.

— Он чудом спасся! — продолжает Трифон.

Усмехнулся Смага в ответ.

Обиделся на приятеля Трифон. Даже сказал:

— Дурак!

— Не обижайся, — говорит Смага. — Царевич

он, не царевич — другое дело. Я же, как и ты, за него пойду. Может, он лучше Бориса будет.

Много было таких, как Трифон, которые в подлинность Дмитрия верили. Много было и таких, как Смага, кто верить не верил, однако пошел за Лжедмитрием.

Мечтами люди живут. Верой, надеждой в лучшее.

Добрыничи

В ста километрах южнее Брянска находится город Севск. В те времена Севск и прилегающие к нему земли назывались Комарицкой волостью.

Продвигается вперед войско Лжедмитрия.

Все больше восставших пополняют его отряды. Поднялась против царских воевод и царя Бориса и Комарицкая волость.

Среди восставших Терентий Хват и Никифор Груша.

В начале января 1605 года войско самозванца вступило в Севск.

Терентий Хват и Никифор Груша примкнули к Лжедмитрию. Обучили их приемам ручного и огнестрельного боя. Готовы Хват и Груша к сражениям с войсками Годунова.

Навстречу самозванцу и восставшим крестьянам были посланы царские полки. Подошли они к селу Добрыничам, что недалеко от города Севска.

Здесь под Добрыничами и произошло сражение.

— Бей их, круши! — кричал Терентий Хват и врубался в ряды московских ратников.

Не отставал и Никифор Груша.

— За землю! За волю! За царевича Дмитрия! — кричал Никифор.

Сам Лжедмитрий принял участие в сражении у Добрыничей. Однако для войск самозванца и восставших жителей Комарицкой волости было оно неудачным.

Разбили войска царя Бориса восставших.

Был ранен конь Лжедмитрия. Чудом Гришка Отрепьев спасся.

Много тогда среди восставших было побитых. Многие схвачены в плен. Оказались в плену и Терентий Хват и Никифор Груша.

После боя пленных разделили на две группы. В первой, она была меньшей, оказались наемники Юрия Мнишека, те, кто пришел с самозванцем из Речи Посполитой. Их хоть и пленили, но даровали жизнь.

Во вторую — большую группу входили восставшие комарицкие крестьяне и горожане. Всех их казнили.

Страшными были казни. Тысячи людей распростились с жизнями. Поволокли на казнь и Терентия Хвата и Никифора Грушу. В муках приняли они свою смерть. Повесили их вверх ногами на старой березе. Подошел отряд лучников. Натянулась струной тетива. Впились смертельным жалом в несчастных стрелы.

Жестокой была расправа. Устрашали людей царские воеводы. Боялись народной смуты.

Бродяга Леонид

После разгрома под Добрыничами положение Григория Отрепьева ухудшилось. Вновь громче заговорили те, кто утверждал, что человек, назвавший себя царевичем Дмитрием, самозванец. Лжедмитрий решил бежать из России. Однако приближенные удержали его, отговорили.

Остановился самозванец в городе Путивле. Отошел после разгрома. Успокоился.

Новые планы зреют у бывшего монаха Чудова монастыря. Случай помог Отрепьеву…

— Лжедмитрий появился! Лжедмитрий появил-

ся! — неслось по улицам Путивля.

Однако речь шла вовсе не о Гришке Отрепьеве. Это появился новый самозванец. Не волнуется, спокоен Гришка. Даже рад, что появился еще один Лжедмитрий.

Идет молва от одного жителя к другому.

От Семейки к Луке:

— Лжедмитрий появился! Лжедмитрий!

От Луки к Ульяну:

— Лжедмитрий появился! Лжедмитрий!

От Ульяна к Кузьме:

— Лжедмитрий появился! Лжедмитрий!

— Ах, он такой разэтакий. Хватай его! — распорядился Гришка.

Схватили нового Лжедмитрия.

Доволен Гришка Отрепьев. Пусть все думают, что Гришка Отрепьев схвачен. Приказал самозванец упрятать его подальше от всех в путивльскую тюрьму.

— Схвачен Лжедмитрий. Схвачен, конец Гришке Отрепьеву, — донеслось до Москвы.

Человеком, которого Гришка Отрепьев отправил в путивльскую тюрьму, был бродяга по имени Леонид.

Настоящее имя этого человека на Руси узнали позже. Но в то время большинство людей счита-

ло, что он и есть Гришка Отрепьев.

Отвел от себя Гришка Отрепьев страшное подозрение. Все упрямей идет молва:

— Настоящий он царевич Дмитрий. Настоящий!

Сообщением из Путивля был поражен и сам царь Борис Годунов. Даже какое-то время и он думал, что, возможно, и на самом деле царевич Дмитрий не погиб, а чудом великим спасся.

— Хитер, хитер! Ловок! — говорили о самозванце близкие к нему люди.

Кромы

Не усмирило людей Комарицкое поражение. Народное восстание охватывало все новые и новые города: Елец, Ливны, Оскол, Валуйки, Курск, Белгород.

Восставшие вязали своих воевод. Заставляли присягать на верность царевичу Дмитрию.

— Присягаю, — давали клятву в Ельце.

— Присягаю, — давали клятву в Ливнах.

— Клянусь, клянусь, клянусь, — присягали воеводы в Осколе, Валуйках, Белгороде, в других городах и селениях.

Кромы. Небольшая степная крепость. Здесь,

возле Кром, собрались теперь войска. Здесь готовилась новая битва.

Кромы были в руках восставших. Атаковали московские воеводы Кромы и раз, и два. Бросали ратников в жаркие схватки. Наносили удары с разных сторон. Однако держались Кромы.

Несколько недель продолжались бои за город. Не смогли взять мятежную крепость войска Годунова.

Весной среди осаждавших вспыхнула эпидемия дизентерии. Воины хватались за животы. Начались кровавые поносы. Многие умирали.

— Животами ратные люди страдают, — докладывали воеводы в Москву.

Приезжали лекари. Привозили разные лекарства. Однако эпидемия продолжалась.

В царских войсках начался ропот. Многие уходили, покидали свои полки. В боях наступило затишье.

Стоят приверженцы Лжедмитрия в Кромах. Стоят сторонники царя Бориса Годунова вокруг Кром.

Притихло все в округе.

Ждут.

Долго ли будет ожидание?

Хороводы водят

К концу своего царствования Борис Годунов стал верить в разные приметы, предсказания, прорицания.

То следует за ним чуть ли не по пятам юродивый Агапка. То появятся возле царя какие-то колдуны-чужестранцы. То свои ведуны и ведуньи вокруг государя чуть ли не хороводы водят.

Пронеслась как-то над Москвой ярким огнем комета. Хвостом в небесах тряхнула. Побледнел Борис Годунов. Застыл у окна.

— К недоброму!

Жила в Москве известная ворожея Олена.

— Позвать, — приказал царь Борис.

Наговорила Олена Борису Годунову всякого, а главное, зашептала:

— Конец твой, государь, недалекий вижу. Конец, государь.

Зло глянул Борис Годунов на Олену:

— Брысь!

Изменился царь Борис. Остыл к делам государственным. То запрется отшельником в кремлевском дворце. Молчит, молчит. То вдруг ни с того ни с сего расплачется.

Силы его таяли.

Наступило 13 апреля 1605 года. Приближался час обеда. Борис Годунов любил плотно покушать. Сытно поел он и в этот день.

По обыкновению в часы обеда при царе Борисе находились врачи.

Закончил царь Борис трапезу. Врачи разъехались по домам.

Однако вскоре Борис Годунов почувствовал себя плохо. Он прошел в спальные покои и лег в постель. Засуетились приближенные.

— Лекарей!

— Лекарей!

Вскоре у Годунова отнялась речь. Лежал он, уставив глаза в потолок. Может, в эти минуты слова Оленины вспоминал, а может, царю мерещился огненный хвост кометы.

Когда лекари явились, царь Борис был уже мертв.

— Помер. Бориска помер! — загнусавил юродивый Агапка.

— Цыц, сатана! — прикрикнул кто-то из приближенных царя и съездил Агапку по уху.

Измена под Кромами

— Бориска помер!

— Бориска помер!

Весть мигом разлетелась по Путивлю в ставке Лжедмитрия.

— Бориска помер!

Весть принес сын боярский Абрам Бахметьев. Был Бахметьев под Кромами. Там и узнал о кончине царя Бориса.

Принес Бахметьев и другое известие.

— В войсках государевых великое смятение, — говорил Бахметьев. — Аки волны колышутся настроения.

После смерти Бориса Годунова на русский престол был провозглашен его сын Федор.

Было Федору шестнадцать лет.

По всей Руси начали присягать новому царю. Приехали из Москвы чины принимать присягу и у тех, кто был под Кромами.

Однако единого мнения в царском войске не было. Далеко не все ратники хотели служить царю Федору Борисовичу. Еще больше людей потянулось теперь к Лжедмитрию.

Среди войск началось брожение.

— Да хранит Бог нашего Федора Борисовича! — кричали одни.

— Да хранит Бог Дмитрия! — кричали другие.

Заметался Епишка Дно. К кому податься? К кому примкнуть? И тут кричат. И там кричат. Голова кругом.

У Степана Большого спросил. За кого Степан? За Федора? За Дмитрия?

У Калины Гнезда спросил. За кого Калина? За Дмитрия? За Федора?

И Епишка, и Степан были за Дмитрия. Решил за Дмитрия быть и Калина.

Большинство царских ратников прокричало за Дмитрия. Нарушило войско под Кромами клятву свою Годуновым. Побратались, объединились те, кто был в Кромах, и те, кто штурмовал непокорные Кромы.

Донесли в Москву царю Федору Борисовичу:

— Государь, измена под Кромами. Побратались с ворами ратники.

Те из бояр, воевод и рядовых людей, кто остался верен Федору Годунову, бежали из Кром в Москву.

Бежит средь полей дорога

Май. Весна. Молодая зелень в полях проклюнулась. Бежит средь полей дорога.

Верхом на коне едет «царевич Дмитрий».

Окружают его приближенные. Среди них изменившие Годуновым князья и бояре Масальские, Татев, Лыков, другие. Предводители пришедших из Речи Посполитой польских конных отрядов. Атаманы примкнувших к самозванцу донских казачьих сотен.

Идет Лжедмитрий со своим войском на Москву. Открывают русские города перед ним ворота.

— Ура! Государю настоящему — ура! — кричат орловские жители.

Машет Лжедмитрий рукой горожанам. Важно сидит в седле.

— Ура! Государю настоящему — ура! — кричат жители города Мценска.

Машет Лжедмитрий рукой горожанам. Конь, как пава, ступает.

— Ура! Государю настоящему — ура! — кричат жители города Плавска.

Машет Лжедмитрий рукой горожанам. А сердце — уже в Москве. Вот он, чудесный миг! Вот он,

желанный час!

Движутся войска самозванца к Москве.

Май. Весна. Молодая зелень в полях клюнулась. Бежит средь полей дорога…

Глава вторая
Конец Отрепьева
Москва. Красная площадь

Москва. Красная площадь. Лобное место.

На Лобное место поднялись двое. Вокруг теснится народ.

— Кто такие?

— Кто такие?

— Дворянин Плещеев.

— Дворянин Гаврила Пушкин.

Явились Пушкин и Плещеев в Москву как посланцы «царевича Дмитрия».

Оглашают обращение «царевича» московским жителям.

Призывают москвичей стать на его сторону.

Зачитывает Плещеев про бояр. Мол, обещает царевич Дмитрий сохранить за ними прежние вотчины и привилегии.

— И учинит им честь и повышение, — добавляет Пушкин.

Читает Плещеев про дворян и приказных людей. Мол, обещает им царевич Дмитрий почет и достойное жалование.

— И милость свою, — добавляет Пушкин.

Читает Плещеев про торговых людей.

Мол, обещает им царевич Дмитрий торговые льготы и доступ во все части русского государства.

— И облегчение с податями, — добавляет Пушкин.

Читает Плещеев про простых людей. Мол, обещает им царевич Дмитрий тишину и покой.

— И благоденственное житье, — добавляет Пушкин.

Лжедмитрий идет к Москве. Где-то у Тулы он или где-то у Серпухова. А тут, в Москве, в самом центре города уже выступают его посланцы.

Не схватили их, как схватили бы в прежние времена. Не бросили в руки пыточным мастерам. Не отрубили головы.

Призывают посланцы свергнуть царя Федора Годунова.

Благосклонно слушают московские жители обращение самозванца.

— Вот оно — новое время идет.

— Новое время и доброе царство.

Трагическое

Не осталось без ответа послание Лжедмитрия. Заволновалась Москва. Задвигалась.

— Долой Годуновых!

— Долой Годуновых!

— Смерть Федору!

Всколыхнулась Москва. Вздыбилась.

Началось в Москве восстание против Годуновых.

Недовольные бросились в Кремль, к царским покоям. Стража не сопротивлялась. Ворвались восставшие в царский дворец. Но ни царя Федора Борисовича, ни его матери, царицы Марии Скуратовой, здесь не нашли.

— На старое подворье пошли, — неслись голоса. — В старый дом Годуновых.

Бросилась разъяренная толпа к старому годуновскому дому. Бросились люди к домам и вотчинам родственников Годуновых. Страшной волной пронеслись погромы.

Судьба царя Федора Борисовича и царицы Марии Скуратовой была трагической. Еще до московского восстания самозванец требовал казни царя Федора и семьи бояр Годуновых. И

вот теперь прибыли в старый дом Годуновых вместе с отрядом стрельцов доверенные люди Лжедмитрия.

— Где Федор Годунов?

— Где Мария Скуратова?

— Здесь Федор Годунов.

— Здесь Мария Скуратова.

Схватили стрельцы царицу Марию. Набросились на Федора Годунова. Отчаянно сопротивлялся царь Федор. Однако силы — неравные. Накинули стрельцы на царя веревки. Задушили Федора Годунова. Задушили царицу Марию.

Тут же перед домом Годуновых был собран народ.

— Царь Федор и царица Мария со страху приняли яду, — объявили приверженцы Лжедмитрия людям.

Два гроба с убитыми были выставлены на общее обозрение. Лежит в гробу царь Федор, лежит царица Мария. Следы от веревок видны на шеях.

Затем тела убитых были отвезены на Сретенку в Варсонофьевский монастырь. Тут и похоронили их за монастырской оградой.

Всего лишь 47 дней пробыл царь Федор Годунов на русском престоле.

Горькая сладость

Был у Терехи Ивлева дружок Тимофей Полтина. За что-то сидел в тюрьме.

Когда вспыхнуло московское возмущение, Тереха Ивлев, как и многие другие, тоже кричал:

— Долой Годуновых!

Чуть голос себе не сорвал.

А когда накричался вдоволь, вдруг вспомнил дружка своего Тимофея Полтину.

— Он по воле Годуновых сидит в тюрьме, — стал уверять Тереха.

Так ли это, не так — неизвестно. Однако в московских тюрьмах, конечно, сидело много недругов Годунова.

Навел Тереха людей на лихие мысли. Кто-то крикнул:

— Спасай безвинных!

Повалили люди к московским тюрьмам. Сбили замки с дверей. Выходи на волю, народ невольный!

Доволен Тереха Ивлев. Освобожден Тимофей Полтина.

Обнялись друзья. Расцеловались.

— Тереха!

— Полтина!

— Жив!

— Не помер!

Вот бы по чарке сейчас хмельного.

Хмельное и подвело.

Разгулялись людские страсти. Кто-то вспомнил про московские винные погреба и подвалы. Бросились люди, как мухи на мед, к бутылям и винным бочкам.

Полилось потоком хмельное.

Тереха и Тимофей тоже в какой-то подвал проникли. Выбили верх у бочки. Вот она — горькая сладость. Однако не во что наливать. Нет кружки. Как быть?!

— Шапкой черпай, шапкой! — кричит Тимофей Полтина.

Зачерпнул Тереха шапкой вино. Потекло оно и в рот, и по усам, и за ворот. Зажмурил Ивлев глаза от блаженства. Сладко!

Ушлый народ на выдумку. Кто-то черпал вино башмаком, кто-то хлебал с ладони. Кто-то, как лошадь, мордой в бочку сунулся.

— Красота! — вопил Тереха Ивлев.

— Красота! — отзывался Тимофей Полтина.

Гуляла, ходила по московским винным погребам и подвалам людская глупость. Хмельными

рожами улыбалась.

Страшный счет был представлен людям. Более пятидесяти человек скончалось тогда в Москве от дикого винного перепоя. Среди них Тереха Ивлев и Тимофей Полтина.

Люди от злобы слепнут

Не знает предела людская злоба. Люди от злобы слепнут.

Архангельский собор. Один из соборов Московского Кремля. Здесь был похоронен Борис Годунов. Двух месяцев еще не прошло. Свежа могила.

Разошлись людские страсти. Ненависть и зависть по свету бродит.

Поползли среди знатных людей разговоры:

— Не по чину он похоронен в Кремле, не по чину.

— Худороден Борис.

— Есть на Руси знатнее.

Приревновали знатные к Годунову. Все громче, настойчивей речи.

— Не по заслугам лежит.

— Не по праву.

А вот и вовсе истошный вопль:

— Выкидывай его из могилы!

Нашлись среди бояр и такие, кто в этом увидел для себя и прямую выгоду:

— Одобрит такое царевич Дмитрий.

— Милость за это будет.

Раскопали могилу Бориса Годунова. Вынесли тело его из Архангельского собора.

— Туда его, к ним, — сказал кто-то из бояр.

Имелись в виду царица Мария и царь Федор Борисович.

Перетащили тело Бориса Годунова в Варсонофьевский монастырь. Бросили в одну яму с Федором и Марией.

Смутное время. Страшное время. Не знает предела людская злоба. Люди от злобы слепнут.

Хоть жмурься

Еще будучи в Туле, Отрепьев провозгласил о своем восшествии на русский престол.

В Серпухове «царя Дмитрия» ждали царские экипажи. С Конюшенного двора было прислано двести лошадей.

Сюда же, в Серпухов, прибыли изменившие царю Борису Годунову князь Федор Мстиславский, князь Дмитрий Шуйский, разный важный

чиновный люд из Москвы.

Приехали и служители Сытного и Кормового дворов. Заполонили Серпухов повара, прислуга с разными припасами: со съестным и винами.

Бояре и московские чины дали пир. Бурно прошло веселье. Более пятисот человек собралось. Взлетали хмельные чаши:

— За царя Дмитрия!

— За Русь!

— За порядки новые!

Затем самозванцу принесли пышные царские одежды.

Накинул Гришка Отрепьев царский кафтан. Глянул на себя в зеркало. Не кафтан, а чудо.

Надел на себя царские штаны. Глянул в зеркало. Не штаны, а сказка.

Натянул сафьяновые сапоги. Блестят сапоги, хоть жмурься.

Красив, хорош Гришка Отрепьев. Ладно сидят на самозванце штаны. Ладно сидит кафтан. Точно по мерке обхватили ноги сафьяновые сапоги.

— Царь, — обращаются все теперь к нему. — Государь. Батюшка.

Доволен Отрепьев Гришка. Сбывается то, о чем в монастырской тиши мечталось.

— Царь, государь, — журчат, как ручей, слова.

Ласкают и ум, и душу.

— Царь, государь, — словно с небес слетают.

Как квашня

Новая смута бежит по Москве. Новая весть стучится в двери.

— Не помер он вовсе. Нет!

— Как не помер?!

— Вот так и не помер!

— Так ведь дважды его хоронили.

— Не его, а другого. Настоящий жив, невредим. Настоящий спасся.

Шла молва о царе Борисе Годунове. О чудесном его спасении.

Еропка Седой клятвенно уверял, что видел царя Бориса Годунова в Кремле, рядом с Успенским собором, прямо на площади.

— Он шел, шел. На меня посмотрел. Я еще шапку со страха выронил, — уверял Еропка.

Петр Дуга клялся, что видел царя Бориса Годунова в самом Успенском соборе. Мол, Богу царь отбивал поклоны. Петр даже показывал людям, как Борис Годунов молился.

Нищенка, бездомная старуха Поликсения Немая твердила, что повстречала царя Бориса, когда

сидела у ограды у овражка на кладбище.

— Он денежку мне подарил, денежку, — частила старуха. И доставала, показывала людям медную монету.

Где сейчас Годунов? И об этом ходили домыслы.

— Он в Англию бежал, в Англию, — говорили одни.

— Не в Англию, а в Швецию, — уточняли другие.

Находились и третьи:

— Не в Англию и не в Швецию, к татарам бежал Годунов. К татарам.

Разные слухи летят по Москве. Как квашня из бадейки лезут.

Тьфу!

Не боялся Лжедмитрий слухов о том, что жив Борис Годунов.

Другого боялся.

Разоблачения.

Был когда-то Григорий Отрепьев холопом у бояр Романовых. Вдруг как бояре его признают!

Был когда-то Гришка Отрепьев в работниках у князя Бориса Черкасского. Вдруг как Черкасский

его признает!

А монахи из Чудова монастыря — его товарищи по богоугодному заточению: Нил, Ларион, Варлаам, Еронтий, Фадей, Серафим, Еуфимий, Паисий? Вон их — целая братия. Ухо держи востро. Опасайся бывших друзей-приятелей.

Неспокоен Гришка Отрепьев. Нервы натянуты, словно струны. Страшные сны по ночам приходят.

То приснится Отрепьеву боярин Федор Романов. Идет боярин, стучит клюкой.

— Ты Гришка Отрепьев. Вор и разбойник!

И тычет клюкой в Отрепьева.

То приснятся бояре Александр и Михаил Романовы. Идут бояре, трясут своими бородами.

— Не Дмитрий ты вовсе. Нет! Ты Гришка Отрепьев. Вор и разбойник!

То приснится князь Борис Черкасский. Глаза, как кинжалы, уставил в Гришку.

— Гришка ты. Гришка. Гришка Отрепьев!

А вот явилась и монастырская братия: Нил, Ларион, Варлаам, Еронтий, Фадей, Серафим, Еуфимий, Паисий. Тычат пальцами. Зло хохочут.

Снятся Лжедмитрию страшные сны. Несется со всех сторон:

— Ты Гришка Отрепьев!

— Ты Гришка Отрепьев!

Проснется Гришка. Ругнется. Сплюнет:

— Тьфу!

Едет!

20 июня 1605 года самозванец въехал в Москву. Въезжал осторожно, на всякий случай косил глазами по сторонам. Впереди и следом за Лжедмитрием двигались польские роты и казаки. Шли в боевом порядке.

Московские улицы заполнил народ. Чтобы лучше увидеть нового царя, многие забрались на заборы, на крыши ближних домов. Наиболее проворные поднимались даже на колокольни.

Московские мальчишки Савка и Путимка тоже царя встречали.

— Государь едет, государь! — кричали ребята.

Неслись они рядом с царским возком, то забегая вперед, то чуть отставая.

— Государь едет! Государь!

Приветствует народ нового царя:

— Здравия тебе, государь!

— Многие лета!

— Многие лета!

Улыбается Савка. Улыбается Путимка. Словно

бы здравицу им кричат.

На Красной площади у Лобного места царский поезд встретило высшее московское духовенство. Здесь был отслужен молебен. Нового царя благословили иконой.

С Красной площади Лжедмитрий проехал в Кремль. Вошел в Архангельский собор. Тут покоился прах Ивана Грозного. Приблизившись к гробу царя Ивана, Отрепьев низко поклонился.

— Отец мой, родной батюшка, — не краснея, произнес Гришка.

— Дмитрий! Дмитрий! — закричала толпа.

Савка и Путимка тоже проникли в Архангельский собор. Все своими глазами видели.

Когда Лжедмитрий выходил из собора, Путимка подвернулся ему под ноги. Отшвырнула мальчишку стража. Ударился Путимка о каменный пол собора. Шишек себе набил.

Шишек набил. Зато царя-государя видел.

Казнить? Не казнить?

Не все московские бояре склонили свои головы перед Лжедмитрием. Среди несклонивших — Василий Шуйский.

Князья Шуйские — славный и давний род. Дол-

гие годы они состояли в родстве с московскими царями. Во времена Лжедмитрия жили три брата Шуйских. Василий самый из них известный.

О самозванце он говорил:

— Вор сел на царство. Вор!

Соглашаются с ним братья:

— Лжец он. Расстрига!

Услышаны были крамольные речи Шуйских. Донесли самозванцу.

— Шуйские смуту сеют.

— Шуйские против тебя, государь, идут.

Схватили Шуйских. Судили. Василию — смертная казнь. Братьям — до конца их дней тюремное заключение.

Приготовился Шуйский к смерти.

Лжедмитрий торопился с казнью. Она была назначена на следующий день.

Однако Василий Шуйский и в стране, и в Боярской думе был уважаемый человек. Ропот шел по Москве. Лжедмитрий насторожился. Задумался. А тут еще и в Боярской думе прозвучали голоса за Шуйского.

— Казнить? Не казнить? Казнить? Не казнить? — мучился самозванец.

Наступил час казни. Вывели Василия Шуйского на Красную площадь. Подняли на помост. Застыл

палач с топором в руках. Минута — взлетит топор. Замрет в вышине. Опустится. Покатится с плахи боярская голова.

Последняя минута жизни. Зажмурил Шуйский глаза. Забормотал молитву.

И вдруг… Из ворот Кремля выскочил верховой. Он мчал к месту казни. В руках у конного была какая-то грамота.

— Государь милует! Государь милует! — кричал верховой.

Не состоялась казнь.

Сохранилась жизнь князя Василия Шуйского. Пройдет немного времени, и он сам станет русским царем.

«Мать» и «сын»

Мать царевича Дмитрия — Мария Нагая — была седьмой женой царя Ивана Грозного. После гибели Дмитрия ее отправили в далекий монастырь. Она получила новое имя — Марфа.

Многие годы прошли с той поры. Многое стерлось в памяти. Постарела бывшая царица Мария Нагая.

Далеко на севере монастырь. На Белоозере.

И вот однажды примчался в монастырь гонец.

Это был посланец от Лжедмитрия.

Давно самозванец вынашивал смелую мысль: вот было бы хорошо, если бы царица Мария Нагая признала в нем своего сына.

— Признает? Не признает? Признает? Не признает? — вновь, как и при решении судьбы Василия Шуйского, мучился самозванец.

Примчался посыльный от Лжедмитрия на Белоозеро. Повидался с монахиней Марфой. Все о царевиче Дмитрии ей рассказывал: и как он от смерти спасся, и как нашлись добрые люди, которые его воспитали. И как объявился царевич в Речи Посполитой. Обещал посыльный Марии Нагой золотые горы и кисельные берега.

Выслушала бывшая царица посланца. Долго о чем-то думала. Поверила, не поверила в чудесную историю своего воскресшего сына — трудно сказать. Однако к концу разговора кивнула утвердительно.

Быстро мчал от Белоозера к Москве резной возок. Резво бежали кони.

Встреча «сына» и «матери» была назначена в подмосковном селе Тайнинском. Толпы народа собрались у места встречи.

Встретились «мать» и «сын». Крепко обнялись. Расцеловались. Мария Нагая обливалась слезами.

Плакал и самозванец.

— Признала! Признала! — неслись из толпы голоса.

После недолгого разговора с «сыном» Марию Нагую пересадили в богатую карету. Лошади тронулись. Путь — в Москву.

Рядом с каретой, пешком, с непокрытой головой шел Лжедмитрий.

— Государь! Государь! Долгие годы тебе, государь! — кричали люди.

Через три дня в Москве, в Успенском соборе Лжедмитрия венчали на царство.

Бояре поднесли ему атрибуты царской власти — скипетр и державу. На голову надели по старому обычаю шапку Мономаха.

На двух дудках

Вместе с Лжедмитрием в Москву пришли отряды наемников из Речи Посполитой. Не всегда хорошо и скромно они себя вели. Часто не соблюдали установленные в нашей стране порядки. Вызвали недовольство московских жителей.

Провинился как-то в чем-то польский шляхтич наемник Липский. Какой-то закон нарушил.

Был суд над Липским. Состоялось решение су-

да: подвергнуть шляхтича Липского «торговой» казни. Это означало, что нарушителя принародно должны были выпороть батогами.

— Меня — шляхтича! — вскипел Липский. — И батогами!

Схватился за саблю. Среди наемников нашлись у Липского сторонники. Напали они на стражу, которая вела виновного к месту казни.

Однако и к страже пришла помощь. Возникла драка.

— Бей!

— Круши!

— Не жалей!

— Коли!

Наемники применили оружие. Среди московских жителей оказались убитые.

Узнал народ, повалил на улицы. В адрес наемников понеслись угрозы:

— Гони их!

— Руби!

— Вяжи!

Лжедмитрий оказался в трудном положении.

— Как поступить?

Многим обязан он наемникам. Не без их помощи дошел до Москвы.

Но отныне он московский царь. Обижены го-

родские жители. Он должен их защитить.

Взял Лжедмитрий москвичей под защиту. На городских площадях стали зачитывать царский указ о выдаче зачинщиков и наказании шляхтичей, принимавших участие в избиении людей на московских улицах.

Понравилась московским жителям решительность самозванца.

— Наш государь. Наш.

— Оберегает жителей.

Смирились наемники. Выдали троих зачинщиков.

— В тюрьму! — скомандовал Лжедмитрий.

Заперли виновных в высокой тюремной башне.

Довольны московские жители. Успокоились. Сидят обидчики за семью запорами.

Однако Лжедмитрий вовсе не думал с наемниками ссориться.

Всего лишь один день просидели в тюрьме виновные. Тайно от народа самозванец их выпустил.

Хитер Лжедмитрий. Умен самозванец. Умел он угодить: и нашим, и вашим.

И вашим, и нашим.

Сразу на двух стульях сидеть умел. Сразу на

двух дудках играть старался.

И все же самозванец боялся недовольства московских жителей. Судьбу решил не испытывать. Рассчитал он вскоре наемных солдат. Уехали те из России.

Приглашает

— Царь-государь приглашает!

— Царь-государь приглашает!

Понеслись по улицам Москвы посыльные.

Объявляли волю царя Дмитрия. Будет отныне царь принимать от всех обиженных и недовольных грамоты. Уточняли:

— Два раза в неделю.

— По средам и субботам.

— В Кремле, у царского дворца на Красном крыльце.

Долетела до Артемки Коржова московская новость. Решил он обратиться к царю.

Был Артемка обижен соседом Овсютой Кочиным. Ставил Овсюта новый себе забор. Да так хитро поступил, что прирезал к своему участку долю земли Артемки Коржова.

Возмутился, запротестовал Коржов. Однако Овсюта был горласт. Стал доказывать свое право.

— Так испокон веков было! — кричал Овсюта.

— И при дедах наших, и при прадедах — вот как раз тут и проходил забор! — твердила жена Овсюты.

Выслушал царь Дмитрий Артемку Коржова, сказал:

— Проверить!

Проверили. Конечно, по-воровски поступил Овсюта.

Распорядился царь забор переставить, а Овсюту и Овсютину жену за вранье наказать.

Избили принародно Овсюту палками.

Избили принародно Овсютину жену розгами.

Узнал о царевой справедливости житель Пина. И у Пины сыскался обидчик. Некто Савелий Локоть.

Взял как-то Савелий у Пины полтину в долг. Время пришло. Не возвращает.

— Не брал, — уверяет Савелий.

Обратился Пина за помощью к царю Дмитрию.

К счастью, у Пины нашлись свидетели. Подтвердили они — брал Савелий Локоть у Пины деньги.

Приказал царь Дмитрий, чтобы Савелий полтину Пине вернул. А за обман назначил и ему наказание.

Отстегали кнутами Савелия.

А тут к царю сразу явились трое. Все трое жаловались на приказных. Замучен простой народ. За любое дело чиновный люд требует взятки.

— Кто брал взятки? — строго спросил царь Дмитрий.

Назвали царю имена:

— Кукша Ивлев.

— Фарей Оглобля.

— Степан Кизяк.

Отпирались вначале виновные. Однако затем признались:

— Прости, государь.

Не простил Лжедмитрий. Поволокли приказных на площадь.

Били Кукшу.

Били Фарея.

Били Степана.

Смотрят люди:

— За дело!

— По справедливости.

— Долгие годы тебе, государь!

Лабиринт

Был самозванец низкоросл, неказист. Шея короткая. Правда, широк в плечах.

Малый рост огорчал Отрепьева. Хотел Лжедмитрий казаться выше, чем есть он на самом деле.

Вызвал он мастеров по сапожному делу. Смастерили умельцы ему сапоги. Каблуки чуть ли не полуметровые.

Хочется Отрепьеву прибавить себе роста. Вызвал шапочных дел мастеров. Сшили мастера Лжедмитрию высоты высоченной шапки.

Высок он теперь и статен.

Став царем, пристрастился самозванец к щегольству и нарядам. Во время пиров и званых приемов по нескольку раз менял одежды.

То нарядный суконный кафтан на Гришке. То атласный кафтан. То наряд с меховой оторочкой.

Вот опять во время пира куда-то исчез Отрепьев. Вот появился снова. Бархатный жупан на плечах самозванца.

Вот опять исчез. Появился снова. На плечах нарядная епанча.

То он в голубом наряде, то в оранжевом, то в зе-

леном, то в красном. Глянешь — рябит в глазах.

В Кремле построил самозванец себе дворец. Махина выше кремлевской стены поднялась. Встань у окна. Далеко видно. Лежит перед взглядом твоим вдоль-поперек Москва.

Когда возводили дворец, Лжедмитрий командовал:

— Бревна возить дубовые.

Возят дубовые бревна.

— Стены обить бархатом и парчой.

Обили парчой и бархатом стены.

— Печи выложить резными плитами.

Украшают печки резными плитами.

Огромен дворец: комната, комната, снова комната. В хоромах много тайных дверей, переходов, ходов. Попадешь во дворец — заблудишься. Год прошагаешь — не сыщешь выхода.

Посмотрев на новый царский дворец, боярин Василий Шуйский сказал:

— Лабиринт!

Гадали другие: то ли имел боярин в виду сам дворец, то ли запутанную душу Лжедмитрия.

Не добил

Нелегко складывались отношения у Лжедмитрия с русскими боярами. Окружили постепенно бояре нового царя надежным кольцом. Ни шагнуть теперь без них царю, ни зевнуть, ни плюнуть.

Царь на улицу — бояре за ним.

Царь к обеду — бояре за ним.

Отправится царь на отдых в постельные хоромы — боярские бороды следом тянутся.

Проснется царь утром, и все сначала. Тут уже рядом неутомимые соглядатаи.

Мало кто из бояр верил, что перед ними законный царь. Хотя бы все тот же, чуть не казненный, Василий Шуйский. Твердит и твердит:

— Самозванец он. Гришка Отрепьев.

Не один он такого мнения. Чуть ли не каждый второй боярин сам мечтал усесться на русский престол. Но Лжедмитрий перебежал им дорогу.

Смотрели бояре косо на самозванца. Однако пока терпели. Терпели, но и вожжи полностью не отпускали.

Неосторожно поступил как-то окольничий Татищев. Что-то поперек воли царя сказал. Раз-

гневался Лжедмитрий. Приказал отправить Татищева в ссылку, в Вятку.

— В колодках держать, в тюрьме.

Посадили в возок опального. Покатил на восток, в глухомань возок.

Однако бояре заступились за окольничего.

— Не суди, государь, строго, — сказали бояре.

— Воля моя, — уперся Лжедмитрий.

— Боярское слово — важное слово, — в ответ бояре.

Отстояли все же бояре Татищева. Вернули с дороги его в Москву.

Часто вспоминал Лжедмитрий царя Ивана Грозного. Крут, жесток был с боярами царь. Рубил, не жалел — под корень.

Сокрушался Лжедмитрий:

— Не добил царь Иван боярство.

Чмок!

В Москве ожидали Марину Мнишек. Не забылось самборское обещание: станет Лжедмитрий московским царем, станет Марина женой Лжедмитрия.

Сбылись мечтания Гришки Отрепьева. Стал он царем московским. Невеста из Польши в Россию

едет.

В мае 1606 года Марина Мнишек прибыла в Москву.

Поражались московские жители.

— Гляди! Гляди!

Ожидали люди увидеть свадебную процессию, а тут — военные, целое войско вступает в город.

— Гляди! Гляди!

Первой идет польская пехота. Солдатские ружья блестят на весеннем солнце.

— Гляди! Гляди!

За пехотой двигались всадники. С копьями, с мечами. Одеты в латы, в железные панцири.

За каретой, в которой находилась Марина Мнишек, ехали сопровождающие ее шляхтичи.

Замыкали шествие снова военные. За военными шел обоз.

Разъехались польские гости на постой по богатым московским домам и усадьбам.

Через шесть дней состоялась свадьба. Патриарх благословил молодых.

Принял Гришка Отрепьев из рук патриарха кусочек хлеба.

Пожевал. Проглотил.

Принял Марина Мнишек кусочек хлеба.

Пожевала. Проглотила.

Выпил Гришка глоток вина.

Отпила глоток Марина.

По принятым правилам молодые должны были приложиться, то есть поцеловать церковные иконы. Иконы висели невысоко. Но Отрепьев — низкоросл. Еще ниже Марина.

Подбежали слуги. Поставили под ноги новобрачным скамеечки.

Поднялся Гришка Отрепьев. Поднялась Марина Мнишек. К образам приложились:

— Чмок!

Куда идешь? Что несешь?

Запомнилась московским жителям царская свадьба.

— Помогите!

Женщина бежала. За ней — солдаты.

— Помогите!

Догнали солдаты. Схватили женщину. Куда-то поволокли.

Солдатами были пришедшие из Речи Посполитой вместе с Мариной Мнишек наемники. Перепились они в день царской свадьбы. Отмечали и свадьбу, и свой долгожданный приход в Москву.

Перепились. Повалили на улицы. Нет прохода другим по улицам.

Проходил старик. Пристали к нему наемники:

— Куда идешь?

— Что несешь?

— Почему борода не чесана?

Растерялся старик. Не знает, что и ответить.

Избили его солдаты.

Проходил дворянин. Придрались к нему наемники:

— Куда идешь?

— Что несешь?

— Дай вина!

Не оказалось у дворянина с собой вина. Избили его солдаты.

Выскочил из какой-то подворотни Шарик: Гав! Тяв!

Рубанул по Шарику саблей какой-то шляхтич. Две половинки — от шустрого Шарика.

Группа наемников на Неглинной улице подняла пальбу из ружей.

В самом центре Москвы какой-то шляхтич ворвался в купеческий дом.

На Тверской польские солдаты вновь приставали к женщинам. Заступился московский житель. Прибили до смерти его наемники.

Нарастает в Москве недовольный ропот:
— Насильники!
— Гости непрошеные!
— Зачем пришли!

Все спокойно

Обстановка в Москве накалялась. Среди населения росло недовольство наемниками. Поползли слухи, что царь Дмитрий предался иностранцам.

Еще до этого среди бояр возник заговор против Лжедмитрия. Теперь они решили действовать энергичнее. Главой заговора был боярин Василий Шуйский.

Хитро поступал Шуйский. До времени не раскрывался. На словах — будто стоит за царя Дмитрия. На деле — готовил ему погибель.

Наступило 17 мая.

За день до этого один из наемников, встретив Лжедмитрия на Конюшенном дворе, предупредил его об опасности, о боярском заговоре.

— Поберегись, царь!

Затем уже во дворце двое наемников тоже сказали ему о боярской измене.

Насторожился Лжедмитрий. Однако не принял слова за правду.

Между тем ночью тайно в город через крепостные ворота проникли сторонники Василия Шуйского. Они прошли в Кремль, приблизились к царскому дворцу.

Был выбран час, когда в царском дворце наступало время смены ночного караула, и многих караульных распустили по домам.

Лжедмитрий просыпался очень рано. Так было и в это утро. Проснулся. Прошел по комнате. Приближенные доложили, что все спокойно.

Самозванец спустился вниз. Вышел на Красное крыльцо. Глянул по сторонам.

Действительно — все спокойно.

Измена

Все произошло стремительно. В царские хоромы проник один из заговорщиков, дьяк Тимофей Осипов.

Он должен был убить Лжедмитрия. Прошел Осипов благополучно через пять караулов. Добрался до царских покоев. Оказался у самой цели. Секунда — и будет сражен «царь Дмитрий». Однако Осипова опередили. Один из самых надежных приверженцев Григория Отрепьева Басманов убил самого Осипова.

А дворец уже начали штурмовать заговорщики. На кремлевских площадях стал собираться народ. Никто не мог понять, в чем дело.

Одни кричали:

— Поляки царя убивают!

И готовы были встать на защиту «царя Дмитрия».

Другие кричали:

— Не царь он, а Гришка Отрепьев!

И примыкали к участникам заговора.

Сторонники Шуйского ворвались во дворец. Послышался топот бегущих ног. Полетели с петель дубовые двери.

Лжедмитрий перешел во внутренние покои. Ясно ему: измена!

Охрана дворца невелика. После ночи караулы уменьшены. Не смогли они оказать сопротивление ворвавшимся.

«Надо бежать», — понимает Лжедмитрий.

Побежал он. Укрылся вначале в дворцовой баньке. Потом вспомнил о тайных дворцовых переходах. Бросился к ним.

Бежит. Сердце стучит. Все ближе слышится топот ног и гул человеческих голосов.

Добежал самозванец до каких-то каменных палат. Глянул в окно: высоко.

— Что делать?

Но и сюда приближался гул.

Решил Лжедмитрий выпрыгнуть на улицу. Там, на улице, видел надежду на спасение.

Снова глянул в окно: высоко. И все же набрался духа.

Ловким был от природы Отрепьев. Однако тут изменило счастье. Рухнул, как куль, на землю. Вывихнул ногу.

— Ой!

И потерял сознание.

Конец Отрепьева

Улыбнулась на миг удача. Подобрали Лжедмитрия надежные руки. Как раз с той стороны дворца, куда выпрыгнул из окна Отрепьев, оказались верные ему казаки.

Укрыли казаки его в одном из зданий Кремля. Однако разыскали Отрепьева заговорщики. Перебили они казаков, ворвались в здание.

Лжедмитрий лежал на полу. Окружили бояре «царя» кольцом. Били его ногами. Награждали его тумаками.

— Самозванец!

— Лжедмитрий!

— Гришка Отрепьев!

Торопились бояре. Знали, что у Лжедмитрия много сторонников среди простых людей. Опасались, чтобы не отбили москвичи Отрепьева. Убили самозванца бояре. Стреляли в него из ружей. Рубили саблями. Затем потащили к хоромам бывшей царицы Марии Нагой.

Важно, что скажет Нагая.

Притихли все. Ждут.

Призналась бывшая царица, что из Речи Посполитой прибыл летом 1605 года вовсе не царевич Дмитрий, а кто-то другой.

— Ошиблась!

— Ошиблась!

И вновь все слышней и дружней голоса:

— Самозванец!

— Лжедмитрий!

— Гришка Отрепьев!

Тело самозванца поволокли из Кремля. Бросили в грязь. Потом положили на деревянный настил и устроили торговую казнь — тело убитого стегали кнутами. Но и этого мало. Труп привязали к лошади и поволокли по улицам города, а затем из города — в поле. Закопали Лжедмитрия в землю. Однако потом передумали. Труп выкопали. Снова таскали по городу и затем сожгли. Закон-

чилась история Григория Отрепьева. Пролетал тем местом столетний ворон. — Все не вечно на свете, — каркнул.

Глава третья
Лютость по русской земле ходила
Царь Василий

Снова Россия без высшей власти.

Медленно тянется ночь. Московский Кремль. Заседает Боярская дума.

Царя нет. Лжедмитрий убит. Нужен новый царь для России.

— Может, из-за границы кого позвать?

— Зачем нам заморские! Выкрикивают бояре знакомые имена:

— Шуйские!

— Голицыны!

— Мстиславские!

— Романовы!

Древние все роды, именитые. Найдется тот, кому сесть на русский престол.

Продолжаются споры в Боярской думе. Повторяются все те же фамилии, словно часовая стрелка бежит по кругу.

— Романовы!

— Мстиславские!

— Голицыны!

— Шуйские!

Кто-то предложил:

— Может, государство разбить на части? Каждому будет царство.

Удержались. Не разделили тогда Россию.

Рассвет стучится в оконные рамы. Заседает Боярская дума.

— Шуйские! Шуйские!

— Нет, Романовы!

— Мстиславские! Мстиславские!

— Нет, Голицыны!

Осилили все-таки Шуйские. Избрала Боярская дума новым русским царем князя Василия Шуйского.

Облачили Шуйского в царские наряды.

— Слава царю Василию!

Чудеса

— Чудеса!

— Чудеса!

— Исцеление!

Люди бежали в Московский Кремль, к Архангельскому собору. Здесь стоял гроб. В нем лежал настоящий царевич Дмитрий.

Таков был приказ Василия Шуйского. На вто-

рой же день после провозглашения Шуйского царем вновь забурлила Москва. Многие люди по-прежнему верили в Лжедмитрия как в доброго настоящего царя. Они требовали от бояр ответа, почему те убили царя Дмитрия.

Неслись голоса:

— Не хотим Шуйского!

Василий Шуйский был человеком хитрым, умелым на выдумку. Вот и в те тяжелые для него дни вспомнил он о похороненном в Угличе царевиче Дмитрии. Приказал вырыть из земли его прах и перевезти в Москву.

Вновь вспомнили про мать царевича Дмитрия, царицу Марию Нагую. Привезли к гробу. Она должна была подтвердить, что это как раз и есть настоящий царевич. Потрясенная женщина не смогла произнести ни слова.

Народ ждал.

Тогда Василий Шуйский сам прокричал:

— Дмитрий это! Настоящий Дмитрий!

И как доказательство своей правоты заявил — кто из больных или калек прикоснется к гробу царевича, тот станет здоров.

Потянулись калеки, больные к гробу. Не пробьешься в Архангельский собор.

— Чудеса!

— Чудеса!

— Исцеление!

И верно. В первый же день исцелилось тринадцать больных и увечных. Во второй день — двенадцать.

При каждом новом чуде в городе били церковные колокола.

Бом! Бом! Бом! — поплыл над Москвой колокольный звон.

— Чудеса!

— Чудеса!

— Исцеление!

Доволен Василий Шуйский.

Что же касается исцеленных, то, как потом выяснилось, все они были вполне здоровыми людьми. Отобрали их из простых бродяг. Были они подкуплены людьми Шуйского. И вот разыграли настоящий спектакль о своем выздоровлении.

Отвел Василий Шуйский ловко от себя удар. На время Москва притихла.

«Царевич Петр»

Смутное время. Тревожное время. Не успокоилась Русь после вступления на престол Василия

Шуйского.

Все так же бурлили окраинные города. Восстала Рязань. Волновалась Тула.

Металась по стране огромным перекати-полем Смута. Объявлялись новые претенденты на русский престол.

— Царевич Петр объявился!

— Царевич Петр. Петр Федорович!

Эта весть неслась с востока, из приволжских городов. В Москву она пришла еще при жизни Лжедмитрия I.

Сообщалось, что царевич Петр — внук царя Ивана Грозного, сын царя Федора Ивановича и царицы Ирины Годуновой.

Царевич Петр даже специальное послание направил Лжедмитрию, в котором рассказывал о себе и называл Отрепьева своим дядей.

Лжедмитрий ответил. Признал царевича Петра и назвал его своим племянником. Пригласил в Москву.

У царевича Петра была ватага в четыре тысячи человек. Ватага двигалась вверх по Волге. Грабила в пути купеческие караваны.

С Волги со своей ратью и собирался царевич Петр идти к Москве. Но тут Лжедмитрия убили. Царем стал Василий Шуйский. Положение изме-

нилось. Затих на время царевич Петр.

Правительству Василия Шуйского пришлось давать разъяснение.

Не царевич он вовсе. Не Петр. Не внук царя Ивана Грозного. Не сын царя Федора Ивановича и царицы Ирины Годуновой. Вор он. Мошенник.

Называлось, откуда «царевич Петр». С Оки он, из города Мурома. Звать его Илейкой. Сын он посадского человека Ивана Коровина. А мать у него — Ульяна.

Эти сведения были верными. Однако Илейкой он был в прошлом. А сейчас стал «царевичем Петром», «царевичем Петрушей».

И многие в это верили.

До слез обидно

Пробыла Марина Мнишек московской царицей всего девять дней.

До слез обидно.

Вместе с дочерью в Москву приехал и ее отец — сандомирский воевода Юрий Мнишек. Представлялись Мнишеку картины радостные. Царь Дмитрий молод. Молода Марина. Много лет им быть на московском троне. Значит, и ему, Юрию Мнишеку, состоять при власти.

И вот всего лишь девять дней пробыла Марина в московских царицах.

— Сорвалось, — сокрушался Мнишек.

После гибели самозванца Мнишеки лишились всех своих привилегий и богатств. Драгоценности, которые подарил Лжедмитрий накануне женитьбы своей невесте, были отобраны и переданы в казну.

Глянул Мнишек в окно своей кремлевской усадьбы.

Из конюшни уводят дарованных ему лошадей.

Глянул в другое окно: выносят винные припасы.

Глянул в третье — вообще зажмурился: ворота досками забивают.

Однако не пал духом сандомирский воевода.

Марину величает, как прежде:

— Ваше царское величество.

Себя тестем московского царя по-прежнему называет.

Новые планы зреют в голове у Юрия Мнишека.

Стал он подробно расспрашивать о новом царе Василии Шуйском.

— Воли сильной?

— Сильной.

— В гневе бывает часто?

— Случается.

— Женат?

— Нет, не женат, — отвечают Мнишеку.

Третий вопрос и был самым главным из всех. Василий Шуйский был действительно человеком холостым.

Возникла у Юрия Мнишека смелая мысль: вот бы выдать Марину замуж теперь за Шуйского. Вот бы их обвенчать, поженить. Вновь бы Марина царицей стала.

Даже с боярами заговорил.

То с одним:

— Царь не женат. Невеста ему нужна.

И сразу о своей Марине.

То с другим:

— Холост царь. Не принято так у царей.

И вновь про свою Марину.

Однако ничего у Юрия Мнишека с его планом не получилось.

Выселили вскоре Марину и Мнишека из Кремля. А затем и вовсе отправили в изгнание в Ярославль.

До слез обидно.

Молчанов

Сразу же после убийства Лжедмитрия по Москве прокатился слух:

— Не убит царь Дмитрий! Жив!

Говорили, что вместо царя Дмитрия погиб очень похожий на него иноземный наемник.

Многие из простых людей по-прежнему мечтали о добром царе. Многим хотелось верить в то, что действительно Дмитрий жив.

Московский слух вскоре подтвердился. Пришли вести из Речи Посполитой. И вновь из родных мест Мнишеков, из города Самбора.

Оказалось, что спасшийся царь находится в городе Самборе. Сообщалось, что живет он в доме Мнишеков. Что хозяйка дома — жена Юрия Мнишека — пани Мнишек его признала. Передавались новые подробности чудесного спасения. Говорилось, мол, в Москве у царя Дмитрия было два двойника. Мол, один из них, принятый за Дмитрия, и был убит. А настоящий царь Дмитрий бежал из Москвы. И вот благополучно достиг Самбора. Доходили до Москвы слухи и о том, что в Речи Посполитой для царя Дмитрия стали срочно собирать войско из новых наемников.

У царя Василия Шуйского появились непредвиденные заботы.

Царские послы, находившиеся в Польше, получили приказ выяснить все подробности, а главное, сообщить, как выглядит новый Лжедмитрий.

Сообщили в Москву послы:

— Не похож.

Сравнивали послы — Гришка Отрепьев был рус, а этот смугл, волосом черен. Нос у Гришки широк, а у этого узок. Усов и бороды у Гришки не было. У этого хоть и небольшие, но и усы, и борода есть. У Гришки Отрепьева под носом была бородавка. У этого бородавка, правда, тоже есть, но не под носом, а на щеке.

Ясно — не тот Лжедмитрий.

А вскоре по приметам выяснили и имя нового самозванца. Оказался им московский дворянин Михаил Молчанов. Был он одним из приближенных Отрепьева. После гибели Отрепьева был схвачен, но бежал. И вот теперь решил сам стать царем Дмитрием.

Поражал новый самозванец всех тем, что имел при себе подлинную царскую печать. Как она у него оказалась — неизвестно. Посылал он от имени царя Дмитрия много разных писем и воз-

званий. И на каждом царскую печать ставил.

Узнав о появлении в Самборе «царя Дмитрия», вновь взволновался город Путивль — первая «столица» первого Лжедмитрия. Написали восставшие в Самбор, что ждут царя. Однако Молчанов не поехал.

Надо сказать, что многих смущала внешняя несхожесть старого и нового самозванцев. Видимо, смущала и самого Молчанова.

Правда, выпив хмельную чару, он говорил: — А бородавка! — и тыкал в щеку рукой. Однако все знали, что бородавка у Лжедмитрия I была не на щеке, а под носом.

Вскоре притих Молчанов. А потом и вовсе из вида скрылся.

Кто прав? Кто не прав?

Волнуется, бушует город Путивль. Не признают жители царем Василия Шуйского. Все надеются на доброго царя. Таким представляется им Дмитрий. Не откликнулся на призыв горожан новый самборский самозванец Лжедмитрий — Молчанов, не приехал в Путивль. Однако восстание продолжалось.

Против Шуйского поднялись и другие города:

Чернигов, Рыльск, Стародуб, Кромы, Курск, Елец. Нашелся и предводитель восставших. Звали его Иван Болотников.

За общую справедливость, за простой народ выступает Болотников.

Вначале восставшие не имели успеха. Под городом Ельцом царские воеводы наголову разбили повстанческое войско.

Вновь появилась царица Мария Нагая. Она призывала взбунтовавшие города к покою. Опять подтвердила, что убитый в Москве Лжедмитрий был самозванцем и что новый самборский Дмитрий тоже совсем не Дмитрий.

— Молчанов он. Мишка Молчанов!

Однако народ бунтовал. Восстание набирало силу.

Хоть и разбили воеводы Василия Шуйского под Ельцом восставших, однако сам Елец взять не смогли.

Осадили Кромы. Не смогли взять и Кромы.

Два месяца простояли под Ельцом и Кромами царские войска. Наконец решили отступить к Москве.

Отходил с войсками и ратник Антипа Кочин. Отходил, однако все время терзали душу его сомнения:

«Кто прав? Кто не прав? На той ли стороне я сражаюсь?»

Не решил, кто прав, в ту минуту ратник.

От Кром войска Василия Шуйского отступили к Орлу. Следом двигались отряды Болотникова.

— Кто прав? Кто не прав? — мучается Антипа Кочин.

Воеводы надеялись удержать Орел. Василий Шуйский из Москвы даже прислал военную помощь. Однако не получилось у воевод с защитой Орла. «Зашатались» орловские жители. Не признали царем Василия Шуйского. Без единого выстрела в город вошел Болотников.

Отходят к Туле теперь войска. Отходит Антипа Кочин.

«Кто прав? Кто не прав?»

Не удержались царские войска и под Тулой. Дальше пошли к Москве.

Только не шагал уже вместе со всеми Антипа Кочин.

Где же теперь Антипа? Перешел он в войско Болотникова.

Иван Болотников

Разные слухи ходили об Иване Болотникове. Откуда он? Кто родом? Какого звания?

Одни говорили:

— Из поместных людей Болотников.

Другие:

— Нет, из холопов.

Одни утверждали:

— Из детей боярских Иван Болотников.

Другие:

— Серый волк ему сват и брат.

Одни:

— В Крапивне под Тулой его надел.

Другие:

— Вор он. Мошенник. Без рода, земли и племени.

Соберутся спорщики:

— Казак он с Дона.

— Разбойник с Волги.

— Перекатная голь с Оскола.

Говорили, что был он какое-то время ратным человеком. Но и тут не было единого мнения.

Одни:

— Служил он наемником в Венгрии. Бился с

турками.

Другие:

— Служил он наемником в Турции. Бился с венграми.

Говорили о том, что Болотников был в турецком плену. Работал гребцом-невольником на галерах. Из плена освободили его итальянцы. Он попал в Венецию. Затем через Германию и Польшу стал пробираться домой.

На пути в Россию Иван Болотников попал в Самбор. И вот тут начинается то, что историей точно на страницах своих записано.

В это время как раз в Самборе появился новый самозванец — Молчанов. Случилось так, что Молчанов и Болотников встретились. А так как настоящего Лжедмитрия Болотников никогда не видел, то и принял Молчанова за царя Дмитрия.

Долго беседовал Молчанов с Болотниковым. Потом назначил Болотникова «большим воеводой» и направил в город Путивль своим представителем.

Поехал в Путивль Болотников. Здесь и возглавил войско повстанцев.

Калкей и Савелий

Смутное время. Сложное время. Людей словно щепку волна носила. Силу ломила сила.

Савелий Горшок и Калкей Шуба были когда-то в приятелях. Но вот разошлись их судьбы.

В тот год, когда шел на Москву Болотников, Калкей оказался ратником в царских войсках.

Савелий примкнул к взбунтовавшимся.

Когда царские воеводы разбили восставших под Ельцом, среди тех, кто был схвачен в плен, оказался и Савелий Горшок.

Поступали с пленными воеводы по-разному: одних убивали, других пытали, третьих пороли розгами.

Савелий попал под розги.

Положили его на плаху. Подошел ратник. Потянулся к розгам. Глянул Савелий — так это ж Калкей Шуба!

Вот так встреча.

— Калкей!

— Савелий!

Будь то другое время — расцеловались бы они, обнялись.

Однако подневольный Калкей человек. Приш-

лось ему всыпать Савелию розог. И хоть старался стегать он друга не в полную силу, обиделся все же Савелий.

Не отбили розги у Савелия охоту бунтовать. Снова примкнул к восставшим.

Не может Савелий розог простить Калкею:

— Ну, попадись ты мне только в руки.

Накаркал Савелий. Попал в руки восставших Шуба.

Поступали с пленными восставшие так: когда убивали, когда по домам распускали, кого, как и воеводы, стегали розгами.

Калкею достались розги.

Положили Калкея на плаху.

Подошел кто-то из восставших. Потянулся к розгам.

Глянул Калкей: так это же Горшок Савелий.

Вот так встреча!

— Савелий!

— Калкей!

Торжествует Савелий.

— А, супостат, попался!

Бил он Калкея в полную силу.

— Ирод! — стонал Калкей.

Не проста судьба человечья. Не ровной тропинкой по свету ходит.

На Угре под Калугой снова был бой с восставшими. Вновь воеводы одержали победу.

Вновь оказались пленные. Вновь был схвачен Горшок Савелий.

Снова начались казни, розги. Снова Савелий попал под розги.

Положили его на плаху. Подошел к нему ратник с розгами.

Глянул Савелий:

— Калкей!

Глянул Калкей:

— Савелий!

Торжествует Калкей:

— Попался, изверг!

Не щадил он ни розог, ни свою молодецкую силу.

— Ирод! — кричал Савелий. — Вот попадешься мне вновь — шкуру сдеру с живого!

Однако не попался больше Калкей Савелию.

Не попался и Савелий Калкею.

Может, погибли они в боях. Может, обоих жалела судьба, не сводила.

Смутное время. Сложное время. Людей словно щепку волна носила. Сила ломила силу.

Берегись, берегись, Игнат

В середине ноября войско Болотникова подошло к Москве. У села Коломенского остановились лагерем.

Забили московские колокола тревогу. Устремились горожане в соборы и церкви у Бога просить защиты.

Казалось, положение царя Василия Шуйского безнадежно. Ворвутся в Москву восставшие. Поддержат Болотникова простые посадские люди. Верная гибель Шуйскому.

Как удержать народ?

Хитер от рожденья Василий Шуйский.

Знает он, что посадский народ готов пойти за восставшими. Однако знает и то, что многие из московских горожан принимали участие в расправе над Лжедмитрием. Как-то посмотрят на это теперь восставшие?

Направил Шуйский по посадским домам надежных людей.

Пришли посланцы и в дом Игната Телеги:

— Берегись, берегись, Игнат. Возьмут злодеи Москву, не простят смерть Дмитрия, не простят измену. Вздернут тебя, Игнат, на твоем же столбе

у дома.

Побледнел Игнат Телега. Задумался.

Пришли посланцы Шуйского в дом к Осану Глине:

— Берегись, берегись, Осан. Возьмут злодеи Москву, не простят смерть Дмитрия, не простят измену. Вздернут тебя, Осан, у твоих же ворот на перекладине.

Побледнел Осан Глина. Задумался.

Во многих домах побывали посланцы Шуйского. Наговорили, нашептали людям посланцы всякого. Напугали.

И сразу совет:

— Не пускайте в Москву злодеев. Обороняйтесь.

— Если боем пойдут — боем на бой ответьте.

Достигла хитрость Василия Шуйского цели.

Не взволновалась, не поднялась тогда Москва. А когда попытался Болотников в город пробиться силой, поддержали посадские люди ратников Шуйского.

Не пробился в Москву Болотников. Как прежде, стоит в Коломенском.

Измена Ляпунова

Прокопий Ляпунов — дворянин, военный начальник. Происходил он из богатого рязанского рода.

Во время царя Бориса Годунова, когда Лжедмитрий I только появился на русской земле и царские войска осаждали Кромы, Ляпунов под Кромами командовал отрядом рязанцев.

Неспокойно было тогда среди царских войск. И здесь зарождалась смута.

Был у Ляпунова дружок, дворянин Артемий Измайлов. Поколебал он нестойкую душу Прокопия Ляпунова.

— К царю Дмитрию надо податься, — твердил Измайлов.

Когда скончался Борис Годунов и русским царем стал его сын Федор, изменил царю Федору Ляпунов. Ушел к самозванцу с рязанской ратью.

Потом, когда Лжедмитрий был убит и на русский престол был избран Василий Шуйский, — не признал Ляпунов и Шуйского.

Против Шуйского шел Болотников. Примкнул Ляпунов к Болотникову. Пришли рязанцы с восставшими под Москву. Войска Ляпунова при-

крывали юго-восток Москвы, помогали блокаде города.

Болотников готовился к главной битве.

И вдруг примчался к Болотникову казак Матвей Перебейнога:

— Ляпунов…

— Что Ляпунов?

— Прокопий…

— Что Прокопий?

— Изменил Ляпунов Прокопий!

Не обошлось и на этот раз без дворянина Артемия Измайлова. Это он уговорил Прокопия Ляпунова изменить Болотникову.

— К царю Василию надо податься, — твердил Измайлов. — Не по дороге нам с голытьбой, с Болотниковым.

Перешел Ляпунов на сторону Василия Шуйского. Перед царем покаялся. Просил прощения.

Простил его Шуйский. Даже награды были. Получили рязанские дворяне по деньге золотой. Получили рядовые ратники по деньге серебряной.

Узнал Болотников об измене Прокопия Ляпунова, тяжело вздохнул.

Смутное время. Сложное время. Разные люди тогда встречались. Как на качелях: то туда, то

сюда взлетали.

Коломенское

Месяц простояли повстанцы под Москвой у села Коломенского. Рядом Москва-река. Рядом речка бежит Котловка.

Место высокое. Далеко видно.

Несколько раз пытались восставшие ворваться в Москву.

Начали со штурма Серпуховских ворот. Не получилось. Вскоре бои вспыхнули у Симонова монастыря. И снова удачи не было.

Затем ожесточенные схватки завязались в районе Красного села, на берегу реки Яузы. Победу никто не вырвал. Ночь развела войска.

Наконец, 2 декабря 1606 года развернулось решительное сражение. Сошлись войска у Даниловского монастыря, у села Заборье. К этому времени к царю Василию Шуйскому подошла помощь — ратники из Смоленска, Вязьмы, Твери, Ярославля.

Целый день продолжалась битва.

Второй день продолжалась битва.

Наступил решающий, третий день.

В восстании Болотникова принимали участие

отряды казаков. Они сражались у села Заборье. На Заборье был направлен один из главных ударов царских воевод. Казаки попали в окружение. Они еле держались.

Распорядился Болотников направить на помощь казакам одного из ближайших своих сподвижников Истому Пашкова.

Двинулся Пашков со своими людьми к Заборью.

Торжествуют казаки. Вот она — рядом помощь.

Идут ратники Пашкова. Идут. Минута — и примут с врагами бой.

И вдруг… Что такое?!

Не сразу все поняли, что измена.

Не вступил Истома Пашков в бой с царскими войсками, не освободил из окружения казаков. Развернул своих ратников и перешел на сторону воевод.

Разгромив казаков, царские войска обрушились на главные силы Болотникова.

Не устояли восставшие. Дрогнули. Побежали.

Победно царские воеводы вошли в Коломенское.

Ишута

После поражения Болотникова под Москвой воеводам достались пленные. В числе тех, кто был схвачен, оказался и Ишута Рябой.

Начались боярские расправы над непокорными.

Согнали пленных в тюрьмы. Сидит Ишута. Ждет своей участи.

Обратился к соседу:

— Может, отпустят?

— Жди! — рассмеялся сосед.

— Может, всыпят розог, и этим все кончится?

— Как бы не так, — рассмеялся сосед.

— Повесят? — с испугом спросил Ишута.

— Может, и повесят, — сказал сосед.

Поежился Ишута. Представил виселицу. Себя на виселице. Висит. Болтается.

Лезет опять к соседу:

— А может — на плаху?

— Может, и на плаху, — сказал сосед.

Поежился Ишута. Представил себя на плахе. Подошел палач. Топор в руке. Взлетел топор над Ишутой. Покатилась Ишутина голова.

Несколько дней сидели в темнице узники.

Ожидали, что будет.

И вот вывели их на улицу. Ночь. Мороз. Звезды с неба на землю смотрят.

Снова Ишута гадает: «Может, отпустят, может, розог всыпят, и этим все кончится…»

Река Яуза рядом. Лед. Во льду прорубь.

Привели пленных к реке. В ряд построили.

Появился огромный нечесаный мужик. В руках дубина.

Подошел к первому. Хвать дубиной по голове — и в прорубь.

Подошел ко второму. Хвать — и в прорубь.

Поравнялся нечесаный мужик с Ишутой.

Понял Ишута: все!

Схватили Ишуту за руки, за ноги, потащили к реке, оглушили дубиной по голове. Опустили под лед в Яузу.

Кончил свой век Ишута.

Все просто. Все ясно. Э-эх, жизнь человечья! Ни веревок, ни пуль, ни топора не надо.

Смутное время. Страшное время. Лютость по русской земле ходила. Сила ломила силу.

Крест поцеловал

Разбитые под Москвой отряды Ивана Болотникова отошли к Калуге. Началась осада Калуги царскими войсками. Продолжалась она пять месяцев. Не взяли город царские воеводы. Отступили. Но и Болотников решил Калугу больше не удерживать. Ушел со своими отрядами в Тулу. В Туле посад больше. Здесь крепостные валы выше. Здесь кремль надежнее.

Пришли войска Болотникова в Тулу, а тут неожиданность. Оказалось, в Туле находятся отряды терских, волжских и донских казаков. Привел их сюда самозванец из Мурома Илейка Коровин — «царевич Петр».

Шепчут люди Болотникову:

— Царевич он, царевич!

— Он сын царя Федора Ивановича и царицы Ирины Годуновой.

— Внук царя Ивана Грозного.

Усмехнулся Болотников. Однако не поссорились они с Илейкой Коровиным. Не повздорили. Наоборот, объединились «царевич Петр» и Болотников. Вместе стали готовиться к новым боям с царскими воеводами.

Войска Шуйского не оставили повстанцев в покое. Был отдан приказ осадить Тулу.

Под Тулу прибыл сам царь Василий Шуйский. Пришла артиллерия, осадные пушки.

Всем хороша для обороны Тула. Неудобство одно — город лежит в низине. По низине петляет река Упа. Бежит она и под стенами Тулы.

Четыре месяца штурмовали царские войска Тулу. Взять не смогли. Тогда воеводы решили перегородить Упу большой плотиной и затопить город.

Согнали под Тулу людей. Начались строительные работы.

Растет, растет плотина.

Довольны воеводы. Доволен Шуйский.

Готова плотина. Перегородила она Упу. Поднимается вода в Упе. Заливает луга и пашни, подбирается к улицам города.

Довольны воеводы. Доволен Шуйский.

Разливается. Разливается вода все шире. Хлынула в город.

Довольны воеводы. Доволен Шуйский.

Страшным бедствием явилась вода для Тулы. Затопила она все кругом: дома, склады, амбары, конюшни, сараи. Погибли продовольственные припасы, промокла мука, отсырела, растворилась

в воде соль.

Пришлось Болотникову и «царевичу Петру» пойти на переговоры с Шуйским.

Они соглашались сдать город, но ставили условие, чтобы всем осажденным в Туле была сохранена жизнь.

Василий Шуйский согласился. Он старался побыстрее взять Тулу, так как к осажденным спешили новые отряды восставших.

Поклялся Шуйский выполнить точно условия Болотникова и «царевича Петра» — всем восставшим сохранить жизнь. Даже крест поцеловал.

— Крест поцеловал! Крест поцеловал! — разнеслось по Туле.

Открыли восставшие царским войскам ворота.

Вода кругами

Не сдержал клятву Василий Шуйский. Хоть и распустил он по домам многих из тех, кто оборонялся в Туле. Однако и Иван Болотников, и «царевич Петр», и другие предводители восстания были взяты под стражу.

Но царь Шуйский не стал с ними расправляться сразу. Не торопился. Не хотел вызывать волну нового возмущения.

Четыре месяца после сдачи Тулы прожил «царевич Петр». Ждал своей участи. И вот приговор:

— Повесить!

Повесили «царевича Петра» — самозванца из Мурома Илейку Коровина.

Болотников же был отправлен далеко от Тулы, далеко от Москвы.

Дорога его шла на север. Болотникова везли через Ярославль, через Вологду. Потом на Белое озеро, мимо Кирилло-Белозерского монастыря. Дальше места и вовсе пошли глухие. Озеро Воже. Озеро Лача. Река Онега.

Привезли Болотникова в город Каргополь. Топи кругом бездонные. Леса — дремучие, непроходимые.

Ехал Болотников, о прошлом думал. Поносила его судьба по свету. Был он в Турции. Был он в Венгрии. Был в Польше. В Италии. Последний приют — в Каргополе.

Бился с барами он, с воеводами. Чуть-чуть — и Москву бы взял. А нынче закончит свой век на холодном севере.

Недолго здесь прожил Иван Болотников.

— Ослепили! Ослепили! — вскоре прошел по городу слух.

Действительно, Болотникову выкололи глаза.

А затем и вовсе страшная новость:

— Ивашка посажен в воду!

По приказу царя Василия Шуйского Болотникова утопили.

Сошлась вода кругами над местом казни. Жил человек, и — нет.

Не кончалось жестокое время. Сила ломила силу. Лютость по русской земле ходила.

Глава четвертая
Лжедмитрий II
В глазах рябит

Не убывает в России число самозванцев. Наоборот — растет.

Не успели казнить «царевича Петра», как тут же появился новый царевич Петр. Мол, жив, здоров, а казнен вовсе не он. Не его повесили.

Потом в далекой Астрахани возник вдруг «царевич Август», потом «царевич Лаврентий», затем «царевич Федор». И пошло, и пошло, и поехало…

Хромоногая Соломанида — старуха-всезнайка — ходила по селам, клюкой стучала. Новых царевичей называла.

— Объявился царевич Клементий, — сообщала старуха Соломанида и добавляла: — Настоящий!

Через какое-то время:

— Объявился царевич Савелий, — и добавляла: — Настоящий.

Еще через какое-то время:

— Объявился царевич Семен, — несла Соломанида новое имя. И опять прибавляла: — Настоящий!

Потом пошли:

«царевич Василий»,

«царевич Ерошка»,

«царевич Гаврилка»,

«царевич Мартынка».

И все — настоящие, о каждом твердила хромоногая Соломанида.

Сбились люди с толку. Сколько же их, царевичей, — прямо в глазах рябит!

Все самозванцы называли себя детьми или внуками царя Ивана Васильевича Грозного.

У каждого из них находились свои сторонники. Возникли при каждом вооруженные отряды.

Хотя и было много разных иных «царевичей», однако оставалось по-прежнему притягательным для всех имя царевича Дмитрия.

Лжедмитрий — московский дворянин Михаил Молчанов, который после убийства Григория Отрепьева оказался в Самборе, вскоре отошел от борьбы за московский трон. Однако все ждали нового Дмитрия.

Ждали.

Ждали.

И он появился.

— Царевич Дмитрий, царь Дмитрий объявился! — торопилась с новой вестью хромоногая

Соломанида. Ходила по селам, клюкой стучала:

— Воистину он настоящий!

Дождались!

Город Пропойск. Белая Русь. Появился однажды в Пропойске странный человек.

Решили стражники, что это какой-то лазутчик. Схватили его, посадили в тюрьму.

В тюрьме человек заявил, что он — Андрей Нагой, родственник убитого в Москве царя Дмитрия. Человек стал требовать, чтобы его отправили в город Стародуб.

Решили в Пропойске с ним не связываться. Отправили в Стародуб.

Прибыл человек в Стародуб и тут тоже заявил, что он — Андрей Нагой, родственник бывшего царя. А вслед за этим сообщил и еще одно:

— Царь Дмитрий жив!

— Жив?!

— Жив! Жив! — подтвердил человек. И у тише, доверительно: — Царь находится отсюда недалеко.

— Царь Дмитрий жив! Царь — недалеко, — передавалось по Стародубу.

Прошло какое-то время. Жители Стародуба к

человеку с вопросом:

— Так где же царь?!

— Недалеко, недалеко, — повторил Андрей Нагой.

Прошло еще какое-то время.

— Так где же царь Дмитрий?!

— Совсем недалеко.

И вот однажды услышали жители Стародуба от Андрея Нагого:

— Вот он царь!

— Где? Где?

— Вот он, — повторил Нагой и показал на себя.

Глянули люди. Действительно схож. И роста такого же невысокого, и телосложением вроде одинаков.

— Вот он, ваш царь, — повторил Нагой.

Тут же прошла молва: мол, царь Дмитрий принял имя Андрея Нагого, так как опасался преследования, скрывался от Василия Шуйского.

Скрывался. И вот — открылся.

Ждали люди доброго царя Дмитрия. Дождались.

Пали стародубцы на колени.

— Царь! Царь! — голосили люди.

«Резвые люди»

«Резвые люди» — так называли ратников, из которых создавались передовые, самые надежные отряды. Были подобные отряды и в войсках у Василия Шуйского.

Самозванец, объявившийся в Стародубе, увлек людей.

Вновь пошли голоса:

— Надо идти на Москву!

— Гнать Шуйского!

— Да здравствует царь Дмитрий!

Лжедмитрий II — такое имя в истории получил стародубский самозванец — принял решение идти на Москву.

Повстанцы взяли город Почеп. Стали угрожать Брянску.

Навстречу восставшим царь Василий Шуйский послал войска.

— «Резвых людей» берите. «Резвых», — напутствовал Шуйский.

Одобряют решение царя московские жители. Говорят об отрядах «резвых людей»:

— На то они и резвые. На то они и самые надежные. Быстро покончат с вором.

Двинулись отряды Шуйского к югу — к Брянску и Стародубу.

Двинулись отряды Лжедмитрия II к северу — к Брянску и Туле.

Интересуется Шуйский:

— Как там «резвые люди»?

— Идут, идут. Еще немного — и вора в полон возьмут.

После Почепа повстанцы взяли город Брянск.

Повышает голос Василий Шуйский:

— Как там «резвые люди»?

— Идут, идут. Еще немного — и вора в полон возьмут.

Движется время. Взяли повстанцы после Брянска город Карачев.

Возмущается Шуйский:

— Как там «резвые люди»?!

— Идут, идут. Еще немного — и вора в полон возьмут.

Движется время. Взяли восставшие город Козельск.

Негодует Василий Шуйский:

— Как там «резвые люди»?!

— Идут, идут. Еще немного — и вора схватят.

Однако не схватили царские люди нового самозванца. Не взяли захваченные Лжедмитрием II

города.

Мало того, изменили «резвые люди» Шуйскому. Как и многие другие, перешли к повстанцам.

Доложили царю Василию о переходе «резвых людей» к самозванцу.

Процедил сквозь зубы Василий Шуйский:

— Вижу, что они и впрямь люди резвые.

«Из грязи в князи»

Идет Лжедмитрий II к Москве. Призывает самозванец всех перейти на свою сторону: и бояр, и князей, и простых людей. Всем обещает награды.

— Царь повелел!

— Царь повелел!

Вот что приказал Лжедмитрий II. Любой холоп, если он готов сражаться за самозванца, может получить земли и поместье своего господина, если этот господин остался на стороне Василия Шуйского.

Мардарий Клешня был холопом князя Щербатова. Щербатов как раз из тех, кто остался по-прежнему верен Шуйскому, кто отказался принять клятву верности новому Лжедмитрию.

Примчался Мардарий Клешня к самозванцу:

— В верной службе тебе клянусь! За тебя, госу-

дарь, молюсь! Смерть Василию Шуйскому!

Донес Клешня Лжедмитрию о князе Щербатове. Принял самозванец Мардария Клешню в свои войска. Отняли у князя Щербатова дом и землю. Передали Мардарию.

Вот чудеса какие. Был Мардарий Клешня никем, ничем. А ныне — «из грязи в князи».

А вскоре был схвачен и сам Щербатов. Был он отдан в холопы Мардарию Клешне.

Вот чудеса какие!

Не только поместья и земли отнимал Лжедмитрий II у бояр и князей, не перешедших на его сторону.

— Царь повелел!

— Царь повелел!

Что же еще повелел Лжедмитрий II?

Разрешил он любому из своих сподвижников насильно брать себе в жены дочерей попавших в немилость к нему князей и бояр.

Не перешел на сторону Лжедмитрия, остался верен царю Василию Шуйскому боярин Семен Белозерский. Была у боярина дочь — красавица из красавиц. Звали ее Оксаньица.

Был и холоп у Белозерского. Лентяй из лентяев. Звали его Феодосий Рыбка.

Донес Феодосий Рыбка на своего господина.

Боярину удалось бежать, однако Оксаньица была схвачена.

Примчался Рыбка к Лжедмитрию:

— В верной службе тебе клянусь! За тебя, государь, молюсь! Смерть Василию Шуйскому!

И сразу:

— Отдай, государь, мне в жены Оксаньицу!

— Бери, — распорядился Лжедмитрий.

Вот чудеса какие. Был Феодосий Рыбка ничем, никем. А ныне — в родстве боярском.

Все поменялось на белом свете. Смутное время. Шаткое время. То плюс, то минус, то плюс, то минус. Жизнь у многих, как сук, ломается. Словно на качелях судьба качается.

Тушинский лагерь

Через Козельск, Калугу, Можайск, Звенигород Лжедмитрий II пришел к Москве. Хотел он с ходу в нее ворваться. Однако войска Василия Шуйского удержали город.

Остановился самозванец огромным лагерем у села Тушино. Место удобное. Рядом река Москва. Рядом река Сходня.

В деревеньке, что находилась недалеко от Тушина, жили дружки-приятели Порошка Вер-

шок и Семейка Глухов. Бегали они к Сходне, к Москве-реке, шатались по тушинскому лагерю, по сторонам глазели.

— Вот бы царя увидеть!

Увидели они самозванца.

Разочаровались ребята.

— Не высок, — произнес Порошка.

— Костляв, — произнес Семейка.

Тушинский лагерь начал отстраиваться.

— Вал насыпают, — как-то сказал Порошка.

— Вал, — согласился Семейка.

Потом привезли бревна.

— Частокол будут ставить, — сказал Порошка.

— Поверх вала, — уточнил Семейка.

И верно. Стал подыматься вокруг лагеря частокол.

Потом принес Порошка еще одну новость:

— Башни возводят.

Новость принес и Семейка:

— Ворота ставят.

Построены башни. Стоят ворота.

Вначале люди в лагере жили в простых палатках. Ночевали воины на телегах. Много телег собралось.

— Сотни их, — уверяет Порошка.

— Тысячи, тысячи! — кричит Семейка.

Верно, в тушинском лагере собралось несколько тысяч телег.

Приходят в Тушино все новые и новые боевые отряды. Порошка и Семейка и тут не без дела. Определяют, из кого состоят отряды.

То скажут:

— Ратники прибыли.

То скажут:

— Прибыли запорожские казаки.

— Низовые люди идут! Низовые люди! — кричит Порошка. Это значит — прибыли отряды из беглых холопов.

А вот и еще:

— Поляки прибыли!

— Литва прибыла!

Были в тушинском лагере и польские отряды. Были и отряды литовских воинов. Пригласил их к себе Лжедмитрий II как наемников. Обещал за помощь большие награды.

К осени в лагере стали рыть землянки. Стали ставить избы. Понадобились лес и бревна.

Прибегают как-то из лагеря к себе в деревню домой Порошка и Семейка. Холод стоит на улице. Вот сейчас в избах они отогреются.

Смотрят, а где же избы?! Нет их на привычном месте.

Посмотрели налево, направо. Нет и соседних домов. Исчезли.

Оказывается, нагрянули в село воины из тушинского лагеря. Разобрали крестьянские дома на бревна. Унесли их для строительных нужд в Тушино.

Растет, расширяется тушинский лагерь.

В город, чуть ли не в столицу новую превращается.

Снова Марина Мнишек

Недолго пробыла в Ярославле Марина Мнишек. Вскоре отпустили ее домой в Польшу.

Уезжала Марина вместе со своим отцом, воеводой Юрием Мнишеком.

Бегут кони. Бежит дорога. Дремлет в богатом возке старый Мнишек. Тысяча воинов сопровождает бывшую русскую царицу.

Прощай, Россия!

Узнал Лжедмитрий II, что Марина Мнишек покидает Россию.

— Догнать! Перехватить! Законная жена уезжает.

Бросились конные.

Уезжает возок.

Торопятся конные.

Уезжает возок.

Торопятся конные.

Догнали посыльные из Тушина Марину Мнишек и ее отца, поклонились:

— Государыня, вас законный муж, царь Дмитрий ожидает.

Подумал старый Мнишек, подумала Марина Мнишек. Согласились повернуть лошадей. Едут к Москве, в Тушино.

Уверена Марина Мнишек, что ее муж, то есть Лжедмитрий I, погиб. И все же… А вдруг!

Решила она на нового самозванца посмотреть. Встретились. Глянула. Ясно Марине: не тот.

Не осталась она в Тушине. Просила отвезти ее вместе с отцом в Звенигород.

Однако не закончилось этим дело.

Ездят из Тушина в Звенигород посыльные.

Ездят из Звенигорода в Тушино посыльные.

Ведутся между старым Мнишеком и приближенными Лжедмитрия II важные переговоры.

Настаивает Лжедмитрий II, чтобы Марина Мнишек признала в нем своего мужа. Важно это для самозванца. Хочет он всем доказать, что он настоящий Дмитрий.

Жаден был от природы самборский воевода

Юрий Мнишек. На подарки и деньги падок.

Уговорили вскоре его тушинские посланцы. Пообещали 300 тысяч рублей и 14 русских городов в придачу, если он признает законным мужем Марины нового Лжедмитрия.

Признал его воевода.

— Зять он мой, — заявил Юрий Мнишек.

Признала после этого и Марина Мнишек Лжедмитрия II своим мужем. Переехала в Тушино. Специальный терем-дворец для нее построили.

Плохи дела у Шуйского

Потянулись за Лжедмитрием II русские села и города.

— Настоящий он! Настоящий! Царица Марина его признала!

Неспокойно в городе Суздале:

— Вы за кого?

— За Дмитрия.

Плохи дела у Шуйского.

Неспокойно в городе Владимире.

— Вы за кого?

— За Дмитрия.

Плохи дела у Шуйского.

Неспокойно в городе Тотьме.

— Вы за кого?

— За Дмитрия.

Плохи дела у Шуйского.

Неспокойно во многих других городах и селах. Признали тушинского самозванца Ярославль, Вологда, Ростов Великий, многие другие города.

Однако Москва держалась. Держался и Шуйский, хотя и в Москве было немало недовольных царем Василием Шуйским. Были попытки его сместить. Были попытки его убить. Возникали заговоры.

Как-то явилась к Шуйскому группа бояр и лучших московских людей.[1] Было это в 1609 году, в субботу на масленицу.

— Отрекайся!

— Не отрекусь! — заявляет Шуйский.

— Убьем!

— Убивайте!

Не решились заговорщики на злое дело. Отступили.

В том же 1609 году и опять в церковный праздник в Вербное воскресенье против Шуйского снова был устроен заговор. Возглавлял его боярин Крюк-Колычев. На сей раз было решено

---

[1] Примечания: 1

Лучшие люди — привилегированные слои населения.

убить Шуйского. Однако донесли верные люди о боярском плане царю. Провалился заговор. Не выдал Крюк-Колычев своих сообщников. Казнили боярина. Разыскивать других не стали. Так распорядился Шуйский. Решил не наживать новых врагов.

Потом была еще одна попытка убить царя. И тоже в церковный праздник — на Вознесеньев день. И еще один заговор — на день Николин.

Однако, видимо, под счастливой звездой появился на свет царь Василий.

Устоял, уцелел, удержался в те дни на троне Василий Шуйский.

Знаменит

Вместе с Лжедмитрием II в Россию пришли вооруженные отряды из Речи Посполитой. Были отряды польские, были литовские, были смешанные. Одним из наиболее известных польских военных начальников той поры был воевода Ян Сапега. Несколько побед одержал Ян Сапега над войсками Василия Шуйского. Думал без особого труда взять и Троице-Сергиев монастырь.

Троице-Сергиев монастырь — святое для русских место.

Заносчив Сапега. Подумаешь — монастырь! Подумаешь — монахи! В атаку! Вперед! Виват! И монастырь наш.

Однако ошибся Сапега. Троице-Сергиев монастырь был построен на возвышенном месте. Монастырские стены толстые. Башни высокие. Решили монахи свою обитель оборонять. На помощь монахам пришли русские ратные люди.

Началась длительная осада поляками Троице-Сергиева монастыря.

За стенами монастыря, помимо монахов и русских воинов, укрылось много простых людей. Были здесь женщины. Были и дети. Среди детей — девочка. Звали ее Аксютой. Девочка маленькая-маленькая. Как стебелек, как травинка в открытом поле.

Хочется Аксюте чем-то помочь взрослым. То она тут, то она там. То пристроится к тем, кто таскает к воротам бревна. Тянется к бревнам, тянется. Мала. Не дотянется. То окажется среди тех, кто укрепляет камнями стены. Пыжится, пыжится. Не получается и с камнями. Нет у Аксюты силы.

Нашли ей работу взрослые:

— Богу молись, Аксюта.

Стала Аксюта молиться Богу:

— Боженька, помоги!

Атакуют, атакуют поляки монастырские стены. Молится, молится кроха Аксюта:

— Боженька, помоги!

Тридцать тысяч воинов у Сапеги. Однако не может воевода Ян Сапега взять Троице-Сергиев монастырь. Обратился к его защитникам. Предлагает добровольно открыть ворота. Обещает жизнь и свободу каждому.

Не сдаются защитники монастыря.

Вновь обращается Ян Сапега. Обещает награды царские.

Не сдаются защитники монастыря.

Осень прошла. Наступила зима. Все хуже и хуже положение у осажденных.

Голодно. Холодно в монастыре.

Штурмует Сапега монастырские стены. Грозно стучит в ворота.

Молится, молится маленькая Аксюта:

— Боженька, помоги!

Не только Аксюта. Многие молятся.

И вот свершилось чудо. Явилась в людях тройная сила. Устояли они в боях. Не осилил Сапега Троице-Сергиев монастырь. Отошел тихо, без шума, кошачьим шагом.

Стал монастырь знаменит. Он и ныне на русской земле стоит.

Кострома и Галич

Дмитрий или Шуйский?
Шуйский или Дмитрий?
Дмитрий или Шуйский?
Шуйский или Дмитрий?

По-прежнему по русским городам идет распря. По-прежнему одни за царя Василия Шуйского. Другие за царя Дмитрия, то есть Лжедмитрия II.

Так и в городах Костроме и Галиче.

Победили вначале те, кто был за царя Дмитрия. Потащили тех, кто был за царя Василия, на плаху. Издали люди прощальные вздохи. Ушли навсегда в могилы.

Прошло какое-то время. В новых спорах теперь победили те, кто был за царя Василия Шуйского. Потащили тех, кто был за царя Дмитрия, на плаху. Издали люди прощальные вздохи. Ушли навсегда в могилы.

Вновь прошло какое-то время. Вновь победили в Костроме и Галиче те, кто стоял за царя Дмитрия. Потащили тех, кто был за царя Василия, на плаху. Издали люди прощальные вздохи. Ушли навсегда в могилы.

Еще раз отмерило время сроки. Вновь победили

в Костроме и Галиче те, кто был за царя Василия. Поволокли теперь тех, кто был за царя Дмитрия, к ответу.

Поволокли и костромского воеводу князя Дмитрия Мосальского, сторонника Дмитрия. Долго мучили его. Отрубили руки и ноги. Закончили тем, что утопили Мосальского в Волге.

Убивали люди друг друга не только в Костроме и Галиче. Смута волком бежит по стране. Терзает кровавый раскол Россию.

Стой! Не шевелись!

Рушится Русское государство. Жизнь и устои рушатся. Не сеют вовремя. Урожай вовремя не убирают. Голод повис над Россией. По дорогам идет разбой.

На Коломенской дороге появился разбойный человек Семен Сальков.

Движется обоз дорогой.

— Стой! Не шевелись!

Набежала ватага Салькова. Кто с ружьем. Кто с дубьем. Разграблен обоз до нитки.

На Тверской дороге появился разбойный человек Андрей Пирогов.

Движется обоз дорогой.

— Стой! Не шевелись!

Набежала ватага Пирогова. Кто с ружьем, кто с дубьем. Разграблен в момент обоз.

На Серпуховской дороге появился разбойный человек Лаврентий — Лавер.

Движется обоз дорогой.

— Стой! Не шевелись!

Набежала ватага Лавера. Кто с ружьем, кто с дубьем. От обоза лишь «рожки да ножки».

Посылали против разбойных людей воевод с войсками. Происходили настоящие схватки. Вот хотя бы с Сальковым. Послали против него одного воеводу. Разбил воеводу Сальков. Послали второго. Не добился и этот победы. Лишь третий воевода, запомните это имя — Дмитрий Пожарский — разбил, усмирил наконец Салькова.

Всюду идет воровство, разбой. То шапку с прохожего снимут. То снимут тулуп. Коня уведут. Зерно унесут. С топорами в избу ворвутся.

Смутное время. Разбойное время. Окна и двери быстрей закрывай.

Королевич Владислав и король Сигизмунд

Не может Василий Шуйский добиться в России спокойной жизни. Недовольны в России Шуйским. Все меньше становится сторонников и у Лжедмитрия II. Все чаще возникает вопрос: кому же править Русским государством? Кого приглашать на царство? Кто — тот, кто угодил бы всем?

И вот:

— Владислав!

— Королевич Владислав!

— Верно!

— Достоин!

— Другого искать не надо!

Владиславу пятнадцать лет. Он сын польского короля и короля Речи Посполитой Сигизмунда III.

Бежит, как ручей, молва. Кто-то из предков Владислава был рожден от русской княжны. Кто-то женат был на русской женщине.

— Есть в нем русская кровь.

— Владислава!

— Хотим Владислава!

Все больше сторонников среди тех, кто хотел бы пригласить Владислава на царство. Сторонников много. Но есть и противники. Среди них — отец Владислава король Сигизмунд III. Сигизмунд сам бы хотел стать московским царем. Попытка — не пытка. А вдруг как удача?

Направляет в Москву король Сигизмунд III письмо: пишет король Речи Посполитой, что в России, мол, царит беспорядок. Нет мира ни городам, ни селам. Брат идет на брата. Приятель казнит приятеля. А он, король Сигизмунд, принесет и покой, и расцвет России. «Ждите. Я к вам иду».

В сентябре 1609 года король Сигизмунд III с многочисленным войском переступил русскую границу и подошел к Смоленску.

Бежал

Затянулось тушинское стояние Лжедмитрия II под Москвой. Второй год друг против друга стоят войска Лжедмитрия II и Василия Шуйского. Второй год как идет война.

Не удается Лжедмитрию II взять Москву. Убывает к нему доверие. Раньше с ним говорили робко. Низко склоняли головы. Теперь нет-нет да

огрызнутся, ответят дерзко.

Прежде величали его «царь», «государь». Нынче все чаще услышишь слова иные:

— Обманщик.

— Мошенник.

— Самозванец.

— Богдашка.[2] — Тушинский вор.

В тушинском лагере все больше поляков, все меньше русских. Поляки — наемники. Им надо выплачивать деньги. Нет у Лжедмитрия II столько денег.

Недовольство нарастает и среди наемников. И эти теперь в открытую:

— Обманщик.

— Мошенник.

— Самозванец.

— Богдашка.

— Тушинский вор.

Даже грозят побоями.

Все меньше считаются с Лжедмитрием II польские командиры. Готовы они со своим воинством даже переметнуться к Василию Шуйскому. Однако и у Шуйского дело с деньгами плохо.

Затянулось под Москвой стояние. Понимает

---

[2] Примечания: 2

Богданко — таким было настоящее имя Лжедмитрия II.

Лжедмитрий II — все это может для него кончиться плохо. Решил он бежать из Тушина.

Был у самозванца доверенный, свой человек. Шепнул Лжедмитрий II ему на ухо:

— В Калугу уйдем. Там есть надежные люди.

Раздобыл человек для самозванца крестьянское платье. Простого коня. Простые сани.

Стояла зима на улице. Уселся Лжедмитрий II в сани. Лошаденка лениво тронула. Прощай, стольный город Тушино.

Бежал из-под Москвы Лжедмитрий II. Даже Марину свою оставил.

Еще раз о Марине Мнишек

Мелькнул гусарский наряд. Мелькнуло женское платье. Пронесся отряд верховых.

Цок, цок — отстучали дробь конские копыта.

Это, переодевшись в польский гусарский наряд, вместе со своей служанкой Марина Мнишек тайно бежала из Тушина.

Сопровождали Марину донские казаки.

Шепчутся казаки:

— Едем в Калугу.

Шепчутся казаки:

— Женушка к мужу рвется.

Шепчутся казаки:

— Эх, нам бы такую кралю!

Едет, едет отряд верховых. Дорога людей и коней встречает. Резво лошади несут седоков. Верста версту догоняет.

Думали казаки, что едут они в Калугу.

И вдруг:

— Э, да едем не в ту же сторону!

И верно, приехали верховые не в Калугу, а в город Дмитров. Получилось, как по поговорке: «Ехали в Казань, а попали в Рязань».

Марина Мнишек считала, что дело Лжедмитрия II проиграно. Не нужен ей такой неудачливый муж. В Дмитрове в это время находился польский воевода Ян Сапега. Под защиту Сапеги и приехала в Дмитров Марина Мнишек.

Время сложное. Время шаткое, непостоянное. Зреют в душе у Марины честолюбивые, тайные планы.

Когда Марина Мнишек выходила замуж за Лжедмитрия I, в бумаге, составленной по этому поводу, была сделана очень важная для Марины приписка. В ней говорилось, что если она останется вдовой и муж ее, то есть Лжедмитрий I, не будет иметь наследников, то ее, Марину Мнишек, провозгласят русской царицей.

Все получилось именно так. Стала она вдовой. Лжедмитрий I умер бездетным. Наследников на царскую власть не было.

Выходит, все права на стороне Марины. Выходит, она царица.

— Мне по закону занимать русский престол, — заявила Марина Мнишек.

— Умна, умна, — говорил о дочери старый хитрец воевода Юрий Мнишек. — Школа моя — родительская.

«Уходи»

Царские войска освободили Москву от осады поляков и сторонников Лжедмитрия II. Однако положение царя Василия Шуйского не улучшилось.

Против него вновь стали возникать заговоры.

Выбрали заговорщики удобный день, проникли в царский дворец. Стали они упрекать Василия Шуйского:

— Из-за тебя земля русская опустела.

— Из-за тебя кровь людская льется.

— Ничего доброго народ не видит.

А затем главное:

— Положи посох царский.

Заговорщики требовали, чтобы Василий Шуйский отказался от царской власти.

Вскипел Шуйский:

— Из-за меня земля русская опустела?! А может, и вы приложили руку?

— Из-за меня кровь людская льется?! А не вы ли раздор великий на Руси сеете?

— Из-за меня народ ничего доброго не видит?! А может, мы все виноваты, что алчным зверем бродит по свету смута?

Решил Василий Шуйский ворвавшихся к нему людей припугнуть. Схватил нож:

— Прочь с моих глаз! Прочь!

Отступили заговорщики. Однако не разошлись по домам, а вышли на Красную площадь к Лобному месту и стали призывать, чтобы люди шли на большое просторное место за Москву-реку, к Серпуховским воротам.

Собрались здесь разные люди — и именитые, и не очень: и князья, и бояре, и чиновный люд, и простые горожане.

Вновь речи пошли про недоброе время и про общие беды.

— Льется людская кровь.

— Пустеет земля.

— Поляки пришли.

— Литва пришла.

— Шведы вот-вот на Русь обрушатся.

— Разбой на дорогах.

— Самозванцев вокруг полно.

Во всем винили царя Василия Шуйского. Все требовали, чтобы он отрекся от престола.

К царю во дворец был послан близкий ему человек, князь Иван Воротынский.

— Уступи, уступи, Василий, — говорил Воротынский другу. — Для народа ты — государь несчастливый. Уходи.

Опустил Василий Шуйский голову, задумался, посмотрел вновь на Воротынского — и согласился.

Оставил он кремлевский дворец и престол. Из дворца переехал в свой старый боярский дом.

Закончилось царство Шуйского.

Ошиблась

Ошиблась Марина Мнишек. Не все было потеряно у Лжедмитрия II. У многих он по-прежнему пользовался популярностью и поддержкой. Особенно у простых людей.

Вновь вокруг него собираются боевые отряды. Вновь раздаются призывы:

— В поход!

— На Москву!

Двинулся из Калуги в новый поход на Москву Лжедмитрий II. Снова успех сопутствовал самозванцу.

Примкнула Коломна.

Признала Кашира.

Идет Лжедмитрий II победным маршем. И вдруг остановка.

— В чем дело?

— Зарайск.

— Что Зарайск?

— Не сдается.

На пути к Москве находится город Зарайск. Город небольшой, да кремль — крепкий. Войск немного, да воевода — смелый.

— Кто воевода? — спросил Лжедмитрий.

Слышит в ответ:

— Князь Дмитрий Пожарский.

Повел самозванец плечами. Не знает такого имени. (Громкая известность князя Пожарского еще впереди.)

Не стал Лжедмитрий II штурмовать Зарайск. Обошел стороной.

И вот уж его войско — близ Москвы. Стали лагерем у подмосковного села Коломенского, того

самого Коломенского, возле которого несколько лет тому назад шли бои царских войск с народной армией Ивана Болотникова.

Спохватилась Марина Мнишек. Видит — успех на стороне Лжедмитрия II. Вернулась она к самозванцу.

Приехала.

— Встречай! Жена законная к мужу прибыла!

Последняя охота

Но поторопилась Марина Мнишек. Снова ничего не получилось у Лжедмитрия II с Москвой. Не смог он взять ни Московский Кремль, ни даже земляной вал. После неудачных боев пришлось ему снова бежать. Вернулся опять в Калугу.

Любил Лжедмитрий II охоту. Особенно на зайцев. Особенно конную.

Вот приготовились всадники. Заиграли охотничьи дудки. Лошади дрожат от нетерпения. Псы готовы пулями с ремней сорваться. Минута, минута, еще минута… Рванулись в галопе конные. Беги, уноси ноги, спасайся все живое.

Лжедмитрий был раздосадован неудачей под Москвой. Искал виновных. Тех, кто отступил от него или изменил ему. Одним из таких он считал

касимовского царя. На реке Оке есть город Касимов. В те времена здесь жило много татар. Они даже имели своего царя.

Касимовские татары во главе со своим царем долго были на стороне Лжедмитрия II. Однако когда самозванец бежал второй раз из-под Москвы, татары не ушли с ним в Калугу. Примкнули к Лжедмитрию II лишь немногие. Среди них и сын касимовского царя.

Через какое-то время старый царь решил навестить своего сына. Приехал в Калугу. Лжедмитрий II узнал об этом. Вскипела обида за прошлое неповиновение, взыграла злоба. Распорядился он касимовского царя схватить.

Схватили.

— А теперь — утопить! — приказал Лжедмитрий II.

Затолкали старика в мешок, бросили в воду.

Однако даже среди людей, близких к самозванцу, многие были возмущены таким его поступком. Нашлись люди, которые решили отомстить за гибель касимовского царя. Пригласили Лжедмитрия II на охоту. Обрадовался самозванец.

Снова собрались конные всадники. Вновь заиграли трубы. Заржали кони. Завыли псы.

Не вернулся самозванец в Калугу. Убили его во время охоты.

Вскоре после гибели Лжедмитрия II у Марины Мнишек родился сын. Назвали его Иваном.

Глава пятая
Семь бояр и три начальника
Семибоярщина

После отречения от престола царя Василия Шуйского на Руси установилась семибоярщина. Из своей среды бояре избрали семь человек. Им и предстояло править Русским государством. Примчался Путимка Петух домой:

— Семибоярщина! Семибоярщина!

— Что — семибоярщина? — спросил отец.

— Что — семибоярщина? — спросила мать.

— Что такое семибоярщина? — дед спросил.

Объясняет Путимка, торопится: мол, не будет царя на Руси. Семь бояр управлять государством будут.

Крутился Путимка на торжище, оттуда и весть принес:

— Семь бояр управлять государством будут.

Помчался Путимка к друзьям, к соседям.

Понес и им новость:

— Семибоярщина! Семибоярщина!

Называли в Москве новых правителей: боярин Мстиславский, боярин Воротынский, боярин

Голицын и еще четыре боярина.

Семь бояр государством правят. Заседают. Речи разные произносят. Однако не стало от этого легче ни русской земле, ни русским людям.

Бояре между собой не ладили. Все решали, кто из них первый, кто самый главный.

— Я — главный! — кричал Мстиславский.

— Нет, я — главный! — настаивал Воротынский.

— Нет, главный — я! — громыхал Голицын.

— Я — главный!

— Я — главный!

— Я — главный!

— Я — главный! — утверждали четыре других боярина.

Спорят бояре. Застыли дела государственные. Нет порядка на Руси и при семибоярщине. Как говорят: у семи нянек дитя без глаза.

Четыре Москвы в Москве

Не удержалась долго семибоярщина.

Москва тех лет была не только большим русским городом, но и надежной крепостью.

Состояла Москва из четырех самостоятельных частей. Вокруг каждой из них поднимались обо-

ронительные стены.

В центре города, как и сейчас, находился Кремль. Расположился он на холме треугольником. Кремлевские стены были высокими и прочными. Со всех сторон Кремль омывался водой. С одной стороны подходила Москва-река. С другой — приток Москвы — речка Неглинная. С третьей стороны, по нынешней Красной площади, от речки Неглинной к Москве-реке тянулся глубокий ров. Он был наполнен водой.

Не преодолев водяные преграды, не взломав крепостных стен или ворот, не ворвешься в Кремль.

В Кремле располагались царские дворцы, величественные соборы, важные государственные учреждения.

К Кремлю подходил Китай-город. И Китай-город огражден высокой стеной. В этой части города располагались торговые ряды и купеческие лавки. Жили многие видные бояре, важные дворяне и другая знать.

С севера к Кремлю и Китай-городу подходил Белый город. И здесь подымалась высокая каменная стена. Белая. Поэтому и город — Белый. Стены Белого города имели башни с проездными воротами. Названия бывших ворот сохранились и до

наших дней. Арбатские, Никитские, Петровские, Покровские и другие.

Дальше начинался Земляной, или Деревянный, город. Здесь селились простые люди. Раскинулись разные слободы. Эта часть города была обнесена земляным валом. А поверх вала шла деревянная стена. По земляному валу и деревянной стене эта часть Москвы и называлась Земляным, или Деревянным, городом.

Надежно была защищена от врагов Москва. А тот, кто находился в Кремле, был под тройной защитой.

Не поладили бояре из семибоярщины между собой, не управились с разбоем и смутой в стране, решили на помощь призвать поляков.

Многие из бояр и вовсе стояли за то, чтобы русским царем был провозглашен пятнадцатилетний польский королевич Владислав.

Польский король Сигизмунд III в это время шел войной на Россию. Его армия штурмовала город Смоленск. Один из военачальников короля, гетман Жолкевский, находился рядом с Москвой — в Можайске.

Решили московские бояре открыть Жолкевскому городские ворота. Заняли поляки Белый город. Заняли Китай-город. Вступили в Московский

Кремль.

Первое народное ополчение

Не поддались русские люди польскому нашествию. Прокляли бояр, сдавших полякам Москву и Московский Кремль.

Все теснее ряды недовольных. Люди стали объединяться для борьбы с врагами. Было создано народное ополчение. Возглавили его рязанский воевода Прокопий Ляпунов, тот самый, который в свое время изменил Ивану Болотникову, князь Дмитрий Трубецкой и казачий атаман Иван Заруцкий.

Отряды ополченцев подошли к Москве. Начались бои на улицах города. Москвич горожанин Желейка Репей тоже оказался в рядах сражавшихся. Примкнул он к отряду зарайского воеводы Дмитрия Пожарского. Сражался Пожарский почти в самом центре города, у Сретенских ворот. Отважен отряд у Пожарского. Смел и сам воевода. Появляется он в самых опасных местах боя. Воодушевляет ратников. Наносит саблей удары по врагам налево, направо.

Восхищаются горожане. С вопросом к Желейке:

— Кто воевода? Здорово бьется.

— Князь Дмитрий Пожарский, — с гордостью отвечает Желейка.

Отбили ополченцы и горожане атаку поляков у Сретенских ворот. Воевода тут же приказал строить острожек — небольшой укрепленный лагерь.

Дружно все взялись за работу.

— Эх, пушек бы сюда, в острожек, — произнес Пожарский.

— Есть пушки! Есть пушки! — закричал Желейка. Вспомнил он, что видел недалеко от Сретенских ворот, на Пушечном дворе только недавно отлитые пушки.

— Есть пушки! Есть пушки!

Побежали ополченцы следом за Желейкой. Верно, сохранилось на Пушечном дворе несколько пушек. Приволокли их на Сретенку в острожек. Получился не острожек, а настоящая крепость.

— Так-то надежнее, — произнес воевода. Похвалил Желейку.

Снова горожане к Желейке:

— Так повтори, как звать, величать воеводу?

— Князь Дмитрий Пожарский, — повторил Желейка.

Взметнулась Москва огнем

Запылало, забушевало кругом. Взметнулась Москва огнем.

Все больше и больше ополченцев входило в Москву. Сильные бои развернулись у Никитских ворот, в Замоскворечье, в других местах.

Узкие и запутанные улочки Москвы были удобны для городского боя. Решили поляки себя обезопасить. Решили все спалить, кроме Кремля и Китай-города. Помчались конные поджигатели по Москве. Замахали горящими факелами. Вспыхнул Белый город. Вспыхнул Деревянный город. Пробушевал, как гроза, огонь. От Деревянного и Белого города — пепелище.

Успокоились чуть поляки. Все видно теперь от Кремля и Китай-города. Хорошо обороняться полякам.

Собрались поляки с силами, перешли в наступление. Москвичам и ополченцам пришлось отступать.

Дольше других держался острожек воеводы Дмитрия Пожарского.

Ранен был Пожарский.

Не вышел из боя.

Второй раз был ранен Пожарский.

Не вышел из боя.

Бьются, бьются ополченцы и горожане. Острожек невелик. Острожек с ноготок. Острожек сражается. Ноготок в коготок превращается.

Солнце взошло к зениту. Не прекращается битва.

В третий раз был ранен Пожарский. Пуля ударила и раздробила ногу. Пошатнулся воевода. Осел на землю.

Вынесли ополченцы князя Пожарского с поля битвы.

Догорала Москва. Догорала битва.

Снова туча луну закрыла

Рязанский воевода Прокопий Ляпунов, князь Дмитрий Трубецкой, казачий атаман Иван Заруцкий по-прежнему возглавляют народное ополчение.

Называются они троеначальники. Однако не получилось у них, как и у семибоярщины, между собой согласия. Каждый рвется к единоличной власти.

Трубецкой и Заруцкий попрекают Прокопия Ляпунова: мол, и тем нехорош, и этим, мол, когда-

то даже дружил с Болотниковым.

Ляпунов и Трубецкой попрекают атамана Заруцкого: мол, следом бегал, как щенок, за Лжедмитрием II.

— Сам щенок, — огрызается Заруцкий, и вспоминает, что князь Трубецкой из рук все того же Лжедмитрия II получил боярство.

Назревает разлад между вождями народного ополчения. К тому же ведут себя очень своевольно, не проявляют должного послушания казаки.

Все ближе, все ближе ссора. Чувствуют многие — беда быстрой тройкой навстречу движется.

Ударила беда в колокола.

Прокопий Ляпунов, а был он наиболее разумным из всех трех командиров, в интересах общей борьбы и общего дела старался ограничить казацкие вольности.

Началось все с того, что сторонники Прокопия Ляпунова схватили двадцать восемь казаков и за разные вины — разбой, грабеж, непослушание — приговорили их к смертной казни.

Всполошились казаки.

— Как?!

— Почему?!

— По какому праву!

Пригрозили казаки расправиться с Ляпуновым.

Воевода даже собирался бежать в свои рязанские земли. Однако казацкие старшины его отговорили.

Остался при ополчении Ляпунов.

Дело, однако, на этом не кончилось. Нашлись те, кто и вовсе хотел бы отстранить Ляпунова от всяких дел. Сочинили они бумагу, в которой Ляпунов грозился уничтожить всех казаков. Бумага была подложной. Даже подпись Ляпунова подделали.

Пустили бумагу по казацким рукам.

Вспыльчивы казаки. Народ вольный и непокорный.

— К ответу Ляпунова!

— К ответу!

Казаки собрали свой круг. Потребовали, чтобы Ляпунов к ним приехал. Приехал Ляпунов. Не ожидал худого.

Однако набросились с угрозами на него казаки. Накричались, наиздевались, а затем изрубили саблями.

С гибелью Прокопия Ляпунова распалось народное ополчение.

Глава шестая
Время к рассвету движется
Нижний Новгород

Нижний Новгород. Кручи над Волгой. Нижегородский кремль.

Людно сейчас в Нижнем Новгороде. Собрался народ на базарной площади у кремля. Сотни людей здесь, тысячи. На площадь выкатили большую бочку. Поставили ее на днище. Это трибуна.

Поднялся один из горожан. Заговорил о бедственном положении Москвы, всей Руси.

Поднялся второй. И этот говорит о Москве, о страдании русских людей.

Поднялся третий.

— Минин, Минин, — пошли в толпе голоса. — Кузьма Минин.

Минин поднял руку. Люди примолкли.

Кузьма Минин почетный человек — посадский староста. Хоть и простой он гражданин, хоть и всего нижегородский мясник, говядарь, а пользуется у людей уважением. Хоть и не военный он человек, а сражался в рядах первого народного ополчения. Ходил освобождать Москву. На мос-

ковских улицах бился. Доверяют люди Минину. Слушают.

Говорил Кузьма Минин, как и два прежних оратора, о муках родной земли. А кончил свое выступление предложением создать новое народное ополчение.

Для организации ополчения нужны деньги. Много денег.

Пришел Минин на площадь не один. С сыном Нефедом. Подозвал Минин Нефеда. Взял у него из рук большой сверток. Развернул. А в нем драгоценности: золотые кольца, серебряные оклады, украшения жены. Все свои богатства принес Кузьма Минин сюда на площадь.

— Все отдаю, — сказал Минин. — Лишь бы великое дело победило.

Призвал Минин и других приносить свои пожертвования.

— Верно! Молодец Минин!

Откликнулись люди на призыв Минина. Задвигалась, загудела площадь.

Стали и другие для общего дела отдавать свои сбережения.

Растет, растет гора народных пожертвований.

Радуется Кузьма Минин. Будет новое народное ополчение.

Вскоре ополчение было создано. Второе народное ополчение — так оно было названо в истории.

Мугреево

Воеводой второго народного ополчения был избран князь Дмитрий Пожарский. Послали нижегородцы к нему посыльных сообщить об общем доверии. Жил в это время Дмитрий Пожарский в своем суздальском имении, в селе Мугрееве, лечился после тяжелых московских ран.

Прибыли послы в Мугреево. Сообщили князю о решении нижегородцев.

Выслушал князь Пожарский, покачал головой.

Вернулись послы в Нижний Новгород ни с чем.

— Отказался.

— Как?

— Почему?

Объясняют послы:

— Прошлые раны еще не зажили.

— Говорит, что должность большая, что не имеет нужного опыта.

Огорчились нижегородцы. Вновь решили послать посыльных. Едут послы в Мугреево. Воз-

главляет посольство на этот раз Кузьма Минин.

Прибыли посланцы:

— Здравия желаем тебе, князь Дмитрий Михайлович.

— Здравствуйте.

Приводит Кузьма Минин всякие доводы. Мол, всем народом нижегородцы к Пожарскому обращаются. Мол, решил так и просит об этом народный сход.

Выслушал князь Пожарский. Вновь покачал головой.

Вернулись снова ни с чем послы в Нижний Новгород.

Снова собрался народный сход. Мнение одно:

— Пожарского!

— Пожарского!

— Хотим князя Дмитрия Пожарского!

Вновь посылают нижегородцы в Мугреево своих посыльных. Едет сам нижегородский воевода Андрей Семенович Алябьев. Провожают его нижегородцы:

— Ты — воевода. Он — воевода. Уговори!

О чем говорил Алябьев, какие доводы приводил — неизвестно. Однако удалось Алябьеву уговорить Пожарского.

Рады нижегородцы.

— Согласился!

— Согласился!

— Есть у ополчения воевода!

Правда, поставил князь Пожарский одно условие. Нужен ему в помощь надежный и знающий хозяйственные дела человек из простых нижегородских людей.

— Есть такой.

— Кто?

— Кузьма Минин.

Согласился Пожарский. Стал нижегородский говядарь гражданин Кузьма Минин ближайшим помощником князя Пожарского.

Ополчение и умение

Записался Филипей Лебеда в ополчение. Хотя ни меча, ни пики, ни сабли в руках никогда не держал. Ружья и вовсе не видел.

Из ополченцев составлялись полки и сотни. Прибыл Филипей на сборный пункт. Местный начальник его спрашивает:

— Мечом владеешь?

— Нет.

— Копьем колоть умеешь?

— Нет.

— Рубить саблей можешь?

— Нет.

— Да-а, — протягивает начальник.

Думает Филипей — не возьмут в ополчение.

И вдруг…

— Ну, это дело поправимое, — подмигивает начальник.

Стал Филипей учиться рубить мечом. Меч большой, тяжелый. Схватил его Лебеда обеими руками. Занес над головой, по березовому пню — хвать! Подошел к пню сбоку. Ударил слева, ударил справа. Надтреснул пень и отлетел от корня.

Похваливает начальник:

— Хорошо.

— Хорошо.

— Совсем хорошо.

Стал Филипей учиться владеть копьем. Копье длинное-длинное. Конец острый. Несется Филипей с копьем наперевес. Впереди — мешок с опилками. Попадет — не попадет. Попадет — не попадет. Ура! Попал.

Похваливает начальник:

— Хорошо.

— Хорошо.

— Совсем хорошо.

Дали Филипею саблю. И с саблей получилось у

него неплохо. Опять хвалит начальник:

— Хорошо.

— Хорошо.

— Совсем хорошо.

Прошло немного времени. Научился владеть Филипей и мечом, и копьем, и саблей. Назначили теперь и его самого обучать других.

Приходит к нему новичок.

— Мечом владеешь?

— Нет.

— Копьем колоть умеешь?

— Нет.

— Рубить саблей можешь?

— Нет.

— Да-а, — произносит Филипей. Затем подмигивает новичку: — Ну, это дело поправимое.

Обучаются новички бою мечом, бою пикой, бою саблей. А рядом другие идут занятия. Обучаются люди стрельбе из ружей, стрельбе из пушек.

Растет, растет ополчение. Растет и умение.

Обучаются ополченцы ратному делу. Готовятся к нелегкому походу.

Мастерица

В народную казну поступали все новые и новые пожертвования. Общегородской сход Нижнего Новгорода даже принял решение, по которому каждый житель города должен был одну пятую часть своего дохода передать в пользу народного ополчения. Исключений не делалось ни для кого — ни для простых людей, ни для дворян, ни для священников и монахов.

Вот и все подружки Севастьяницы Дятловой принесли в приказную избу самые заветные из своих ценностей.

Марфа Рожнова отдала золотые серьги.

Лукерья Новожилова принесла золотое кольцо.

Анфиса Двуногова — янтарные бусы.

Софья Треногова принесла отрез китайского шелка.

Мелентина Коврова — серебряные мониста.

А у Севастьяницы Дятловой ценностей нет. Принести нечего. Сирота она. Нет у нее ни золотых колец, нет монист, нет других украшений.

Зато Севастьяница — мастерица.

Прибежала как-то к ней подружка — Ксения

Конь-Копыто.

— Шить знамена будут. Шить и расшивать.

Кузьма Минин и князь Пожарский придавали большое значение тому, как будет выглядеть народное войско. Следили, чтобы люди были опрятно одеты. Были умыты и пострижены.

Считали они, что для народного ополчения нужны и свои знамена. Открыли в Нижнем Новгороде мастерскую. Туда и пришла Севастьяница Дятлова. Действительно оказалась она великой умелицей.

Хорошо работали в мастерской и ее подружки — Марфа Рожнова, Лукерья Новожилова, Анфиса Двуногова, Софья Трегонова, Мелентина Коврова. Прекрасно вышивала и Ксения Конь-Копыто.

Однако у Севастьяницы Дятловой получилось лучше.

Сам князь Дмитрий Пожарский как-то увидел ее работу. При всех восхищался. При всех хвалил.

— Мастерица. Мастерица, — повторял князь Пожарский. — Под такими знаменами быть лишь победе.

Улыбалась, радовалась доброму слову девушка.

Много прекрасных знамен было у ратников

второго народного ополчения.

Одно из них и сегодня хранится в Москве, в Историческом музее.

Как знать — может быть, его расшила Севастьяница Дятлова.

Кто вы? Откуда?

Растет, набирается сил, пополняется новыми отрядами народное ополчение.

Пришли отряды из Вологды, из Свияжска, Соль-Вычегодска, Коломны, Рязани, Гороховца, Балахны.

А вот и новый отряд пришел.

— Вы откуда?

— Из Казани.

— Татары?

— Татары.

А вот и еще один новый отряд пришел.

— Вы откуда?

— Из Чебоксар.

— Чуваши?

— Чуваши.

За этим отрядом снова вооруженные люди движутся.

— Кто вы?

— Мордвины.

Еще один отряд.

— Кто вы?

— Марийцы.

Еще один отряд.

— Кто вы?

— Удмурты.

Пополняется, пополняется народное ополчение. Поднимаются люди на бой с врагами.

Снова отряд идет.

— Кто вы?

— Дворяне.

Снова отряд идет.

— Кто вы?

— Дети боярские.

Снова отряд идет.

— Кто вы?

— Люди посадские.

Снова отряд идет.

— Кто вы?

— Вольные казаки.

Пополняется, пополняется народное ополчение. Поднимаются люди на бой с врагами.

В начале марта 1612 года народное ополчение выступило из Нижнего Новгорода. Пошли на Москву не самой короткой, суздальской, доро-

гой. Места эти за годы смуты оказались очень разоренными. Дмитрий Пожарский решил идти через Кострому и Ярославль. Эта дорога была надежнее.

Заиграли трубы походные марши. Двинулось народное ополчение.

Сидорка

Много было в те годы разных претендентов на русский престол. Объявился еще один. Звали его Сидорка.

Город Псков. Северо-запад России. Рядом Чудское озеро. Рядом граница. Здесь и появился Сидорка.

— Не Сидорка я вовсе. Нет. Дмитрий я, — уверял новый самозванец. (Выдавал он себя за Лжедмитрия II.)

Как и все другие самозванцы, и этот твердил, что он чудом от смерти спасся. Мол, тогда убили на охоте, под Калугой, не Дмитрия, а другого.

И вновь нашлись люди, которые новому самозванцу поверили. Конечно, среди них было много доверчивых, а порой и просто темных людей. Но были и такие, которые делали это и для личной выгоды. Среди таких людей оказались князь Тру-

бецкой и казачий атаман Иван Заруцкий.

— Не убит царь Дмитрий, не убит. Остался жив, — уверяет князь Трубецкой.

— Спасся царь Дмитрий, спасся тогда на охоте, — утверждает Иван Заруцкий.

Доходят эти вести до князя Пожарского, до Кузьмы Минина. Противно им эту неправду слушать.

— Жив, жив, — утверждает Трубецкой.

— Жив, жив, — утверждает Иван Заруцкий.

Выгодно князю Трубецкому, чтобы в новом самозванце все признали царя Дмитрия. Сядет Сидорка на новый престол — значит, Трубецкому прямая выгода. Он же — тушинский боярин. Снова он станет в большом почете.

Выгодно и атаману Заруцкому. Займет Сидорка царский престол — значит, Марина Мнишек снова русской царицей станет. Станет и сам Заруцкий в государстве большим человеком.

Принес князь Трубецкой присягу новому самозванцу — Сидорке.

Принес присягу Сидорке и атаман Заруцкий.

Однако не повезло ни Заруцкому, ни Трубецкому, ни самому Сидорке.

Поняли люди во Пскове, что Сидорка самозванец. Грозились против него подняться.

Испугался Сидорка. Бежал из Пскова. Однако в

дороге его убили.

Отказались князь Трубецкой и атаман Заруцкий от своей присяги.

— Ошибся, — сказал Трубецкой.

— Бес попутал, — сказал Заруцкий.

Карл-Филипп

Нет числа претендентам на русский престол. Сыскался еще один. Шведский королевич Карл-Филипп.

Русскую землю терзали не только польские войска. Но и войска шведского короля.

Воспользовались шведы Смутным временем и слабостью России, решили захватить северные русские земли. Им удалось подойти к озеру Ильменю и даже взять город Великий Новгород. А вступив в Новгород, потребовали шведы, чтобы новгородцы признали своим царем шведского королевича Карла-Филиппа. И не только царем Великого Новгорода, но и всей Руси.

Шведский военачальник Яков Делагарди так и заявил, чтобы был приглашен Карл-Филипп «на новгородское и всероссийское государство царем и великим князем».

Признали новгородцы царем Карла-Филиппа.

Пошел Делагарди завоевывать другие русские города. Дошел даже до Тихвина.

Трудно было России. Боролась страна с польскими захватчиками. Боролась со своими изменниками. А тут еще и шведы.

Решили Минин и Пожарский не осложнять отношений со Швецией. Заявили, что и они согласны признать шведского королевича русским царем. Однако прежде надо о многом посоветоваться, многое оговорить.

Послали Минин и Пожарский свою делегацию в Великий Новгород. Ведут делегаты переговоры. Время идет.

Затем приняли Минин и Пожарский делегацию из Великого Новгорода.

Ведут делегаты переговоры. Время идет.

Потом начали Минин и Пожарский переговоры со шведским военачальником Яковом Делагарди. Направили своих делегатов.

Ведут делегаты переговоры. Время идет.

Затем приняли посыльных от Делагарди.

Ведут посыльные переговоры. Время идет.

Затем Минин и Пожарский снова послали своих представителей в Новгород.

Ведут представители переговоры. Время идет.

Шло, шло время. Крепло, росло, набирало сил

народное ополчение. Кончилось тем, что стало шведам ясно — не хватит у них войск, чтобы посадить на русский престол своего королевича. Отступили.

Так и не стал шведский королевич Карл-Филипп русским царем.

Семь сыновей

Село пылало всю ночь до рассвета. К утру от домов — пепелище. Набежали польские солдаты. Разграбили, а затем подожгли село. Часто такое в те годы бывало.

Солдатам надо кормиться. Снаряжали поляки — и те, кто был в Москве, и те, кто находился в других русских городах, — специальные отряды, которые совершали набеги на русские села и добывали для польской армии продовольствие.

Сопротивлялись часто крестьяне. Возникали стычки. Жестоко расправлялись поляки с непокорными. Убивали людей. Сжигали жилища.

Так и здесь — сгорело село дотла. Разбрелись жители, кто куда. А старый Киркей Бартенев собрал своих сыновей и сказал:

— Уходим к шишам.

Сыновей у Киркея семь:

Алексей,
Андрей,
Елисей,
Калина,
Федор,
Савва,
Прокоп.

Собрались Бартеневы, ушли к шишам.

Шиши — это лесные мстители, на современном языке — партизаны. Носили они высокие шапки с шишаками. По этим шапкам и партизан стали называть шишами.

Боевая слава отца и сыновей Бартеневых вскоре обошла всю округу.

Кто уничтожил целый отряд польских мародеров?

— Киркей и семь сыновей.

Кто от поджога уберег соседнюю деревню?

— Киркей и семь сыновей.

Кто устроил засаду на лесной дороге и отнял у захватчиков народное добро?

— Киркей и семь сыновей.

Растет их известность. Растет их слава.

Все больше шишей поднималось на борьбу с врагами. Сражались против поляков. Сражались против шведов. Защищали свой край и свое

имущество.

Когда стало создаваться второе народное ополчение, многие из шишей выходили из леса. Вступали в ряды народной армии.

Вступили в войско князя Пожарского и Бартеневы:

старый Киркей,
Алексей,
Андрей,
Елисей,
Калина,
Федор,
Савва,
Прокоп.

Отец и семь сыновей. Восемь русских богатырей.

Максимилиан

Народное ополчение пришло в Ярославль. Из Персии через Ярославль к себе на родину в это время возвращался германский посол Иосиф Грегори.

Попросил германский посол, чтобы принял его Пожарский. Доложили князю.

«С чего бы вдруг?» — подумал Пожарский. Од-

нако согласие дал. Повстречались они с Иосифом Грегори.

Посол повторил, что возвращается из Персии к себе в Германию. Что повидается в Германии с германским императором. Всяких добрых слов наговорил Пожарскому. Стал расспрашивать о положении дел в Русском государстве.

Рассказал ему Пожарский о том, как трудно России. В Москве поляки, на севере шведы. Англичане собираются высадиться в Архангельске.

Слушает посол.

— Да, да. Нелегкое время.

Рассказал Пожарский о несогласии между своими же. О Лжедмитрии I, о царе Василии Шуйском, о Лжедмитрии II, о семибоярщине, о неудаче первого русского ополчения. О Трубецком, о Заруцком, об убийстве Прокопия Ляпунова.

Слушает посол.

— Да, да. Не добрый час.

Рассказал Пожарский о Нижнем Новгороде. О новом ополчении. О народном подъеме. О желании русских людей прогнать иностранных пришельцев и установить порядок в своей стране.

Слушает посол.

— Да, да. Порядок нужен.

Беседует Пожарский с послом. А у самого все время один и тот же вопрос: какие такие интересы у германского посла, почему он так хотел с ним, с Пожарским, встретиться?

Вскоре все раскрылось, стало ясным.

— Власти нет сильной в России, — сказал посол. И следом: — Вот мой совет. Пишите в Германию. Просите на Московское царство брата германского императора королевича Максимилиана.

— Все ясно, еще один королевич, — вздохнул Пожарский. — Сколько же охотников на московское царство!

Богата Россия. Велика Россия. Многие к этим богатствам тянутся.

— Так напишите, — повторил посол. — Что передать королевичу Максимилиану?

— Напишем, напишем, — сказал Пожарский. А сам про себя: «Хватит гостей заморских. В России царя найдем».

Первый московский бой

В конце июля 1612 года Минин и Пожарский во главе народного ополчения двинулись из Ярославля к Москве.

Идут войска. Верста за верстой. Верста за вер-

стой. Все ближе Москва, все ближе.

Вдруг… Что там за пыль заклубилась вдали? Навстречу несется гонец. Подлетел гонец к ополченцам. Придержал коня.

— К князю Пожарскому!

С важным известием прибыл гонец. Оказывается, из Польши, чтобы освободить засевших в Москве, в Кремле, поляков, идет большое войско. Возглавляет его опытный командир гетман Ян-Карл Ходкевич.

Многое зависит теперь от того, кто раньше придет к Москве.

Ускорили движение русские ополченцы.

— Шире шаг! Шире шаг!

Дал команду быстрее идти и польский гетман Ян-Карл Ходкевич.

— Марш! Марш! Вперед!

Торопятся русские.

Спешат поляки.

Первыми, больше чем на сутки опередив врага, пришли в Москву ополченцы Минина и Пожарского.

Расположились ополченцы около Чертольских и Арбатских ворот. Тут же недалеко у Коровьего брода и в районе Замоскворечья находились казаки Дмитрия Трубецкого. Казаки владели также

двумя укрепленными острожками.

Поляки подошли с запада по смоленской дороге. Остановились лагерем у Поклонной горы.

В составе польского войска было много наемников: немецкие пехотинцы, венгерские конники, французские пушкари.

Ян Ходкевич был опытным полководцем. Немало побед на его счету. Он был уверен в своем успехе и здесь, в Москве.

Простояв сутки на Поклонной горе, Ходкевич двинул свое войско в наступление. Поляки переправились через Москву-реку у Новодевичьего монастыря. Отсюда они и решили начать атаку на ополченцев Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского. Цель польского войска — разбить русских и прорваться в Московский Кремль.

— Виват! Вперед! — разнеслись команды.

Завязалась жаркая схватка. Вскоре открылись кремлевские ворота и на помощь Ходкевичу вышли поляки, находившиеся в Кремле.

Удержались ополченцы. Отбили удары кремлевских отрядов. Отбили удары основного войска гетмана Ходкевича.

Кончался седьмой час сражения. Поляки несли большие потери. Войскам нужен был отдых.

Битва стихала.

Те поляки, которые атаковали из Кремля, опять отошли под защиту кремлевских стен. Отошли и основные силы Ходкевича. Вновь переправились они через Москву-реку. Укрепились на Воробьевых горах.

Никто в тот день не одержал победы.

Пожимает Матвей плечами

Не предполагал Матвей Кожемяка, что с ним такое случится.

Когда гетман Ходкевич стал отводить свои полки к Москве-реке, к Воробьевым горам, Матвей Кожемяка и несколько других ополченцев устремились вслед за отступающими.

Бросились поляки в Москву-реку, чтобы перебраться на противоположный берег. И ополченцы бросились. Местами здесь были броды, а чаще места глубокие. Матвей попал на место глубокое. Были здесь и другие. Людей стало сносить течением. Понесло и Матвея. Однако он плавал хорошо. Воды не боялся. Борется. Вдруг слышит: кто-то вскрикнул.

Видит Матвей — человек в беде. Поспешил он на помощь. Кричит:

— Гаврила?

В ответ:

«Буль-буль».

Ухватил неизвестного:

— Никита?

В ответ:

«Буль-буль».

Стал вытаскивать из воды неумельца.

— Порфирий?

В ответ:

«Буль-буль».

Вытащил на берег Матвей Кожемяка человека. Смотрит — так это же вовсе не свой! Вот и наряд не тот. И сабля совсем не русская. Понимает Матвей, что спас он поляка, шляхтича.

Пришел человек в себя. Приоткрыл глаза. Посмотрел на Матвея:

— Януш?

Замотал головой Матвей.

— Анджей?

Замотал головой Матвей.

— Здислав? — вновь спрашивает человек.

— Матвей я, — отвечает ополченец. — Матвей Кожемяка.

На лице человека сразу же появился страх. Вскочил поляк на ноги. Думает: вот-вот русский саблей его ударит.

Не ударил Матвей Кожемяка.

Постояли молча они минуту. Затем разошлись в разные стороны.

Удивлялся потом Матвей:

— И чего я его упустил? Кто удержал мою руку?

Пожимает Матвей плечами.

Война есть война. Всякое здесь бывает.

Второй день

Второй день сражения принес полякам временную удачу. Еще ночью небольшой польский отряд с частью обоза пытался пробиться в Московский Кремль. Выбрали поляки то место, где находились казаки Дмитрия Трубецкого. Попытка была удачной. Обхитрили они казаков. Прошли в темноте самым берегом Москвы-реки. Проникли в Кремль. Передали продовольствие осажденным.

На обратном пути новая удача. Захватили поляки один из казацких острожков. Находился он напротив Кремля, на левом берегу Москвы-реки. Это место называлось Ендова.

Успех польского отряда обрадовал гетмана Ходкевича. Решил он через места, обороняемые

казаками Трубецкого, двинуть свои главные силы.

Князь Пожарский разгадал этот план Ходкевича. Передвинул он сюда ополченские полки.

К сожалению, казаки Трубецкого вначале не поддержали ополченцев. Они даже отошли от этих мест в другую часть города.

Обрушились поляки на воинов Минина и Пожарского. Вновь разгорелся упорный бой. Удар поляков был стремительным, сильным. Прижали они ополченцев к Москве-реке.

К князю Пожарскому, который находился в это время у Чертольских ворот на Остоженке, стали поступать тревожные вести.

— Князь, давят поляки.

— Князь, прижали к Москве-реке.

— Князь, нет сил держаться.

Пожарский сам отправился к месту боя.

Врубился в ряды сражающихся.

— Братцы, не трусь!

— Братцы, вперед!

Бил мечом налево, направо.

Однако русские все-таки дрогнули. Многие ополченцы начали покидать поле боя. Многие бросались в Москву-реку и переплывали на противоположный берег.

Ходкевич торжествовал. Все громче звучало:

— Виват!

— Виват!

— Виват!

Ходкевич приказал приготовить обоз. Был уверен, что вот-вот вступит в Московский Кремль.

Но рано победу пропели трубы.

Пятнадцать часов

Новый начинался день. Новый начинался бой.

Замоскворечье: улица Ордынка, улица Пятницкая, церковь Клемента, клементовский казацкий острожек на Пятницкой. Здесь, в этих местах, и произошли главные события. Только теперь ополченцы были не одни. К ним наконец примкнули казаки Трубецкого.

Поляки продвигались к центру города. Шли по Пятницкой, по Ордынке. В их руках оказались и церковь Клемента и клементовский острожек. Недавно эти места были у казаков Трубецкого. Теперь здесь поляки. Даже подняли свой флаг на Клементовской церкви.

Увидели флаг казаки:

— Братцы, да что же это такое!

Ударили казаки. Ударили ополченцы. Взяли

церковь Клемента. Сбросили флаг. Взяли штурмом и клементовский острожек.

Улыбаются ополченцы. Обращаются к казакам:

— Вон оно, когда все вместе.

Улыбаются казаки:

— Вон оно, когда все разом.

Воодушевленные первым успехом, ополченцы и казаки продолжали теснить поляков и дальше. Освободили они и недавно захваченный поляками острожек на Ендове.

Улыбаются казаки:

— Вот оно, когда все вместе.

Улыбаются ополченцы:

— Вон оно как, когда все разом.

Однако это была еще не окончательная победа. У Ходкевича сохранились большие силы. Он по-прежнему надеялся взять Московский Кремль.

Приближались решительные минуты боя. В это время Кузьма Минин обратился к Пожарскому с просьбой:

— Князь, дай мне отряд, и я ударю в тыл неприятелю.

Согласился Пожарский. Направился Кузьма Минин в тыл к полякам. Не ожидали они удара. Дрогнули. Побежали. Многие из поляков погиб-

ли. А те, кто уцелел, бросились к главным силам Ходкевича.

— Русские!

— Русские!

Поляки растерялись. Началась паника. Этим воспользовались ополченцы. Воспользовались казаки. С еще большей силой разгорелась битва.

Военное счастье изменило Ходкевичу.

Еще натиск, еще напор, еще удар. И вот уже ясно — победа русских.

В этот день сражение длилось пятнадцать часов. Закончилось оно поздно вечером. Русским досталась богатая добыча: обоз, боевые знамена, пушки.

Потерпел поражение польский гетман. Бежал из Москвы Ян-Карл Ходкевич.

Ворота открылись

Ходкевич бежал. Однако Московский Кремль поляки не покинули. Они надеялись, что придет новое польское войско и освободит их. Однако время шло.

Новое войско не приходило. Отряды ополченцев и казаков со всех сторон окружали Кремль. Вели его обстрел из пушек. Среди осажденных

начался голод. Командовал осажденными польский шляхтич Струсь.

Докладывают Струсю:

— Нечего есть.

— Ешьте коней, — распорядился Струсь.

Через несколько дней докладывают Струсю:

— Съели коней. Нечего есть.

— Ешьте собак, — распорядился Струсь.

Через несколько дней снова докладывают:

— Съели собак. Нечего есть.

— Ешьте кошек, — распорядился Струсь.

Затем дошло до мышей и крыс… Польская помощь по-прежнему не приходила.

Князь Пожарский обратился к осажденным. Предлагал им сдаться. Обещал всех пощадить. Даже для тех, кто полностью отощал и не мог двигаться, предлагал телеги.

Поляки не согласились. Ответили грубым письмом.

Однако человеческие силы были на исходе. В конце октября 1612 года поляки наконец подписали договор о сдаче Кремля.

Раскрылись дубовые кремлевские ворота. Войска Минина и Пожарского вступили в Московский Кремль.

Романовы

Январь 1613 года. Запорошило снегом пути-дороги. По всей Руси, от края до края, трещит мороз.

В Москву едут народные представители: от бояр, от помещиков, от детей боярских, от священнослужителей, от служилых людей, казаков, ремесленников, торговцев, от простых крестьян — несколько сот человек. Это собирается Земский собор.

Ему, Земскому собору, и предстоит решить — кому же стать на Руси царем.

Немало оказалось разных кандидатов. Начали с иностранных.

Называется имя польского короля Сигизмунда III.

— Против! Против! — кричит большинство.

Называется имя польского королевича Владислава.

— Против! Против! — кричит большинство.

Обсуждается кандидатура шведского королевича Карла-Филиппа.

И опять большинство против. Не прошел шведский королевич Карл-Филипп в русские цари.

Не утихают споры. Называются новые имена.

— Князь Федор Мстиславский.

— Князь Иван Голицын.

— Князь Дмитрий Трубецкой.

— Боярин Михаил Романов.

Долго шли споры. То голосом тихим, то голосом громким, то криком, то даже угрозой решали, кому же быть русским царем.

И вот наконец сошлись.

Новым русским царем стал Михаил Романов. Было ему в ту пору шестнадцать лет.

От него, от боярина Михаила Федоровича Романова, и пошли на Руси все цари Романовы: и его сын — царь Алексей Михайлович, и его внук царь Петр Алексеевич — Петр I Великий, и царица Елизавета I, и Александр I, и Николай I, и другие. Все они были Романовы.

Династия царей Романовых установилась в России на долгие времена, вплоть до 1917 года.

Иван Сусанин

Много подвигов совершили русские люди в борьбе за независимость своей Родины. Вот и еще один — подвиг русского крестьянина Ивана Сусанина.

Произошло это вскоре после избрания на русский престол Михаила Романова. Находился молодой русский царь в то время недалеко от города Костромы.

Не очищена еще была полностью в ту пору русская земля от различных польских военных отрядов. То в одном месте, то в другом продолжались еще бои. Неохотно отходили поляки к себе на родину. Неожиданно один из польских отрядов оказался у города Костромы.

Узнали поляки, что где-то здесь же недалеко находится русский царь.

Разгорелись глаза у поляков.

— Вот бы царя схватить.

— Вот бы царя пленить.

Мечтают поляки об успехе, о славе. Знают, русских войск поблизости нет. В руки идет удача.

Известно полякам, где приблизительно находится русский царь, однако не знают туда дороги. Ищут, кто из местных крестьян укажет.

К одному обратились. В ответ:

— Не знаю.

Обратились ко второму:

— Не знаю.

Обратились к третьему, к пятому, к десятому.

Отрицательно машут крестьяне головами:

— Не знаем дороги. Не знаем. Не ведаем.

Понимают поляки — хитрят мужики. Схватили тогда они одного из крестьян — Ивана Сусанина. Наставили ружья:

— Веди!

Повел их Иван Сусанин. Леса под Костромой дремучие, дикие. Тянутся они без конца, без края. Топи в лесах, трясины. Голодные волки, как тени, бродят, басами ревут медведи. Глазастые филины зорко смотрят из дупел. Хищные вороны сидят на елях. Страшно в таком лесу. Однако идут поляки. Мечтают схватить русского царя Михаила Романова.

Ведет их Сусанин. Палка в руках дубовая. Свернет Сусанин правее, свернет чуть левее. Прямо пройдет. Снова правее. Снова левее. Послушно следом идут поляки.

Вначале двигались лесной дорогой. Оборвалась дорога. Пошла тропа.

Идет Сусанин. Свернет чуть направо. Возьмет чуть налево. Прямо пройдет. Снова — направо. Снова — налево.

Оборвалась тропа. Дело было как раз зимою. Завалы кругом. Сугробы.

Насторожились поляки.

— Куда ты ведешь, Сусанин?

— Скоро к главной дороге выйдем, — ответил Сусанин.

Снова свернул направо. Снова свернул налево. Прямо прошел. Снова — правее. Снова — левее.

Прокричал где-то страшное ворон. Филин из дупла грозно повел глазами.

Стало сереть. Стало темнеть.

Кричат поляки:

— Куда ты завел нас, Сусанин?!

Взвыл где-то голодный волк. Медведь-шатун отозвался ревом.

— Куда ты завел нас, Сусанин?!

— Скоро. Скоро к главной дороге выйдем.

Снег повалил. Следы заметает. Плетутся, петляют, плутают поляки. Теряют последние силы.

Не объявилась дорога.

Поняли поляки: специально завел их Сусанин в лесные дебри. Схватились они за сабли. Изрубили Сусанина.

Погиб Сусанин. Однако и поляки из леса не вышли.

Вечен в памяти русских людей подвиг Ивана Сусанина.

Последний раз о Марине Мнишек

Началась эта история еще до того, как ополченцы Минина и Пожарского освободили от поляков Москву.

Атаман Иван Заруцкий стоял со своими казаками рядом с Москвой. Разругался он вдруг с другими командирами. Даже грозился перейти на сторону поляков. Однако затем передумал. Ушел из-под Москвы в город Коломну, а затем и вовсе на юг России в Астрахань. Вместе с собой он забрал Марину Мнишек и ее малолетнего сына, отцом которого был Лжедмитрий II, Ивана.

Честолюбивые планы зрели у Заруцкого и Марины Мнишек. Они хотели «царевича» Ивана сделать московским царем.

Новые военные силы стали собираться вокруг Заруцкого.

Атаман собирался идти на Саратов, на Казань. Затем штурмовать Москву.

Не осуществились эти желания. Народные полки Минина и Пожарского разбили поляков. На русский престол был избран Михаил Романов.

Но это не остановило Ивана Заруцкого и Марину Мнишек. Они по-прежнему доказывали права

на русский трон «царевича» Ивана.

— Он внук Ивана Грозного, — утверждали Заруцкий и Марина Мнишек. — Ему по закону Россией править.

Но все знали, что это неправда.

На юг против Заруцкого были посланы царские войска. Они стали подходить к Астрахани.

Заруцкому и Марине Мнишек пришлось снова бежать. Они хотели пробраться в Персию. Сейчас это государство носит название Иран. Но не успели.

Ивана Заруцкого, Марину Мнишек и ее сына «царевича» Ивана схватили.

Из Астрахани через Казань их повезли в Москву.

Везли под большой охраной. Стража даже получила приказ: в случае опасности или чьей-нибудь попытки освободить пленных — и Заруцкого, и Марину Мнишек, и маленького Ивана убить.

Однако дорога прошла спокойно.

В Москве Заруцкого казнили. Смерть была страшной. Казацкого атамана посадили на острый кол. Не пожалели, лишили жизни и маленького Ивана.

Недолго после этого прожила и Марина Мнишек. Она была заключена в тюрьму. В тюрьме и

скончалась.

Однако долго ходили слухи, что и она умерла не естественной смертью.

— Закололи ножами ее в тюрьме, — утверждали одни.

— Не закололи, а удушили, — утверждали вторые.

— Не удушили, а утопили, — уверяли третьи.

Не стало Марины Мнишек. Завершился жизненный путь Марины.

Новое время

Кончилась Смута. Начиналось новое время. И хотя не все еще было спокойно в Русском государстве, однако все тише и тише плескались волны людского гнева. Все реже срывались зловещие ветры. Все устали от Смутного времени. Природа и люди рвались к покою.

Повстречались как-то соседи Прохор Напейся Чистой Воды и Симка Умойся Грязью. Сели они над рекой на круче.

Прохор и Симка — одногодки, приятели. Выросли вместе. С детства дружили. Суровые дни Смутного времени пережили.

Вот как сложились их судьбы.

Началось все еще при царе Борисе. Где-то в польских землях, а затем на Украине появился Лжедмитрий I. Разбились люди тогда на два лагеря. Одни за царя Бориса, другие за «царевича Дмитрия».

— Я за царя Бориса! — кричал Прохор Напейся Чистой Воды. — Он государь законный.

— Я за царевича Дмитрия! — кричал Симка Умойся Грязью. — При нем жизнь станет лучше.

Не только кричали они. Не только спорили. Ушел Прохор сражаться за царя Бориса. Ушел сражаться Симка за «царевича Дмитрия».

Победили тогда те, кто был за «царевича Дмитрия». Однако недолго продержался на русском престоле Лжедмитрий I. Скинули «Дмитрия».

Избрали новым царем боярина Василия Шуйского. Однако появился новый самозванец — Лжедмитрий II.

Снова разбились люди на тех, кто был за царя Василия Шуйского, и на тех, кто стоял за Лжедмитрия II. Снова в разных лагерях оказались Симка и Прохор. Снова люди пошли войной друг на друга.

Продолжается Смута.

Свергнут был Шуйский, убит Лжедмитрий II. Однако и теперь не установился покой в России.

Двинулись на Россию поляки, шведы. И вновь ушли на войну Прохор и Симка. Сражались в первом народном ополчении у Прокопия Ляпунова. Сражались во втором народном ополчении у Минина и Пожарского.

Уцелели. Вернулись домой с победой. Устали от войн, от Смутного времени люди. Устали Симка и Прохор. И вот завершилась Смута. Был избран законный правитель России — царь Михаил Романов. Начиналось новое спокойное время.

Повстречались Прохор и Симка у реки на высокой круче. Сели они на траву. Солнце, сияя, стоит в зените. Рядом речка журчит певунья. Луг, как бархат, лежит в низине. Неподалеку какую-то сказку шепчет зеленый лес. Мышь-полевка в траве мелькнула. Цокнула рядом белка. Пронеслись, как гонцы, стрижи.

Вдохнули друзья свежий весенний воздух.

— Хорошо, — произнес Прохор Напейся Чистой Воды.

— Хорошо, — отозвался Симка.

Посмотрели они на небо, на солнце. Улыбнулось им с неба солнце.